

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Генри
Каттнер

ВРЕМЯ, НАЗАД!

*и другие
невероятные рассказы*

«АББУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Генри Каттнер

**«Время, назад!» и другие
невероятные рассказы**

«Азбука-Аттикус»

1940–1951, 1954

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Каттнер Г.

«Время, назад!» и другие невероятные рассказы / Г. Каттнер —
«Азбука-Аттикус», 1940–1951, 1954 — (Фантастика и фэнтези.
Большие книги)

ISBN 978-5-389-22539-8

Генри Каттнер, публиковавшийся не только под своей настоящей фамилией, но и под доброй дюжиной псевдонимов, считается одним из четырех или пяти ведущих американских фантастов 1940-х. Легендарные жанровые журналы, такие как «Future», «Thrilling Wonder», «Planet Stories» и «Weird Tales», более чем охотно принимали произведения, написанные им самостоятельно или в соавторстве с женой, известным мастером фантастики и фэнтези Кэтрин Люсиль Мур; бывало, что целый выпуск журнала отводился для творчества Каттнера. Почти все, созданное этим автором, имеет оттенок гениальности, но особенно удавалась ему «малая литературная форма»: рассказы о мутантах Хогбенах, о чудачковатом изобретателе Гэллегере и многие другие, сдобренные неподражаемым юмором, нескольким поколениям читателей привили стойкую любовь к фантастике. Почти все произведения, вошедшие в этот сборник, публикуются на русском языке впервые или в новом переводе. Повести «Бог по имени Кру» и «Детский час» удостоены премии «Хьюго».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-22539-8

© Каттнер Г., 1940–1951, 1954

© Азбука-Аттикус, 1940–1951, 1954

Содержание

Генри Каттнер	8
Бог по имени Кру	8
1. Боги тоже смертны	8
2. Чудо Кру	12
3. Японские обычаи	15
4. Лучше не рисковать	18
5. Предоставим это Кру	21
6. Кру применяет силу	24
7. Нерешительные японцы	27
8. Покровительство Кру	31
9. Лживый жрец	33
10. Награда воина	37
Исцеление	41
Тарабарщина	50
Забери меня домой	63
Спасайся кто может!	85
Сплошная иллюзия	102
Допуск на ошибку	117
Увольнение в детство	143
1. Джерри перекинулся	143
2. Младенцу надо выпить	147
3. Шаловливые ручонки	152
4. Грубая сила	157
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Генри Каттнер

«Время, назад!» и другие невероятные рассказы

Henry Kuttner and C. L. Moore

A GOD NAMED KROO © Henry Kuttner, 1944

THE CURE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946

NOTHING BUT GINGERBREAD LEFT © Henry Kuttner, 1943

CARRY ME HOME © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1950

THE SKY IS FALLING © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1950

ALL IS ILLUSION © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1940

MARGIN FOR ERROR © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947

BABY FACE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1945

WE SHALL COME BACK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1951

PROJECT © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947

THE CRYSTAL CIRCE © Henry Kuttner, 1942

READER, I HATE YOU! © Henry Kuttner, 1943

OPEN SECRET © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943

PROBLEM IN ETHICS © Henry Kuttner, 1943

TUBE TO NOWHERE © Henry Kuttner, 1941

WE KILL PEOPLE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946

WAY OF THE GODS © Henry Kuttner, 1947

AS YOU WERE © Henry Kuttner, 1950

THE CHILDREN'S HOUR © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1944

DREAM'S END © Henry Kuttner, 1947

DESIGN FOR DREAMING © Henry Kuttner, 1942

ATOMIC! © Henry Kuttner, 1947

THE ODYSSEY OF YIGGAR THROLG © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1951

WHERE THE WORLD IS QUIET © Henry Kuttner, 1954

PARADISE STREET © C. L. Moore, 1950

PROMISED LAND © C. L. Moore, 1950

THE CODE © C. L. Moore, 1945

HEIR APPARENT © C. L. Moore, 1950

NO WOMAN BORN © C. L. Moore, 1944

FRUIT OF KNOWLEDGE © C. L. Moore, 1940

DAEMON © C. L. Moore, 1946

© Т. И. Алёхова, перевод, 2022

© Н. Л. Губина, перевод, 2022

© Б. М. Жужунава (наследники), перевод, 2022

© А. С. Киланова, перевод, 2022

© Е. В. Кисленкова, перевод, 2022

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2022

© В. О. Михайлова, перевод, 2022

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2022

© К. П. Плешков, перевод, 2022

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

Оформление обложки Егора Саламашенко

* * *

Генри Каттнер

Бог по имени Кру

То были не храмы, но священные места, полные идолов и изваяний. Все живые существа, обитавшие там или даже забредшие туда случайно, были неприкосновенны и становились собственностью бога... Соломон Рейнак. Орфей, или Всеобщая история религий

1. Боги тоже смертны

Погруженный в тягостные размышления, Кру смотрел на яка.

За десять лет он успел не только привязаться к животному, но и по-отечески полюбить его, все равно как если бы великие боги питали чувства к своим поклонникам. Но у Кру больше не было поклонников. Последние из них умерли полвека назад, а сын его стал буддистом. Кру превратился в бога без верующих – что само по себе печально.

Впрочем, в этом не было ничего необычного. Мардук и Аллат вавилонские, Ормазд и Осирис тихо скончались, как и большинство отвергнутых богов, которые предпочли неизвестность забвению. Да, они были умнее, чем Кру – мелкое племенное божество из Гималаев, наивное и неопытное.

Будучи порождением невежественных крестьянских умов, он во всех отношениях походил на своих родителей. Когда-то ему приносили кровавые жертвы – теперь же местные жители избегали заросшего сорняками храмового двора на окраине селения. Они до сих пор слегка побаивались Кру и его зловещих способностей и потому не пытались разрушить его дом. Они просто его игнорировали, что было еще хуже. Никто не заходил туда уже многие годы. Никто, кроме яка.

Як ничего об этом не знал. Бродя однажды ночью в поисках травы, он оборвал веревку и вломился через полуразвалившуюся ограду во двор, где утром и обнаружили его пронырливые селяне. Кру до сих пор помнил их хитрые физиономии, уставившиеся на яка.

– Зови его назад, быстрее, – сказал кто-то. – Дхо-ни ничего не узнает.

При столь вероломных словах Кру затрясся от ярости. Нечестивый наглец! Да никак он решил похитить собственность богов? Ну что ж...

Уже готовый совершить нечто ужасное, Кру замер, увидев приближающегося Дхо-ни, престарелого ламу в грубой синей мантии, высохшего словно мумия. Тот сразу же все понял.

– Назад! – проквакал он. – Як теперь принадлежит Кру.

Лама вошел в храмовый двор.

– Но он мой, – возразил мрачный худой селянин. – Мне без него никуда. Как я...

– Замолчи. Ты сам виноват, что позволил животному уйти. Теперь оно принадлежит Кру, и оно священо.

Вспомнив об этом, Кру позволил себе улыбнуться. Дхо-ни был, конечно, религиозным фанатиком, но традиции уважал. Так что як остался у Кру и теперь неуклюже бродил по двору, словно косматый стог коричневой соломы, выбирая подходящее место, где бы прилечь. Наконец он остановился и, осторожно подгибая задние ноги, со вздохом медленно опустил свою гигантскую тушу на землю. Як пережевывал жвачку. Кру усмехнулся.

Другие боги, возможно, и были смертны – слабые, безвольные божества, – но не Кру. Будучи представителем крепкого крестьянского рода, он обладал многими достоинствами, и главным из них было упорство.

Но ему не давали покоя мысли о помпезности и роскоши дворов Вавилона и Ниппура, о величественном храме Карнака, о тысячах алтарей, где поклонялись другим богам. Настоящие алтари – а не кусок изъеденного временем камня, с которого исчезли последние следы крови. Кру чувствовал слабость и понимал, что это означает.

Он старел. Он угасал. Уже пятьдесят лет он медленно умирал от голода, лишенный необходимой пищи в виде молитв, жертв и веры. Селяне на самом деле больше в него не верили. Они просто ему не доверяли, немного боялись и предпочитали не рисковать.

Если Кру не найдет себе поклонников, и как можно скорее, – он умрет.

Он был слишком молод для того, чтобы умирать. Почти ведь и не жил по-настоящему! На мгновение он ощутил слепую зависть к богам намного более великим, чем он, творившим чудеса, которые повергали тысячи, миллионы людей в ужас. Кру тоже мог творить чудеса, но для строго ограниченного круга. Он крайне нуждался в слуге. В верховном жреце. Если бы хоть кто-то из селян забрел на храмовый двор... но на подобное можно было не рассчитывать. Никаких шансов.

Кру поднял лохматую голову и прислушался. Из-за ограды доносились голоса. Группа крестьян о чем-то оживленно спорила с... с белым человеком! Божественный взгляд упал на худое, жесткое лицо с плотно сжатыми губами и холодными голубыми глазами, пылавшими гневом. Кру снова прислушался.

– Мне нужен як, – заявил белый. – Мы потеряли двух во время лавины, и остальные наши животные почти полностью обессилели.

– Почему бы не оставить часть своего добра? – последовало наивное предложение.

– Моего добра? Гм... Мне потребовалось шесть месяцев, чтобы собрать все, что я хотел, ценой немалых лишений, и я забираю его с собой, целиком. Черт побери, почему бы вам не продать мне этого яка? Или хотя бы сдать внаем. Я пришлю его назад, как только доберусь до реки.

– Дхо-ни нет. Он отправился в путешествие.

– Когда он вернется?

– Кто знает? Возможно, через много лун.

Зазвенели деньги. Селяне зашевелились, пугливо переглядываясь. В конце концов, Дхо-ни был далеко, а золото есть золото.

Но традиция восторжествовала.

– Нет, пелинг¹. Он не продается.

Белый бросил на землю горсть монет:

– Я покупаю его. Мне нужен як. И я намерен его получить.

Он повернулся и направился в храмовый двор. Селяне не двинулись с места. А Кру, который сидел на корточках, напряженно наклонившись вперед и затаив дыхание, улыбнулся, когда доктор Гораций Дентон вошел за ограду.

На следующий день белый человек и его отряд отправились на восток, а потом на юг, в сторону Индии. Хотя Дентон никогда прежде не бывал в этих краях, он безоговорочно доверял проводнику-туземцу, успевшему высоко себя зарекомендовать.

Джиенг походил скорее на мартышку, не заслуживающую никакого доверия, но он бывал во Лхасе, Запретном городе, и много лет водил экспедиции туда и обратно. Все его имущество

---

¹ Местное название чужеземцев.

составляли кожаная рубаха и острый кривой кинжал-кукри в деревянных ножнах, а ноги были покрыты густыми волосами – в отличие от лица.

Путешественники шли среди гималайских вершин, преодолевая ущелья, спускаясь по опасным тропам, проклиная яка, когда он становился чересчур упрямым, и не замечая, что за ними следует небольшая черная грозовая туча.

Мысли Дентона были заняты совсем другим. Вместе с экспедицией он провел почти два года вдали от людей, но теперь мог вернуться в Америку, выполнив задание, которое дал ему музей. Будет весьма отраднее снова увидеть Нью-Йорк. И отдохнуть недельку-другую на Гавайях.

Лишенный доступа к какой-либо информации, доктор Дентон раздумывал о том, как идет война в Европе. Что ж, скоро ему представится возможность узнать новости в ближайшем селении, которое могло похвастаться наличием радиоприемника. Слухи, доходившие вглубь Тибета, были редки и разрозненны. Дентона посещали неясные мысли о том, отказались ли уже японцы от надежд завоевать Китай. Он полагал, что это так, и, будучи человеком логичным, не считал разумной бессмысленную трату времени и сил. Так или иначе, это вряд ли могло как-то его коснуться, если только он случайно не окажется в зоне военных действий. Следовало позаботиться о том, чтобы не потерять собранные образцы, ценность которых было сложно переоценить.

Ничего удивительного, что Дентона потрясло внезапное чудо с яком.

Обычный як – или, как его именуют педанты, *prophagus grunniens* – представляет собой гигантское лохматое мускулистое создание, напоминающее движущуюся гору. При виде подобного животного, вперевалку шагающего по горной тропе, уже становится не по себе. А уж при виде летающего яка...

Все случилось за несколько мгновений на извилистой тропе, опасно спускавшейся вдоль края глубокой пропасти. Отряд шел гуськом, осторожно нащупывая дорогу, когда вдруг прямо из-под носа шедшего впереди яка выпрыгнул маленький белый зверек, вероятно кролик. Як издал хриплый испуганный рев, застучал копытами и сорвался в пропасть, увлекая за собой груды камней и другого яка, которого Дентон купил в тибетском селении. Мертвую тишину высокогорья нарушил грохот небольшой лавины.

Дентон наблюдал за происходящим, инстинктивно вжавшись в скалу за спиной. Первый як продолжал падать. Падали и камни. Но второй як рухнул лишь на сотню футов, а потом застыл неподвижно, повиснув в воздухе бесформенной темной массой. И вдруг на глазах у ошеломленного Дентона он начал подниматься.

Як поднимался до тех пор, пока не оказался на уровне тропы, чуть выше ее. Животное висело вверх копытами, печально уставившись на Дентона. Неожиданно оно перевернулось в воздухе, скользнуло в сторону и, опустившись на дюйм или два, вновь надежно приземлилось на ноги.

Негромкий всплеск сообщил о печальной судьбе второго яка, который, увы, не находился под защитой Кру.

Среди туземцев поднялся ропот. Джиенг успокоил их, взмахнув блеснувшим на солнце кинжалом, и выжидающе посмотрел на Дентона.

Доктор дал знак идти дальше. Сказать ему на самом деле было нечего. Да и что тут скажешь, когда случилось невозможное?

Однако тревога не оставляла Дентона. Когда на закате разбили лагерь, он подозвал Джиенга к маленькому костру из кизяка. Туземец присел на корточки и заговорил на своем языке, которым Дентон прекрасно владел.

– Джиенг, ты видел, что произошло с яком?

– Пранам, – последовал слегка неуместный ответ. – Магия, конечно.

– Мы на Западе не верим в магию.

– Многие не верят, – философски заметил Джиенг. – Даже праведники, знающие множество мантр, втайне сомневаются. Я думал, господин, что этот як – изменивший внешность маг или даже бог. Но когда я стал задавать ему вопросы, он не ответил. И все же...

Дентон показал на тучу, закрывавшую несколько звезд, и спросил:

– Ты... заметил?

– Конечно. Грозовая туча, хотя и небольшая. Она следует за нами с тех пор, как мы покинули то селение. – Джиенг пожал плечами. – Я невежественный человек, пелинг, и мало в этом разбираюсь. Возможно, ты стал воплощением Будды или Гомбо-ламой.

– Чушь, – скептически фыркнул Дентон.

– Может, и чушь. Но когда умирает воплощение Будды, его душа немедленно переходит в тело новорожденного младенца.

– Ну так я же не новорожденный младенец. Кстати, Джиенг, почему сегодня ты выставил охрану?

– О нашем присутствии уже с полудня сообщают вражеские племена. Я их слышал.

Дентон знал, насколько острый у Джиенга слух.

– По-твоему, есть опасность?

– Возможно. Я вооружил своих. Но они трусы, господин, и боятся сражаться с горцами.

– И что? Нам следует свернуть лагерь и идти дальше?

– Да не допустят подобного духи! Горцы только этого и ждут, чтобы прикончить нас поодиночке.

На обезьяньей физиономии Джиенга не отражалось никаких эмоций, как будто происходящее совершенно его не волновало.

– Что ж, я поклоняюсь Кали. Если умру, Кали успокоит мою душу. Она могущественная богиня. Ай-и! Что это?

Дентон посмотрел на небо, на котором не было ни облачка, не считая маленького черного пятнышка.

– Гром. Странно.

Джиенг скорчился у костра, похожий на бесформенный кожаный сверток.

– Не стану вновь упоминать ее имя. Думаю, это еще один дар богов, и, клянусь памятью предков, я ко всему отношусь терпимо.

– Ладно. Вернемся к... к тому, что случилось сегодня. Что об этом думают твои люди?

– Кто знает? Они лишь кланяются яку, когда он проходит мимо. О-о! Хватай оружие, быстро! Эти псы напали на нас!

В окружавшей лагерь темноте раздались крики. Лунный свет был слишком тусклым, чтобы хоть что-то разглядеть, и все же Дентон вскочил, выхватив револьвер. В предстоящей драке от него было куда больше толку, чем от ружья.

То и дело раздавались вопли, напоминавшие завывание волков. Иногда Дентон замечал промелькнувший черный силуэт, после чего в землю возле костра вонзалось копье. Джиенг что-то кричал столпившимся вокруг туземцам. Внезапно они бросили ружья и упали ниц, видимо решив, что сражаться бесполезно. Увы, это был конец. Уткнувшись носом в грязь, они повторяли: «Ом мани падме хум».

Джиенг подбежал к Дентону:

– От них никакого толку. Что будем делать?

В ответ Дентон поднял револьвер и выстрелил в едва видимую фигуру, которая тут же отскочила, судя по всему невредимая. Снова раздались крики, топот, и посыпались копья. Одно из них распорол Дентону рукав.

Черная туча над головой, на которую никто не обращал внимания, судорожно дернулась, словно в ярости, и зловеще громынула. Из нее ударила молния.

Точно нацеленная молния угодила в одного из горцев, окутав его белым сиянием. Тот вскинул руки, вскрикнул и упал замертво. Еще до того, как он коснулся земли, с неба снова ударила молния.

– Повезло, – прошептал Дентон.

– Я бы не назвал это везением, – ответил Джиенг. – Ай-и! Еще одна!

Из тучи выстрелила новая молния, уничтожив третьего горца. Потом еще одна и еще. Дентон представил себе спокойно сидящего верхом на этой невероятной туче снайпера, тщательно целящегося перед очередным выстрелом. Горцы бросились наутек. Молнии устремились следом. Несчастные рассыпались во все стороны по равнине, но бежать было некуда. Дентон и Джиенг смотрели, как стихия аккуратно и шумно расправляется с их бывшими врагами.

2. Чудо Кру

Туча медленно вернулась назад и зависла прямо над Дентоном, издавая приглушенные раскаты грома. Джиенг попятился, шепча что-то о дурном предзнаменовании. Дентон неожиданно ощутил, что поднимается в воздух.

На мгновение он ослеп, затем зрение прояснилось. Он смотрел сверху на лагерь и освещенную тусклым светом луны равнину. Внизу сгрудились в кучу простертые ниц тела носильщиков. Джиенг походил на маленькое черное пятнышко. Дентон обнаружил, что находится примерно в сорока футах над землей, сидя на краю странно твердой тучи.

У него закружилась голова. Он покачнулся, судорожно цепляясь за опору. Подобное было просто невозможно. Более того, ему грозила опасность свалиться.

– Джиенг! – заорал он.

Проводник посмотрел вверх и начал молиться. Туземцы, подняв к небу блеклые пятна лиц, последовали его примеру. Дентон сдержанно выругался.

Он сидел на туче. И одно это уже было чересчур необычно. Осторожно ощупав тучу, он понял, что она напоминает нечто среднее между резиной и губкой. Ему было вполне удобно. Впрочем, какое-то время даже сидеть на электрическом стуле может быть удобно. В довершение ко всему кто-то облизывал Дентону шею.

Осторожно повернув голову, он встретил мягкий и дружелюбный взгляд яка. Огромное животное лежало прямо позади него, и от соседства с его похожей на Минотавра физиономией доктору стало не по себе. Рога выглядели довольно внушительно, даже если и походили по своей структуре на хрупкое дерево.

Послышался чей-то рев – то ли яка, то ли тучи, Дентон не понял, чей именно.

Взглянув вниз, он крикнул Джиенгу:

– Сними меня отсюда, глупый невежда!

– Как? – логично спросил проводник, не переставая отбивать поклоны.

Мгновение спустя проблема разрешилась – Дентон, неожиданно для себя, верхом на яке мягко опустился обратно на землю. Он поспешно слез с яка и мгновенно покрылся холодным потом.

– Где выпивка? – пробормотал он, шаря в рюкзаке. – Проклятый Тибет!

Он отхлебнул виски и рявкнул Джиенгу:

– Убираемся отсюда! Немедленно.

– Подожди, – сказал Джиенг. – Носильщики хотят отблагодарить бога, который спас нас от горцев. Он наверняка тебя любит. А як, вероятно, его священное животное.

– Чушь, – проворчал Дентон, думая о Гомбо-ламах и знатоках Тибета. – Это гипноз или еще что-нибудь. Нет, – продолжил он, неожиданно хрипло, – ты лицеизрел могущество Кру. Кру Всеведущего! Кру Ужасного! Кланяйся и молись Кру!

– Я-а! Кру велик! – поспешно заметил дипломатичный Джиенг и простерся ниц вместе с остальными туземцами.

Дентон ошеломленно уставился на молящихся. Почему, черт побери, он это сказал?

Он этого не говорил. Слова вылетали у него изо рта без какого-либо его участия. Он слышал их так, словно говорил кто-то другой.

– Вставай! – раздраженно бросил он. – Не... Кру велик! Молись Кру или умрешь в страшных мучениях!

– Я-а!

Дентон заскрежетал зубами, чувствуя, что сходит с ума. Поспешно нашарив бутылку с виски, он глотнул жгучей жидкости.

И снова прогремел его голос:

– Уходите! Оставьте Кру наедине с его верховным жрецом для личной беседы!

Туземцы во главе с Джиенгом тотчас же ползком попятились назад, словно раки. Картина была впечатляющая. Дентон сидел не шевелясь, пока последняя пресмыкающаяся фигура не скрылась во мраке.

Он отхлебнул еще виски и подумал: «Я схожу с ума. Шизофрения. Джекилл и Хайд. Два года в Тибете... тьфу!»

– Не бойся, – раздался его собственный голос, ставший более низким и хриплым. – С тобой говорит Кру. Ты очень дорог для Кру.

– Это сказал я, и вместе с тем я этого не говорил, – пробормотал Дентон. – Это мой голос, но...

– Оставь сомнения, – прервал он сам себя снова более низким голосом. – Боги могут говорить устами своих верховных жрецов. Так, по крайней мере, было в старые времена. И я знаю все языки, которые знаешь ты, а также множество других. Заруби это себе на носу, – закончил Дентон, переходя на английский.

– Я сошел с ума!

– Нет, но ты пьянеешь – то есть духи вина начали... – Дентон разразился потоком ожесточенной, крайне вульгарной брани на малопонятном тибетском диалекте. – Ладно, – наконец продолжил он. – Итак, я крестьянский бог. Проклятье! Будь я богом всех этих сверхцивилизованных напыщенных ничтожеств, я мог бы изъясняться на их наречии. Но я не таков. Меня породили грязь и кровь. И того, чего вполне хватало моим первым поклонникам, вполне достаточно и нынешнему современному отродью безносых матерей. Вашанг-яф!

Дентон не понял последних слов, но они прозвучали как ругательство. Он прикончил бутылку и открыл другую. Происходящее казалось ему нереальным.

Он был один посреди холодной пустыни, освещенной лишь крохотным костром и далеким сиянием звезд. Туземцы исчезли. Он был один и разговаривал сам с собой.

– Джиенг! – крикнул он. – Вернитесь! Нет – назад, если вам дорога жизнь, презренные псы!

Дентон отхлебнул из второй бутылки. Это ему помогло, и даже весьма, особенно когда предметы начали терять очертания и слегка расплываться. Ему уже не казалось столь странным, что он сидит и беседует... сам с собой? Нет...

– Ты все еще сомневаешься? – спросил Дентон.

– Черт побери, да, – коротко ответил он.

– Тогда тебя следует убедить.

– Как? Это мой собственный голос...

– Я использую твою глотку и язык так же, как ты мог бы пользоваться музыкальным инструментом. Как я мог бы воспользоваться яком...

Дентон внезапно замолчал. Як подошел ближе, освещенный тусклым светом костра.

– ...или любым существом, находящимся в моей власти, – проговорил як. – Звериной глоткой пользоваться сложнее, поскольку она не приспособлена для человеческой речи. И тем не менее – сам слышишь. Ты убежден? Если да, продолжим разговор.

– Это гипноз, – упрямо заявил Дентон. – Возможно, дело рук Джиенга.

– Гм...

Як замолчал. Внезапно Дентон начал подниматься в воздух. Он уронил бутылку и вскрикнул.

– Все еще не веришь? – спросил его собственный голос.

– Нет! – выдохнул Дентон. – Это галлюцина...

Он взмыл в небо, подобно ракете. Воздух стал ощутимо холоднее.

– Веришь?

– Н-н...

– Я не могу доставить тебя на луну, но ты можешь проделать полпути до нее, прежде чем моя сила иссякнет. Когда поймешь, что веришь в Кру, скажи.

Дентон судорожно сглотнул.

Земля уходила все дальше, и горные вершины с белыми ледниками напоминали теперь рельефную карту, простершуюся далеко вниз. Дентон быстро поднимался, чувствуя, что ему все труднее дышать.

– Сын грязной обезьяны! – с болью спросил его собственный голос. – Будешь ты говорить – или умрешь?

Дентон кивнул:

– Я... верю...

– Ты одержим сомнениями еще больше, чем гностики. Но – ладно.

Он начал опускаться столь же быстро, как и поднимался, пока не обнаружил, что парит не более чем в пятистах футах над лагерем.

– Теперь, – сказал он голосом Кру, – мы можем поговорить.

– Угу, – устало согласился Дентон. – Но мне будет легче говорить, если я смогу еще выпить.

– Почему бы и нет?

В воздух пулей взмыла бутылка и легко легла в руку Дентона.

– Пей! Это доброе зелье, крепкое и дикое, словно кумыс. Я рад, что тебе не по душе безвкусные вина жарких стран. Там, где я родился, люди пили кумыс. Когда-то они жили рядом с моим храмом, где ты купил моего священного яка.

– Так, значит, это был твой храм? – осенило Дентона.

– И как ты догадался? – язвительно спросил голос. – Жалкая хижина! В селении мертвецов – глупцов и идиотов. Я умирал и был в плену. Я, чьи поклонники кричали и убивали, пока земля не обогрилась кровью – во имя меня. В моих жилах течет горячая кровь! Или текла. И она снова бурлит. Верховный жрец, мне нужен храм.

– Вот как? Что ж...

– И он у меня будет. Я снова стану великим. Все будут мне поклоняться, а ты – мой верховный жрец.

– Но я не хочу быть твоим верховным жрецом, – в отчаянии сказал Дентон. – Тебе нужен... лама или шаман. Я не знаю, что мне следует делать.

– Когда будет нужно, я буду говорить твоим языком, словно оракул.

– Подожди! Не...

– Разве Каррузерс не будет рад?

– Уж точно не якам, – безнадежно проговорил Дентон. – Послушай, нельзя ли мне как-то отсюда выбраться? Мне нужно вернуться назад в Штаты...

– Хорошо. Где эти Штаты?

Дентон быстро размышлял. Вернувшись в Нью-Йорк, он по крайней мере будет в знакомой обстановке да и не в столь затруднительном положении. Возможно, ему как-то удастся совладать с Кру. Возможно...

Во всяком случае, он снова окажется дома. И не в полном одиночестве, где на сотни миль нет ни одного белого человека. Уж определенно хуже не будет!

– На востоке, – сказал Дентон. – Прямо на восток, пока не окажемся над Сент-Огастином. Я дам знать.

– Значит, на восток.

Як Кру взмыл в воздух. Дентон удивился, что снова сидит на нем верхом. Ландшафт внизу уносился прочь.

– Эй, погоди! – неожиданно вспомнил доктор. – Я не заплатил туземцам.

– Что?! Платить тем, кто прислуживал моему верховному жрецу? – Кру разразился такими ругательствами, что Дентону стало мутно.

Полет на восток продолжался.

3. Японские обычаи

Да, они летели быстро – для Дентона. Кру не прибегал к мгновенной телепортации, поскольку ему хотелось ближе познакомиться со странным новым миром, в котором он оказался. Много веков он не покидал пределы Тибета. Современные люди – какие огромные города и храмы они могли возвести?

За час они пролетели над Бутаном. Еще до рассвета пересекли Брахмапутру и были теперь над северной оконечностью Бирмы. В окрестностях Садии, где заканчивается железная дорога и начинаются большие залежи нефрита, Кру заметил нечто интересное.

Честно говоря, он немного устал. За прошедшие годы жизненная сила его иссякла, и, хотя он не признался бы в том человеку или даже другому богу, он начинал ощущать страх. Он думал о новых божествах, которые сменили Амона, Баала и Анубиса.

Кру страдал комплексом неполноценности.

Это была не его вина. Кру не принадлежал к умудренной жизнью расе. Как он уже упоминал Дентону, он был не более чем порождением грязи и крови. Короче говоря, он был крестьянином, варваром. Столетия назад он сжимался в комок под колкими насмешками занимавших более высокое положение богов, которые считали его неотесанным болваном. Даже в дни его наивысшего могущества Исида называла его выскочкой.

И это причиняло ему боль. Кру, конечно, сознавал собственную ограниченность. Он был малообразован и еще менее культурен. Да, он обладал могуществом – но им обладали все боги. Что, если он появится в современном мире, где правят новые боги, утонченные и обходительные, и объявит, что он – Кру?

Новые боги могли просто поднять брови, развести руками и отвернуться. Будучи искусственными во многих отношениях, они могли решить, что с Кру не стоит даже знать.

Древний дикий бог сердито встряхнул могучими плечами. Он им покажет! Возможно, он и низшее божество, но...

Кру вздохнул. Он слишком хорошо осознавал собственную ничтожность. Считать иначе было бы тем же самым, что и надеяться быть допущенным в обитель богов Годсхайм после смерти. Лишь по-настоящему великие отправлялись туда, и уж точно не слабые больные боги, умершие от недостатка веры. Что ж, хорошо. Он будет повелевать. Он сразится с каким-нибудь небольшим богом и займет его место, правя из храма изгнанника и строя новое царство. У него уже имелись верховный жрец и священный як. Дело оставалось за храмом и поклонниками.

И вот он, храм – прямо перед ним. Мьяпур, городок на севере Бирмы, наполовину состоял из туземных хижин, а наполовину – из более современных строений. Некий британ-

ский инженер творил в Мьяпуре чудеса, пока не погиб при невыясненных обстоятельствах. Самым заметным сооружением была построенная из цемента и металла электростанция, главная гордость инженера.

На рассвете Кру спустился к электростанции, послав перед собой неслышимый зов. Ответа не последовало. Видимо, местный бог спал, как и Дентон, который удобно устроился на спине яка, поддерживаемый силой Кру.

У дверей электростанции стояли несколько людей в форме. Они ошеломленно подскочили, увидев, как распахиваются створки. Кру бросил на них мимолетный взгляд. Они были невысокие и коренастые, с желтоватой кожей, темноволосые и темноглазые. В руках держали ружья.

Кру ощутил исходящую от оружия опасность. Он мог сжечь солдат дотла, но сейчас он находился на пороге обители другого бога, и надлежало вести себя подобающе. Предусмотрительно набросив на электростанцию покров тьмы, он быстро перенес Дентона и яка через портал.

Это действительно был храм. Посреди него с мрачной торжественностью возвышались алтари, огромные генераторы, которые сейчас молчали. Электричество в Мьяпуре отключали на всю ночь из-за опасности бомбежек. Для захватчиков это был особый стратегический пункт, британцы не предполагали возможность оккупации.

Кру немного подумал. Бога здесь не было. Вероятно, отправился куда-то с визитом. Что ж, лучшая оборона – наступление. Кру решил пойти на поиски своего ничего не подозревающего врага, чтобы выяснить, насколько тот могуществен и, соответственно, опасен. Если действительно так, тогда Кру намеревался поспешно убраться. Иначе...

Оскалив желтые клыки в неприятной улыбке, Кру ушел, сняв по пути темную пелену и оставив Дентона внутри электростанции, верхом на невозмутимом яке.

Кру предполагал вернуться позже. Тем временем чьи-то руки схватили Дентона и стащили его с лохматого «коня». Послышались сердитые вопросы и команды. По полу электростанции застучали гулкие шаги. Со стороны дверей бежали часовые, что-то крича насчет противогазов.

– Привет, – сказал Дентон, сонным взглядом обводя окруживших его людей в форме. – Мне снилось... нет, я до сих пор сплю.

Он встряхнулся, и руки сильнее сжались на его плечах. Як замычал.

– Кто ты такой? Как ты здесь оказался? – требовательно спросил офицер.

Дентон узнал язык. Его подозрения подтвердились, когда он понял, что находится внутри настоящей электростанции. Значит, Кру был реальным. Бог, вероятно, за ночь отклонился к северу, приземлившись в Японии, вместо того чтобы пролететь над Андаманскими островами по пути в Америку.

Дентон пробыл в Тибете два года. Ничего не подозревавший археолог широко улыбнулся, чувствуя облегчение оттого, что снова оказался среди цивилизованных людей. Японским он владел вполне неплохо.

– Меня зовут...

– Пристрели его, – предложил кто-то. – Нет, отведи его к капитану Якуни. Он четко распорядился на этот счет.

– Но он шпион.

– Значит, его нужно допросить. Капитан...

– Эй! – сказал Дентон. – Я не шпион.

– Молчать. Что делать с яком?

– Выгони его отсюда, идиот.

– Послушайте, – ничего не понимая, вмешался Дентон. – Дайте мне объяснить.

– Молчать. Иди.

– Но...

– Молчать.

Наступила тишина. Дентона вывели из электростанции, оставив яка на попечение солдат. Желтое рассветное солнце ударило в глаза. Дентон заморгал, оглядываясь по сторонам.

Электростанция скрывалась в густых зарослях магнолии чампака, перемежавшихся стволами тика и красного дерева. Справа земля резко обрывалась, уходя в глубокое ущелье, откуда доносился приглушенный гул воды.

Вдали виднелся полуразрушенный зайят – традиционный бирманский дом для отдыха путешественников.

Бирма? Электростанция? Японцы?

Дентон в недоумении озирался, пока его вели на юг. Хорошо утоптанная тропинка сбегала по крутому лесистому склону вниз, к небольшому селению.

Пагоды подтвердили его подозрение, что это Бирма.

Он обернулся, но уже не увидел электростанцию. Лишь острый глаз бога мог различить ее с высоты.

– Сюда.

Бесспорно, это здание когда-то было храмом. Теперь же его превратили в нечто менее эзотерическое. Часовые у входа отрывисто потребовали пароль. Последовал короткий обмен репликами, а затем чей-то голос хладнокровно выругался по-гэльски.

Дентона толкнули вперед, и дверь открылась. Он оказался в небольшой комнате, умело обставленной как кабинет. За устланным бумагами столом сидел улыбающийся японец средних лет с редкой клочковатой бородкой, которая казалась изъеденной молью и нисколько не добавляла ему достоинства. Он посмотрел на Дентона и коротко кивнул.

Ругательства на гэльском не умолкали. Рядом со столом сидела темноволосая девушка, стройная и довольно симпатичная, в широких брюках-саксах и облегающем свитере, подчеркивавшем ее фигуру. Она бросила на Дентона взгляд из-под длинных ресниц, кивнула и продолжила сотрясать воздух богомерзкими фразами.

– Прошу прощения, мисс Хэдли, – сказал японец, вставая. – Как бы мне ни было приятно ваше общество, но дела в первую очередь. Если вы позволите...

Его английский был превосходен.

– Ладно, красавчик, – проворчала мисс Хэдли. – Посажу тут. Не против?

– Как хотите, – неодобрительно махнул рукой японец. – Итак, мистер...

– Дентон.

– Мои люди рассказали мне весьма удивительную историю. Где ваш самолет? Или вы спустились на парашюте?

– Как насчет того, чтобы представиться? – вмешалась мисс Хэдли, доставая тонкую сигару и ловко откусывая кончик. – Выясните его имя, прежде чем расстреляете. Сможете упомянуть его в своем докладе для штаба.

– Прошу прощения. Мисс Дебора Хэдли, разрешите представить вам мистера Дентона...

– Э... доктор Гораций Дентон. Рад познакомиться, мисс Хэдли.

– Зови меня Дебби, – сказала девушка. – Я, в свою очередь, не стану звать тебя Горацием. Мне никогда не нравилось это имя. Это капитан Якуни, Ден. Нынешний диктатор Мьяпура.

Якуни церемонно поклонился:

– Садитесь, прошу вас. У меня есть несколько вопросов.

– У меня тоже, капитан. И просьба. Я бы хотел, чтобы меня доставили в Мьичину.

– Вот как? Не в Мандалай? Или в Рангун?

Дентон усмехнулся:

– Не стану настолько злоупотреблять вашим гостеприимством. Мьичины мне более чем достаточно.

- Могу я поинтересоваться вашими планами?
- Мне нужно вернуться в Соединенные Штаты. Я собрал в горах кое-какие интересные материалы и с нетерпением жду, когда смогу передать их в надлежащее место.
- Великолепно, – заметила Дебора. – Еще немного – и ты заговоришь про Перл-Харбор. Дентон непонимающе уставился на нее:
- А при чем тут Пёрл-Харбор?
- Послушай, Ден. Сумасшедших в Мьяпуре никто не считает святыми. Их просто расстреливают.
- Одну минуту, – вмешался Якуни. – Доктор Дентон, почему вы оказались на нашей электростанции?
- На этот вопрос нелегко было ответить, не упоминая Кру. Дентон колебался.
- Я пробыл в Тибете два года, – наконец сказал он. – Я этнолог и археолог. Работаю для нью-йоркского музея. Собираю образцы и данные.
- В самом деле? И где же эти образцы?
- Э-э... я отправил их вперед. А теперь у меня есть несколько вопросов. Это Бирма, так?
- Вы правы, – кивнул Якуни.
- В таком случае что тут делают японские солдаты? Я уверен, что Англия не уступала прав на Бирму Японии.
- Якуни молча пощипал бородку.
- Как вы попали в Мьяпур? – наконец спросил он.
- Прилетел.
- Из Тибета?
- Верно.
- Где ваш самолет?
- Если бы я знал, черт побери, – безнадежно сказал Дентон. – Видите ли, капитан Якуни, я какое-то время пробыл под гипнозом. Во всяком случае, предпочитаю так думать. Если я скажу вам всю правду, как я ее видел, вы сочтете меня сумасшедшим. Я знаю, что это не так. Но я уверен, что меня загипнотизировали в Тибете, и я очнулся всего несколько минут назад, на вашей электростанции.
- Пристрелите его, – посоветовала Дебора, помахивая сигарой. – Невелика потеря. У него слишком мало мозгов для шпиона.
- Дентон сглотнул слюну:
- Что еще за глупости? Капитан Якуни, я американский гражданин. Учтите это!
- Учту, – загадочно ответил Якуни, вставая. – Не хотите ли осмотреть Мьяпур, доктор? Мисс Хэдли будет вас сопровождать.
- Двое солдат схватили Дентона и выволокли из кабинета. Дебора последовала за ними, подмигнув Якуни.
- Прощай, жабье отродье, – бросила она по-гэльски.

4. Лучше не рисковать

- На улице Дентон беспомощно огляделся по сторонам, не зная, что делать дальше. Дебора фамильярно взяла его под руку.
- Идем, Ден, – поторопила она. – Мне хочется выпить. Не беспокойся, Якуни дал мне кучу оккупационных денег. Сюда. Рекомендую «Джин слинг».
- Вы его точно не отравите? – с долей мрачного юмора спросил Дентон.
- Дебора пожала плечами:

– Якуни не дурак. Вот почему я сказала ему, что тебя надо расстрелять. Он считает, что у тебя могут быть важные сведения и ты намного ценнее для него живым. Этот япошка доверяет мне не больше, чем я доверяю ему.

Дентон бросил взгляд через плечо на двух следовавших за ними солдат.

– Вы о чем?

– Они не говорят и не понимают по-английски. Хотя жаль, что ты не знаешь гэльского.

– Знаю. Я этнолог.

– Чтоб мне провалиться! – сказала Дебора. – Я думала, этнолог – это тот, кто предсказывает судьбу.

Дентон начал объяснять ей, кто он такой. Он еще не успел закончить, когда Дебора затащила его в полутемное прохладное здание, где под потолком покачивались опахала.

– Ладно. Значит, ты не предсказатель. Если бы я знала, возможно, и не стала бы просить за тебя. Думала, ты выступаешь на ярмарках.

– На ярмарках?

– Да. Это моя работа. Эй, Жукокот! – неожиданно крикнула она.

Из тени, шаркая ногами, появился кланяющийся туземец.

Дебора скорчила многозначительную гримасу в ответ на широкую улыбку бирманца.

– «Джин слинг». Чоп-чоп. Пронто. Раус!

– Ай-и! – кивнул Жукокот и удалился.

Дебора расслабленно уселась за столик и предложила сесть Дентону. Японские солдаты заняли места в некотором отдалении, не сводя с них глаз.

– Теперь поговорим, – вздохнула Дебора. – Расскажи мне все. Нет, давай сначала я. Так будет быстрее. Будем знакомы – Дебби Хэдли, лучшая танцовщица, певица и зазывала во всей Бирме. Раньше ездила вместе со «Странствующим шоу чудес» Харта. Несколько месяцев назад лавочка закрылась, и мне пришлось петь в дешевом кабаке. Когда пришли япошки, я хотела сбежать на лодке, но было уже слишком поздно – меня поймали. Якуни меня не расстрелял, – вероятно, потому, что я назвала его всеми словами, какие только выучила за восемь лет работы на ярмарках. Якуни просто ухмыльнулся и сказал: «Ты свободна. Мьяпур в твоём распоряжении. Если попытаешься сбежать, тебя расстреляют». Теперь он сидит и облизывается, ожидая, когда у меня сдадут нервы. Тем временем я медленно схожу с ума и поддерживаю свой боевой дух лишь тем, что крою его ругательствами на гэльском, в котором он ни уха ни рыла. Вот и вся история. Ну?

Дентон отхлебнул коктейль.

– Погодите, мисс...

– Дебби.

– Дебби. Ладно. Ты не объяснила, что японцы делают здесь, в Бирме. Если в Токио узнают о том, чем занимается Якуни, его отдадут под трибунал.

Дебора прищурилась:

– Ты и в самом деле два года провел в Тибете? И ничего не слышал?

– Ничего. Англия воюет с Японией?

– Англия с Японией! – рассмеялась Дебора, гася сигару. – Ха! Макартур где-то возле Австралии, японские подлодки обстреливают Калифорнию, на Токио падают бомбы – и он еще меня спрашивает. Ден, братишка, садись и слушай.

Она начала рассказывать, доходчиво и убедительно, а когда закончила, Дентон покрылся холодным потом.

– Ничего себе! Так, значит, мы воюем?

– Именно так. Война.

– И все-таки я не понимаю, – сказал Дентон. – Откуда взялась современная электростанция в северной Бирме? Единственные, о которых я знаю, – в окрестностях Мандалая и Рангуна.

– Ее построили англичане – как секретный стратегический объект. Они заплатили местным царькам-савбва, наняли инженера для организации работ и взялись за дело.

– Тогда почему они ее не разбомбили, когда эту местность захватили японцы?

– Потому что они наверняка предпочтут вернуть ее обратно в целости и сохранности. Ты хоть представляешь, насколько сложно доставить оборудование вверх по Чиндуину? Генераторы и прочее? Не знаю, из чего еще состоит электростанция. Но если британцы снова захватят Мьяпур и разбомбят ее, они не смогут достаточно быстро установить новые генераторы. Скорее всего, будут ждать. Кроме того, они не знают, имеет ли электростанция хоть какое-то военное значение.

– Вряд ли, – сказал Дентон. – Если только в окрестностях нет нефти.

– Нефти нет. Нефрит, немного рубинов – и, собственно, все. Но электростанцию стоило бы разбомбить. Мьяпур стал стратегическим пунктом для японцев. Якуни делает здесь бомбы и посылает их вниз по реке на японские аэродромы, которых полно вокруг.

– Бомбы?

– Маленькие и очень неприятные. Их секрет получили в Токио из Берлина. Сверхмощное оружие, которое сеет хаос на базах союзников.

Дентон нахмурился:

– Жидкий воздух?

– Нет. И не нервный газ. Чистая взрывчатка, с секретным составом. Я знаю только то, о чем говорит мне Якуни. Они заряжают здесь эти бомбы, и для этого им нужно электричество.

– Электролиз. Понятно.

– Так вот, союзники не знают, что Якуни использует Мьяпур в качестве базы для производства этих бомб. У него тут есть спецы, которые проделывают всякие хитроумные штуки. Естественно, я пытаюсь сделать все возможное, чтобы об этом узнали нужные люди.

Дентон бросил быстрый взгляд на японских охранников.

– Не так громко.

– Чем громче, тем лучше. Они не понимают по-английски. Ты умеешь управлять самолетом, Ден?

– Нет.

– Что ж, я умею, так что все в порядке. Посмотрим, что нам удастся сделать. Если мы как-то сумеем добраться до союзников, на Мьяпур налетят бомбардировщики и сметут генераторы Якуни в Желтое море. А других генераторов, которые могли бы помочь этому япошке в его грязных делах, поблизости нет.

Дентон сделал глоток и спросил:

– Мы можем ускользнуть вниз по реке на лодке?

– Исключено. Якуни не дурак. Ты ученый. Сделай радио. Тогда мы сможем послать сообщение.

– Я ученый в другой области, – заметил Дентон.

Она пристально посмотрела на него:

– Так кто же ты? Ты еще не поделился своей историей.

– Гм... это не так просто. Все, о чем я знаю, похоже, мне лишь привиделось. У меня есть подозрение, что меня загипнотизировали.

– И все-таки расскажи. Можешь даже поплакаться у меня на плече.

– Пожалуй, и так, – вздохнул Дентон. – Ты все равно ни единому слову не поверишь. Впрочем, я тоже. Так или иначе – слушай.

И он рассказал о Кру.

Когда он закончил, взгляд Деборы был невозмутим и серьезен.

Дентон неловко пошевелился:

– Это все. Скажи что-нибудь.

– Ладно. Давай еще выпьем.

Они молча выпили. Дебора смяла сигару и, прищурившись, посмотрела на Дентона:

– Лучше забудь о Кру. Поверь мне, он не вернется, если только у тебя не начнется белая горячка. Теперь послушай, Ден. Пока Якуни думает, что ты владеешь ценной информацией, тебя не убьют. Он мог бы попробовать пытки, но вряд ли. Пусть и дальше задается вопросом, как ты сюда попал и зачем. Он хочет знать, подозревают ли союзники, чем он занимается в Мьяпуре, а именно – делает бомбы. Веди с этим япошкой психологическую игру. Поддерживай вежливый разговор. Он помешан на современной культуре. Однажды я привела его в ярость, когда назвала его нецивилизованной крысой. Впрочем, он не обиделся. Понимаешь? Тяни время, смотри на вещи проще, и оценим, каковы будут наши шансы.

– Сделаю все, что смогу, – кивнул Дентон.

– Прекрасно. Но помни – если мы не сможем передать сообщение, нам придется попытаться каким-то образом разрушить электростанцию самим. Да, похоже на несбыточную мечту, но эти генераторы вырабатывают энергию для бомб Якуни.

– Они преобразуют энергию, а не вырабатывают ее.

– И что? Не будет генераторов – и где японцы найдут другие здесь, в Бирме?

– Это самоубийство.

– Конечно, – сказала Дебора. – Разве нет? Ну так что?

– Можешь рассчитывать на меня, – заверил ее Дентон.

– Прекрасно. А теперь давай прогуляемся по Мьяпуру. Я проголодалась. Тут, у реки, есть прокаженный, который продает отменный шиш-кебаб.

У Деборы было своеобразное чувство юмора.

5. Предоставим это Кру

Кру величественно парил над Бирмой. Невидимый, жестокий, хитрый и осторожный, бог обозрел новый мир, в котором оказался, и обнаружил немало пугающего. В Тихом океане грохотали выстрелы орудий броненосцев, а над ним в воздухе сражались и падали самолеты. От Иоккогамы до Хобарта, от Мидуэя до Пекина, в России, Китае и Германии, в Средиземном море и Атлантике, среди замерзших вершин и в выжженных пустынях шла война.

Нигде не было места для маленького бога. Кру улетел обратно в Бирму, окончательно уверившись в своих планах. Он мог и подождать, как поступали Амон и многие другие. Нужно было обосноваться в маленьком королевстве, построить монотеистическую культуру и постепенно расширять границы своих владений. Так было всегда, со времен Древних. Во времена мамонтов народ Кру шел войной на соседей, одерживал победы, обретал новообращенных и проливал новую кровь на базальтовые алтари Кру.

Маленькое королевство – добродетельный крестьянский люд, умевший упорно трудиться и хорошо сражаться. Желтокожие коренастые люди, которых Кру видел в Мьяпуре, казалось, вполне подходили на эту роль. Они напомнили богу древних татар и калмыков, которые когда-то ему поклонялись.

Я-а! В Мьяпуре Кру начнет свое правление. Уже и храм построен! Что касается ранее обитавшего там бога – что ж, он где-то отсутствовал. Возможно, умер. Кру позаботится о том, чтобы предшественнику не было позволено вернуться. Лишь усердные молитвы могут призвать бога, и никто не произнесет таких молитв в Мьяпуре, если Кру сумеет этому помешать. А он определенно сумеет! Приплюснутый нос Кру дрогнул. Он уже чувствовал запах дыма от принесенных ему жертв.

Он устремился в сторону Мьяпура и вскоре уже парил над головами Дентона и Деборы Хэдли, шагавших через селение. Хитроумный Кру уменьшил размеры своей тучи, пока она не стала почти неразличимой, проплывая над их головами.

– Здесь нет никакого порядка, – говорил Дентон Деборе. – Так я и предполагал. Оккупация всегда нарушает заведенный ход вещей. Мы единственные белые в Мьяпуре?

– Сейчас – да. Месяц назад... – Дебора пожала плечами. – Местное население еще не привыкло к рабству. – Она показала на окно. – Это не нормальный базар. Никаких криков, никакого шума.

Она была права. Прилавки, обычно полные еды и прочих товаров, опустели, и у бирманцев не было никакого желания торговаться. Они постоянно ощущали присутствие захватчиков, которые только и ждали любого нарушения заведенных ими правил.

Двое японских охранников посоветовались, и один из них пошел купить фруктов. Он аккуратно заплатил оккупационными деньгами, которые были приняты без каких-либо эмоций.

– Порядка действительно стало больше, – поморщился Дентон. – Например, не стало мусора на улицах. Но главная их цель... Узри же могущество Кру!

– Что? – Дебора резко обернулась и уставилась на него. – В чем дело? О господи! Только подумать, на что способны три порции «Джин слинга»! Ден, очнись!

Дентон вытаращил глаза. Он медленно поднимался в воздух без какой-либо видимой поддержки, а над его головой, слегка пульсируя, висела маленькая темная тучка.

– Ден, спускайся!

– Кру творит чудо, – услышал перепуганный Дентон свой собственный рев, потонувший в хоре воплей туземцев. – Смотри! Узри же!

– Ден!

Он продолжал подниматься. На лице его застыла маска ужаса.

– Дебби, – выдохнул Дентон. – Это Кру. Меня... меня снова загипнотизировали... Псы и неверующие, отвергните своих лживых и слабых богов, прежде чем на вас не обрушится гнев Кру!

– Тебя пристрелят.

Дентон с трудом сумел повернуть голову. Японские охранники, возбужденно посоветовавшись, подняли ружья и начали целиться.

– Не стреляйте! – завопил Дентон. – Я ничего не могу поделать!

– Спускайся или будешь убит! – крикнул ему солдат. – Тебе запрещено покидать Мьяпур.

Он говорил по-японски, и Дентон ответил ему на его же языке:

– Бросьте оружие, ничтожные вши, или будете испепелены! С вами говорит Кру!

– Ха! – пролаял солдат и нажал на спуск.

Дентон быстро описал в воздухе петлю Иммельмана, отчего у него перехватило дыхание. Из тучи раздался мощный раскат грома.

– Осторожнее! – выдохнул он.

Ударил молния. Солдат едва успел бросить ружье, которое превратилось в бесполезный оплавленный крендель из обожженного металла.

Одновременно над крышами, безмятежно мыча, поднялся як, и Дентон оказался на нем верхом, все еще футах в двадцати над землей. Бирманцы отбивали поклоны, словно заведенные до предела механические игрушки. Дебора смотрела вверх, закинув голову и широко раскрыв глаза.

– Кру требует жертвы, – проревел Дентон, после чего вновь на мгновение обрел власть над собственным языком. – Дебби! Хватай тушу с прилавка сзади тебя. Брось ее куда-нибудь на открытое пространство. У меня есть предчувствие...

И его устами снова заговорил Кру:

– Без промедления! Кру алчет огненной жертвы.

Японские солдаты все еще колебались. Первый что-то крикнул и быстро побежал прочь, оставив другого, который неловко сжимал в руках ружье.

– Спускайся или будешь убит, – наконец произнес солдат. – Ты должен оставаться в Мьяпуре. Это приказ.

– Я никуда не уйду, – в отчаянии возразил Дентон. – Капитан Якуни не говорил, что я должен оставаться на земле.

– Нет, но...

– Мне нравится тут, наверху. Воздух лучше. Дебби, быстрее! Кру собирается... Смотри же! Бойся гнева Кру! Торопись!

Побледневшая Дебора схватила освежеванную тушу козленка и бросила ее в сторону Дентона. Послышался треск молнии, в небе раздался грохот – и козленок исчез, оставив после себя запах жареного мяса.

– Я доволен, – крикнул Дентон. – Ты признала величие Кру. Иди же теперь в его храм и молись. Следуй за моим жрецом.

При этих словах как с Дентоном на спине мягко опустился на землю. Туча исчезла. Дентон, с которого градом катился пот, слез с животного и почти упал в объятия Деборы.

– Он... он ушел. Я точно знаю. Дебби, я не свихнулся! Я не был под гипнозом. Ты видела?

– Д-да. Я видела, что произошло. Это ужасно. Что будем делать?

– Будьте любезны следовать за мной, – потребовал чей-то холодный голос.

Дентон посмотрел поверх коричневых спин молящихся и увидел японского офицера, а за ним – несколько солдат.

– Ладно, – слабо проговорил Дентон. – Думаю, так будет лучше, Дебби.

– Но... разве Кру не сказал тебе, что мы должны идти в его храм? Он имел в виду электростанцию?

– Наверное, да. Но как, черт побери, я могу это сделать? Видишь? – Дентон показал головой в сторону солдат.

Дебора не ответила. Слегка дрожа, все еще мертвенно-бледная, она закурила сигару и выпустила дым через ноздри.

– За мной!

Дентон подчинился приказу офицера. Вместе с идущей рядом Деборой он прошел через Мьяпур, направляясь к храму, где обитал капитан Якуни. За солдатами следовала толпа туземцев. Они оживленно переговаривались, готовые идти за жрецом Кру вопреки приказам японцев разойтись. Нет, они не расходились, но держались на уважительном и безопасном отдалении.

Якуни не стал вставать из-за своего импровизированного стола. Улыбка его была явно неискренней.

– Могу я попросить у вас объяснений, доктор Дентон? – сказал он. – Можете не садиться.

– Послушайте, это не его вина, – вмешалась Дебора.

– Помолчите, пожалуйста, мисс Хэдли. Итак, доктор. В нашем предыдущем разговоре вы упоминали гипноз. И вы говорите, что были в Тибете. Советую вам не пытаться произвести впечатление на бирманцев своими фокусами. У них нет оружия, и подстрекать их к мятежу бесполезно.

– Я и не собирался, – сказал Дентон. – Но я никак не мог помешать тому, что случилось.

– Тогда вас следует взять под стражу, для вашей же безопасности. Факиры в Мьяпуре нам ни к чему. Не думаю, что вас стоит расстрелять, от тюремного заключения будет больше пользы. Меня не удовлетворяет история, которую вы рассказали. Еще раз, доктор Дентон, как вы добрались до Мьяпура?

– Прилетел. Или мне так кажется. Капитан...

Якуни, прерывая его, поднял руку:

– С какой базы вы прилетели?

– Из Тибета. Возле перевала Гхора.

– Зачем вы прибыли в Мьяпур? Почему на электростанцию?

– Не задерживай жреца Кру, – внезапно проревел Дентон.

Якуни подскочил от неожиданности. Солдаты взяли ружья на изготовку.

Дебора что-то безнадежно пробормотала и схватила Дентона за руку.

– Ден, будь осторожен, – прошептала она. – Не срывайся. На этот раз тебя точно пристрелят.

– Ха! – прорычал Дентон ошеломленному Якуни. – Кланяйся и молись Кру. Он защитит своих избранников, которые будут процветать среди всех прочих народов. Повинуйся!

– Доктор Дентон, – осторожно начал капитан, вставая. – Я бы попросил вас понизить голос. Кроме того, я вынужден потребовать извинений. Как офицер и представитель моей страны, я не могу позволить, чтобы подобное оскорбление прошло безнаказанным.

– Не трать слова впустую, – рявкнул Дентон. – Поклянись в верности Кру, и он сделает тебя могущественным.

– Не обращайтесь на него внимания, – тихо прошептала Дебора. – Он действительно сошел с ума. Не стреляйте в него, капитан Якуни. Он не понимает, что говорит.

Офицер медленно вытащил из кобуры пистолет.

– Я сказал, что желаю услышать извинения. Я цивилизованный человек, мисс Хэдли, но я также слуга Сына Неба.

– Лживый бог, – бестактно вмешался Дентон. – Он будет низвержен могуществом Кру. Не смей больше упоминать имя своего ничтожного бога в Мьяпуре, который отныне является священной обителью Кру! На колени, собака!

Глаза Якуни расширились.

– Умри! – потрясенно проговорил он, поднимая пистолет.

Дентон, почти беспомощный в невидимых объятиях бога, позеленел, услышав собственный голос, хриплый и громкий, изрыгнувший поток невероятно мерзких ругательств. Ругательства были на японском, но их происхождение не было связано с каким-то определенным временем или народом. Они уходили во времена дольменов, когда волосатые дикари впервые научились произносить односложные проклятия, и обрели цвет в далекие века варваров. Кру не был цивилизованным богом, и потому его ругательства были из обихода солдат и крестьян.

Дентон благодарил судьбу, что Дебора не понимает по-японски.

Но Якуни и его солдаты понимали. Впервые Дентон увидел, как японский офицер теряет свое напускное хладнокровие. Деваться было некуда.

В то же самое мгновение, когда Якуни, кипя от ярости, нажал на спусковой крючок, Дентон и Дебора исчезли. Кру поступил вполне разумно.

6. Кру применяет силу

В мгновение ока Дебора Хэдли и Дентон перенеслись из бирманского храма в здание электростанции. Девушка заморгала, глядя на громадные генераторы и трансформаторы.

– Прямо как молитвенные колеса! – воскликнула она. – Как мы сюда попали?

– Кру, – пробормотал Дентон. – Это он. Видишь? Яка он тоже притащил.

Ошибиться было невозможно. Як выглядел явно неуместно на электростанции, но, с другой стороны, он выглядел бы неуместно повсюду, не считая разве что критского лабиринта. Кроме священного животного Кру и двух белых человек, на электростанции больше никого не было.

– Узи же обитель Кру, – продолжил Дентон неожиданно изменившимся голосом. – Тех, кто мешал ему, больше нет. Отныне это место священно. Лишь жрец Кру может войти сюда.

– Кажется, я поняла намек, – обиделась Дебора.

– Дебби! Не уходи... нет! Раз уж ты здесь, ты останешься. Ты была первой, кто принес жертву Кру. В награду ты станешь его жрицей.

– Только если он не будет заставлять меня говорить подобным образом, – мрачно сказала она. – Ден, как мне понять, когда говоришь ты, а не... не... этот Кру?

– У меня другой голос, – ответил Дентон. – Когда говорит Кру, я рычу. Смотри. Вот опять... Подготовь храм и все необходимое для жертвоприношения! Кру уходит, но он вернется!

Наступила тишина. Як неспешно сделал несколько шагов, тупо уставившись в каменный пол. Снаружи донеслись приглушенные крики.

– Ну вот, он ушел, – облегченно вздохнул Дентон. – Я... я это чувствую. Уф!

– Да я только за. Черт побери, Ден, с каким дьяволом ты связался?

– Он не дьявол. Он бог. Тибетский, или вроде того. Что он собирается теперь делать – одному небу известно. Уж точно не мне.

– Тогда стоит соображать быстрее, – рассудительно заметила Дебора. – Если Якуни обнаружит нас здесь, нам крышка. Здесь действительно священное место, но не для Кру.

– Интересно, что случилось с людьми? – задумчиво сказал Дентон. – Кру говорил, что их... больше нет.

– Не спрашивай меня. Но, как ты заметил, я стараюсь не наступать на все эти разбросанные вокруг кучки пепла. Что это?

С верхушки одного из молчащих генераторов неуклюже свисала целая корова с перерезанным горлом.

– Надо полагать, жертва. Кру думает, это алтарь.

– Для него, возможно, и так, но для Якуни это Кааба. Ден, ты понимаешь, что здесь со вчерашнего дня работали люди, ремонтировали генератор? Что-то пошло не так, и производство бомб вынужденно приостановили, пока все не починят. Якуни угрожал расстрелять всех, если они не начнут трудиться втрое быстрее.

Дентон подошел и потрогал мертвые рубильники.

– Не работают. Но я не могу починить их, я не техник.

– У Якуни есть техники, и расстрельная команда у него тоже есть.

– И что нам теперь делать? – беспомощно пожал плечами Дентон. – Уйти в джунгли?

– Я подумала – не оказал ли Кру нам услугу? Если мы сумеем сломать эти генераторы...

– Да, об этом я как раз забыл. Что нам нужно, так это бомба. Здесь найдется?

– Они не держат здесь бомбы, придурок, – поморщилась Дебора. – Генераторы для них слишком ценны. Вот кувалда, попробуй. Посмотрим, что получится.

Дентон взвесил в руке увесистый молот.

– Может быть. Если Якуни меня поймает – значит я совершил самоубийство.

Он замахнулся изо всех сил.

Вспышка сверкающего пламени вырвала из его руки кувалду, и та, отлетев в сторону, тяжело врезалась в яка, который удивленно замычал. Чувствуя боль в обожженных ладонях, Дентон сполз на пол, ловя ртом воздух и издавая бессвязные звуки, понимая, что Кру пытается воспользоваться его языком. Но из-за нехватки воздуха это было бесполезно, и потому вместо него заговорил як:

– Вероломный жрец, ты пытался разбить алтарь Кру?

– Я... э... э...

– Лживые жрец и жрица! Приготовьтесь к смерти!

Дебора поспешно шагнула вперед и, упав на колени рядом с ошеломленным Дентоном, обратилась к яку:

– Кру! Подожди. Ты ошибаешься. Это была всего лишь часть обряда. Мы не собирались ломать твой алтарь.

– Не лги, – предупредил як. – Кру знает все.

– Тогда... э... тогда Кру знает, что в этой стране алтари – из металла. Они звенят от удара, как гонг в храме. Так всегда делается.

– Это правда, – слабым голосом подтвердил Дентон. – Мы просто начали обряд.

– Что ж, хорошо. Вы согрешили из невежества, а не намеренно. Но помните на будущее, что к алтарям Кру надлежит относиться с должным почтением. Лишь мои жрец и жрица могут приближаться к ним, и их никогда не должны касаться человеческие руки.

– Мы больше не будем, – пробормотала Дебора. – Я имею в виду, мы запомним.

– Это хорошо. А если вы забудете – если мне станет известно, что вы нарушили мой закон, то вы познаете гнев Кру. Нет, вы не можете касаться моих алтарей. Я наложу заклятие на вас обоих. Вам запрещено вершить подобное святотатство как намеренно, так и случайно. Я так сказал.

Дентон с трудом кивнул.

– Что ты хочешь от нас?

– Вы – уста Кру. Мой народ приближается к храму. Никто из них не может войти, но вам надлежит стоять у дверей и принимать их подношения. Скажите им, что Кру объявил этот день праздничным. Пусть устроят торжества в мою честь, как в древние времена. Все должны возносить хвалу Кру. Позднее я научу мой народ, как жить. Мужчины должны охотиться, а женщины – возделывать землю. Самый сильный должен стать вождем. Так лучше всего.

– Послушай, – в отчаянии воскликнул Дентон, – я рад бы выйти и сказать японцам то, что ты хочешь, но они не станут слушать. Они просто застрелят меня.

– Они станут слушать, – пообещал як. – Кру может защитить своего жреца.

– Вон они идут, – прошептала Дебора. – Как ты себя чувствуешь, Ден?

– Честно говоря, ужасно. Оставайся внутри. Спрячься за генератор, там пули до тебя не достанут.

– Я пойду с тобой.

– Ты будешь делать так, как я скажу. Марш.

Дебора поколебалась, но все же направилась к генератору. В футах от него она остановилась, повернув бледное лицо к Дентону:

– Не могу. Не могу подойти ближе.

– Мои заклęcia сильны, – кивнув, заметил як.

Это и в самом деле было так. Дентон понял, что ему и Деборе запрещено прикасаться к любому генератору и Кру действительно обладает немалым могуществом.

Он поспешно махнул рукой:

– Тебе незачем к нему прикасаться. Обойди его сзади – вот так. А теперь...

Дентон подошел к дверям, всем видом выражая уверенность в себе, которую на самом деле он вовсе не ощущал. Двери распахнулись, и он увидел японских солдат. Они ждали капитана Якуни, который проталкивался через толпу.

– Расстрелять! – скомандовал Якуни, указав на Дентона.

Полсотни рук шевельнулись – и внезапно застыли. Японцы превратились в статуи, обездвиженные силой Кру. Несколько человек упали с глухим стуком.

Дентон поколебался. В десятке футов от него капитан Якуни судорожно дергался, пытаясь пошевелиться. Единственным видимым результатом его усилий была легкая дрожь, пробегающая по телу.

– Э... я хотел кое-что сказать. Нет никакого смысла в меня стрелять... то есть...

Дентон беспомощно запнулся. Кру, начавший терять терпение, пришел ему на помощь. Из рта Дентона раздался грохочущий голос бога:

– Вы пришли с пустыми руками, и это меня не радует. Но вы пришли помолиться, и потому Кру всех вас прощает. Внемлите же – отрекитесь от ваших слабых богов и помните лишь о том, что Кру правит Мьяпуром, как однажды он будет править всем миром. Это храм Кру. Никто не может в него войти под страхом смерти. Внемлите же снова. Этот день – священный для Кру. Празднуйте, веселитесь и приносите жертвы. Пейте досыта, сражайтесь неистово. Запах кумыса столь же приятен, как и запах свежeproлитой крови.

Помолчав, Кру продолжил:

– И не нарушайте моих законов! Я вижу все, и моя молния уничтожит любого, кто проявит недовольство моим правлением. А теперь идите и делайте, что я сказал.

По рядам собравшихся пробежало волнение. Кто-то из стоявших с краю бирманцев пронзительно крикнул:

– Ай-и! Он – нат, демон!

– Я более велик, чем любой демон! – прогремел Кру. – Доставайте ножи и кинжалы. Пьянейте от радости.

Селяне пробирались среди стволов чампака, один за другим, влекомые любопытством и страхом. Они слышали слова Дентона, прячась в кустах.

– Построиться! – отрывисто приказал капитан Якуни. – Быстро.

Когда солдаты повиновались, он направил их в сторону Дентона, но они смогли сделать лишь несколько шагов – и их снова охватил паралич.

– Собаки! – завопил Дентон. – Только посмейте войти в священную обитель Кру! Стойте где стоите, пока я не скажу.

Рука белого человека поднялась, показывая на небольшую горстку бирманцев.

– Я вижу смех на ваших лицах. Это хорошо. Радуйтесь.

Туземцы тотчас же посерьезнели, бросая осторожные взгляды на японцев.

– Пляшите! Восхваляйте Кру! – зарычал Дентон.

Они начали танцевать, довольно неохотно, не сводя глаз с Якуни и его парализованного войска. По мере того как становилось ясно, что японцы, судя по всему, побеждены, веселье делалось все более искренним. Из леса появились другие бирманцы и охотно присоединились к пляшущим.

– Очень хорошо, – милостиво кивнул Дентон. – Но где же кумыс? Празднуйте и пейте в честь Кру.

Услышав это, развеселившийся туземец набрался смелости и крикнул:

– У нас почти нет еды и питья, савбва! Захватчики все отобрали.

– Я-а! – возмутился Дентон.

Он взмахнул рукой, и рядом с ним на земле тотчас же появилась огромная груда съестных припасов словно из рога изобилия. Там были в том числе и бутылки. Дентон, увидев печати и этикетки, понял, что Кру совершил набег на склады японского комиссариата в Мьяпуре. Один лишь взгляд на Якуни подтвердил его предположение. Офицер аж побагровел от бессильной ярости.

7. Нерешительные японцы

Изголодавшиеся бирманцы не стали долго медлить. С радостными воплями они набросились на добычу, и через минуту Кру получил все то празднество, какое только мог пожелать. Туземцы жадно набивали животы, бормоча хвалебные слова в адрес Кру. Завтра они могли умереть, но сейчас они ели, пили, и им было исключительно весело.

– А теперь, – сказал Кру устами Дентона, – внемлите и повинуйтесь.

Заклятие, наложенное на японцев, спало. Капитан Якуни нерешительно колебался, сжимая в руке пистолет. Солдаты смотрели на него, ожидая знака. Дентон почти ощущал мысли, пронесившиеся в мозгу офицера.

Наконец Якуни бросил несколько слов стоявшим ближе к нему солдатам. Те выстроились в колонну и направились прямо к дверям электростанции – с очевидными намерениями.

Прежде чем Дентон успел спрятаться, над его головой появилась черная туча, из которой ударила молния. Вместе с ударом грома полдюжины японских солдат были стерты с лица земли. На развеванный вокруг мелкий пепел упали капли расплавленного металла от их ружей.

– Пляшите! – прорычал Дентон. – Повинуйтесь – или умрете.

Губы Якуни дернулись.

– Доктор Дентон, – неожиданно сказал он, – я вынужден попросить вас прекратить эту... эту бессмыслицу.

– Молчать! Не смей обращаться к моему жрецу без должного почтения.

С неба раздался удар грома. Глаза Якуни сузились. Он отдал быструю команду, и японцы присоединились к веселящимся бирманцам. Солдаты бросали на офицера озадаченные взгляды, но инстинкт повиновения был слишком силен, чтобы сомневаться. По крайней мере, сейчас.

Бирманцы явно сторонились японцев, не выказывая особого дружелюбия. Однако языческий обряд поклонения продолжался, к удовлетворению Кру. Даже Якуни нашел бутылку и отхлебнул из нее. Он воздерживался от того, чтобы пуститься в пляс, но этот факт ускользнул от внимания Кру, слегка опьяненного количеством новообращенных поклонников.

Позади Дентона послышался голос Деборы:

– Ден, что происходит? Я могу выйти?

– Оставайся, где стоишь, – бросил он через плечо. – Когда будет можно, я скажу.

Дентон, в отличие от нецивилизованного и необразованного Кру, заметил фальшивые нотки в поведении японцев. Он прекрасно понимал, что Якуни и не думал сдаваться. Для японца подобное было просто невозможно.

И он оказался прав. Несколько японских солдат, танцевавших с крайне серьезным видом – ибо никто из них не смеялся, в отличие от бирманцев, – постепенно приблизились к порогу электростанции. Без всякого предупреждения они сомкнулись вокруг Дентона. Точность атаки была достойна восхищения. Двое схватили его за руки, третий приставил пистолет к голове. Раздался раскат грома, и этнолог взмыл вертикально вверх, так что пуля лишь зацепила его каблук. И снова ударила молния.

Трое солдат мгновенно обратились в пепел.

Кру потерял самообладание. Туча увеличилась до гигантских размеров. На японцев и туземцев обрушился проливной дождь, для пущего эффекта сопровождавшийся непрерывными ударами грома и вспышками молний. Какой-то солдат бросился в поисках укрытия к деревьям – и тут же был уничтожен. Якуни взлетел вверх, словно подхваченный невидимым лассо. По головокружительной дуге он поплыл в сторону Дентона и завис в нескольких футах ниже американца. Гром оглушительно гремел не переставая, и попытки Кру говорить устами Дентона ни к чему не приводили.

Дентон и Якуни начали подниматься все выше и выше, пока туча под ними не превратилась в маленькое искрящееся пятнышко, похожее на каплю чернил на рельефной карте.

– Теперь, – сказал Кру, обращаясь через Дентона к капитану Якуни, – мы можем поговорить. Я недоволен тобой, желтолицый. Как я понял, ты местный савбва. Ты поступишь правильно, если станешь мне повиноваться.

Якуни не ответил. Вниз он тоже не смотрел. На лице его застыла бесстрастная маска.

– Ты станешь повиноваться. И твои люди тоже. Иначе я испепелю их всех и разорву тебя на части, медленно и не спеша. Ты понял?

Якуни молчал. Внезапно Кру закрутил офицера вокруг своей оси с такой скоростью, что Дентон видел лишь его размазанные очертания.

– Ты понял?

– Да, – столь же бесстрастно ответил Якуни. – Я согласен.

– Я-а! Тогда отправляйся вместе со своими людьми в селение и объяви о празднестве. Вознесите хвалу Кру. Устройте кровавое состязание, и пусть самый сильный станет старейшиной племени Кру.

– Да.

– Деритесь острыми камнями, как положено, дубинами, зубами и когтями. Кру не нравится это... оружие, которое убивает на расстоянии. С его помощью слабый может убить сильного. В силе правда, желтый савбва! Я, Кру, говорю это. Я не питаю любви к цивилизациям слабаков. Слабые должны служить сильным. И потому – выясните, кто в селении самый сильный. Сделайте это, сражаясь.

– Да.

В это мгновение Дентон испуганно вздрогнул.

– Кру, смотри! – крикнул он, показывая вниз.

Охваченная паникой Дебора Хэдли выбежала из электростанции, пытаясь найти убежище в одном из бирманских домов. Японский солдат, неприятно ухмыляясь, быстро нагнал ее, схватил за руку и повалил на землю. Кру озадаченно смотрел на происходящее, потирая подбородок, пока Дентон нетерпеливо не толкнул бога локтем.

– Она твоя жрица, о великий! – крикнул Дентон. – Разве ты не должен ее защищать?

– О да, жрица Кру священна, – кивнул бог, принимая решение. – Смотри. Я покажу тебе, как умею управляться с молниями. Девушка не пострадает, сам увидишь. Это настоящее искусство. Смотри же.

Кру поднял волосатую руку и выпустил в солдата раскаленный белый ступок огня. Послышался оглушительный грохот. В небо взлетели клочья дыма и земли. Когда пыль рассеялась, Дебора ошеломленно поднималась на ноги, а солдат исчез. Затем Кру мягко подхватил ее, перенес к электростанции и поставил на порог.

Кру начал опускать тучу все ниже, гоня перед ней туземцев и японцев в сторону селения. Якуни отправился за ними следом. Дентона бог перенес обратно к электростанции и оставил рядом с Деборой Хэдли и яком.

– Пойду посмотрю на празднество, – услышал он собственный голос. – Будь здесь, вместе с моей жрицей, и стереги храм Кру. Я обращусь к своему народу устами священного яка.

Як поднялся в воздух и поплыл над головой Дентона и верхушками деревьев. Наступила тишина, нарушаемая лишь журчанием ручьев, стекавших к горной реке. Издали донеслись приглушенные крики.

Дентон сел, чувствуя вялость во всех членах.

– Дебби, ты тут? – спросил он слабым голосом.

Она подошла ближе, ошеломленно глядя на него, и с сочувственным вздохом опустилась рядом.

– Ты ужасно выглядишь, – сказала она, обняв его за плечи.

– Отвратительно себя чувствую, – признался Дентон. – Быть верховным жрецом – это не шутка.

– Еще бы! – Дебора облизнула губы. – Я бы рада предложить тебе выпить, но не могу. Возьми сигару.

– Нет, спасибо. Тьфу!

– Радуйся, что ты не Якуни, – сказала Дебора.

– С ним все в порядке.

– Да? – Она с сомнением посмотрела на Дентона. – Я кое-что видела. Если японца вынуждают подчиниться, он сходит с ума.

– Нет, только не Якуни. Он слишком умен, хитер, никому не доверяет и умеет пользоваться мозгами. В данный момент Якуни не верит в Кру. Готов поспорить, он считает, будто я йог и использую массовый гипноз. Мое могущество для него чересчур велико, чтобы встретиться в открытом бою, и потому он попытается прибегнуть к другим методам. Он притворится, что подыгрывает, а сам будет действовать исподтишка.

– Но японцы не смогут воспользоваться генераторами, – возразила девушка. – Кру им не позволит.

– Совершенно верно. Но неизвестно, как долго Кру будет удовлетворен существующим положением дел. Я не бог. Я не умею думать как бог, даже дикий. Если Кру решит уйти – а он вполне может, – нам несдобровать. Электростанция снова окажется в руках Якуни.

– Не говори так.

– Я бы предпочел сломать эти генераторы, просто на всякий случай. Мы не можем к ним прикасаться, но одной бомбы вполне хватит, чтобы с ними покончить.

– Конечно, – кивнула Дебора, – с генераторами и с нами тоже, после того как Кру услышит взрыв.

– Нет, если мы сделаем вид, будто ничего не знаем. Мне кажется, я могу уговорить Кру на то, что мне нужно. Или хотя бы убедить его не убивать нас. Он не всеведущ. У меня есть идея.

– Что за идея? – спросила она.

– Нужно добыть бомбу. К генератору мы приблизиться не можем, но если бомба взорвется внутри электростанции, этого будет достаточно.

– Отлично. Идем!

– Умница, – широко улыбнулся Дентон.

Когда они спустились по склону через джунгли, Дебора на мгновение остановилась:

– Ден, я только что подумала...

– О чем?

– О вполне очевидном. Не догадываешься?

– Ты имеешь в виду, что Якуни может послать за помощью? За парашютистами и бомбардировщиками? Я тоже об этом думал. Нам ничто не угрожает, Дебби. Якуни не хочет привлекать внимание к Мьяпуру. Массовые перемещения войск в этом направлении могут выдать их воздушной разведке союзников. И естественно, ему совершенно не нужно, чтобы электростанцию разбомбили. Но есть еще более важный фактор.

– Какой?

– Потеря лица. Ты можешь представить себе Якуни, который телеграфирует, что Мьяпур захвачен некими американцами-гипнотизерами – танцовщицей и этнологом? Нет, конечно. Якуни намерен разбираться с этой ситуацией сам, до тех пор пока это возможно.

Возле склада боеприпасов не было ни одного часового. Видимо, Кру обшарил весь Мьяпур в поисках уклоняющихся от ритуала. Дентон повозился с замком, но в конце концов отпер его. Оказавшись внутри здания, он занялся изучением бомбы.

– Можешь разобраться? – поинтересовалась Дебора.

– Похоже на то. Взрыватель... гм... если эти штучки действительно настолько мощные, как ты говоришь, они должны выдерживать сильные удары и тряску, не срабатывая. Так что... кажется, понял. Смотри.

– Только не сейчас, ради всего святого. Давай вернемся назад на электростанцию.

– Ладно. Нам потребуются веревки.

8. Покровительство Кру

Однако пронести бомбу через порог электростанции им не удалось. У входа их остановила некая непреодолимая сила. Они, как ни пытались, просто не могли войти внутрь с бомбой.

– Будь оно все проклято! – взорвался Дентон. – Такого я не ожидал.

Дебора побледнела.

– Кру... Кру наблюдает за нами?

– Уверен, что нет. Это условный рефлекс. Он не позволил нам совершить святотатство.

– Он говорил, что мы не можем прикасаться к генераторам.

– Часть символизирует целое. Срабатывает наше подсознание. Пока у нас есть осознанное желание разрушить алтари Кру, мы физически не способны это сделать. Вот ведь невезение! – Он нахмурился. – Если бы мы на самом деле думали, будто бомба не может причинить никакого вреда, вероятно, мы смогли бы внести ее внутрь. Но, готов биться об заклад, нам не удалось бы ее взорвать.

Дебора задумалась.

– Если бы ты смог замаскировать бомбу под что-то другое и попросить меня внести ее, возможно, и получилось бы.

– Лучше бы ты этого не говорила. Теперь мы оба будем начеку.

– Мы могли бы уговорить кого-нибудь из местных внести туда бомбу.

– Бирманец этого не сделает, поскольку ему запрещено входить на электростанцию. Японец – тоже, по разным причинам. Интересно, а если попробовать спустить ее на веревках?

Эксперимент показал, что и все прочие средства не приводят к цели. Кру был мастером постгипнотического внушения. В конце концов они спрятали бомбу в джунглях и с мрачным видом уселись на землю.

– Якуни может выиграть, если окажется достаточно терпелив, – рассуждал Дентон, почесываясь. – Похоже, у этого яка блохи... Из разговоров с Кру я понял, что Мьяпур как таковой его не устраивает. Он хочет расширить свои владения. В данный момент нам ничто не угрожает, поскольку Кру в состоянии держать Мьяпур под контролем. Но если он пойдет дальше... что ж, как я уже говорил, он не всеведущ. Он не будет контролировать все свои храмы. И Якуни может явиться сюда.

– Пока сюда не зайвится Кру.

– К тому времени нас уже расстреляют. Да и Кру может оказаться достаточно капризным. Возможно, ему надоест этот храм и он снова позволит японцам забрать его себе. Кто знает? Однозначного силлогизма тут не построишь.

– Отчасти я понимаю, о чем ты говоришь, – сказала Дебора. – Но только отчасти.

Дентон продолжал размышлять:

– Самый лучший вариант – вывести из строя генераторы. Но самим нам этого не сделать. Можно было бы рассчитывать на бомбардировщики союзников, если бы нам удалось дать о себе знать. По радио. Давай-ка заглянем в штаб-квартиру Якуни.

Но, как оказалось, капитан Якуни предусмотрительно извлек из радиостанции некоторые важные детали.

– Давай-ка подумать... – Дентон потер виски. – У меня есть одна мысль, но на это потребуется время. Психологию Кру так быстро не задействуешь.

– Психологию?

– Кру страдает комплексом неполноценности. Ему хочется быть большой шишкой. А чего хочется нам?

– Скажи.

– Нам хочется смыться от япошек. Давай вернемся на электростанцию. Мне нужно продумать план.

Несколько часов спустя в двери храма Кру снова вплыл як, украшенный цветочными гирляндами.

– Кру приветствует своих жреца и жрицу, – произнесло животное, с глухим стуком опускаясь на землю. – Вы преданно охраняли алтари. Не так ли?

– О да! – дипломатично поклонился Дентон. – Кру велик.

– Действительно велик. Мой народ в селении воздает мне хвалу. Туземцы отвернулись от своих лживых богов.

– Бедный Якуни, – пробормотала Дебора.

– С ним наверняка все в порядке, – быстро ответил Дентон. – Он просто ждет своего шанса.

– О чем вы? – требовательно спросил як.

– Кру велик, – поспешно сказал Дентон. – Мы с твоей жрицей говорили о том, как распространяется твоя слава. Все-таки Мьяпур не такой уж большой городок.

– Мое имя будет известно по всей земле. Но не прямо сейчас, – объяснил Кру. – Жизнь всех богов следует единым законам, и мелкие боги рано или поздно становятся великими. Но всегда надо с чего-то начинать.

– У всех богов есть верные последователи, – сказал Дентон.

– Да, это так.

– Почему бы нам не стать твоими последователями? Мы могли бы отправиться в мир и рассказывать людям о тебе. Реклама всегда окупается.

Поскольку як ничего не ответил, Дентон поспешно продолжил:

– Почему бы тебе не перенести нас в какой-нибудь большой город – в Австралии или даже в Америке, – где мы могли бы нести людям слово о тебе?

– В Австралии и в Америке наверняка есть собственные боги, – резко возразил Кру. – Прежде чем распространять свою власть, мне придется подождать, пока вырастет мое могущество. Бирмы для начала вполне хватит. Если я не рассчитаю свои силы, это может навлечь на меня гибель. Другие боги завистливы. Нет, верховный жрец Кру, ты останешься здесь и будешь от моего имени править Мьяпуром.

– Вот так, значит, – сказала Дебора. – Кру, ты не против, если я воскурю благовония?

Трясущимися руками она зажгла сигару.

Дентон потер подбородок и обратился к яку:

– Кру, великий Кру, могу я говорить с тобой откровенно?

– Будь благоразумен в своих речах.

– В общем, так. Предположим, жрец Кру погибнет от смертельного оружия. Будет ли это несчастьем?

– Несчастьем для убийц, – проревел як. – Они умрут.

– И тем не менее это навредит твоему авторитету. Я представляю тебя в человеческом облике. Так?

– Полагаю, да. Да, это так.

– Тогда, если меня убьют, это может подорвать веру во всемогущество Кру.

– Кто смеет поднять на тебя копьё? Покажи мне его, и он будет уничтожен.

– Все селение, и всех тебе не уничтожить. Или ты останешься без поклонников. Ты же сам знаешь, что оказал мне особую честь. Разве не естественно, что все остальные одержимы завистью?

– Да, это свойственно людям. – На мгновение Кру забыл о своих личных очевидных пороках.

– Именно, – кивнул Дентон. – Ты говорил, что жизнь богов подчиняется одним и тем же законам. Как насчет неуязвимости?

– Ты имеешь в виду Бальдура? Но он был богом.

– Возьмем тогда Ахиллеса. Он был человеком, но стал неуязвимым благодаря чести, которую оказали ему боги, отметив его своей печатью. Ты не мог бы сделать неуязвимыми жрицу и меня, чтобы доказать свое могущество?

– Прекрасно, – сказал Кру. – Да будет так.

Дебора судорожно сглотнула:

– Вот так просто?

– Да. Но Бальдур был убит веткой омелы, а Ахиллес ранен в пятку. Закон богов не велит мне поступать иначе. В броне обязательно должна быть щель. Вам обоим ничто не может причинить вред, пока вы находитесь в храме Кру.

– погоди, – поспешно сказал Дентон. – Ты уверен, что это именно то, что тебе нужно? Если дела позовут тебя за пределы Мьяпура, разве ты не хотел бы, чтобы мы поддерживали здесь порядок, подавляли инакомыслие и занимались прочими богоугодными делами?

– Ты говоришь истину, – кивнул як. – Я понимаю твою мысль. Вы не осмелитесь покинуть храм, и мой народ в мое отсутствие может обратиться к ложным богам. Да, это верно.

– Почему бы не сделать нас неуязвимыми постоянно?

– Сын Аполлона пострадал из-за собственной гордости, – загадочно заметил Кру. – Повелеваю: пока вы рядом с моим священным яком, ничто не причинит вам вреда. А теперь я возвращаюсь на празднество в мою честь. Я-а!

– Не забирай яка! – отчаянно крикнула Дебора, и как раз вовремя.

Животное описало в воздухе изящную дугу и вернулось в исходную точку.

– Мне не нужны тела земных существ, чтобы наблюдать за своими поклонниками, – сказал як.

Рядом с ним появилась грозовая туча и, негромко потрескивая, выплыла из дверей электростанции.

Кру исчез.

9. Лживый жрец

Полное установление власти Кру над Мьяпуром происходило под неусыпным наблюдением бога. Он казался всевидящим оком, преступать законы которого было небезопасно. Сам Кру был невидим. Туча отнюдь не всегда возвещала о его присутствии. Согрешившие подвергались суровому наказанию, обычно – смерти. И капитану Якуни вовсе не хотелось, чтобы его силы уменьшились вдесятеро.

Самообладание японского офицера не слишком пострадало, если не считать очевидных отрицательных сторон той ситуации, в которой он оказался. Ибо, как и подозревал Дентон, Якуни ни на мгновение не верил в Кру. Напротив, он приписывал происходящее массовому гипнозу, решив, что его солдаты погибли вовсе не от божественной молнии, поскольку молниями невозможно управлять за пределами надлежащим образом оборудованных лабораторий. Скорее всего, Дентон просто застрелил или заколол пытавшихся помешать ему солдат и загипнотизировал всех, внушив им намного более впечатляющую сцену. Гипноз, конечно, для этого требовался весьма выдающийся, но Якуни предпочитал верить в данное объяснение, чем признать существование Кру. Собственно говоря, он просто не мог поверить в Кру. Подобное для него было физически невозможно.

Мьяпур погрузился в грязь и кровь. Мужчины охотились. Никому не было позволено бездельничать, и любое огнестрельное оружие было запрещено. Як особо это подчеркнул, упомянув о том, что Кру презирает трусов. Кру хотел, чтобы его народ был отважен, возможно

руководствуясь какими-то своими тайными мотивами. Бирманцы, привыкшие к холодному оружию, успешно охотились на тигров, с отработанной точностью метая копья. Японцев это радовало куда меньше.

Все оружие японцев, собранное туземцами, Кру отправил по воздуху на электростанцию. Однако несколько ружей как сквозь землю провалились, и время от времени кто-то пытался стрелять в Дентона и Дебору. Но они никогда не отходили далеко от яка и потому оставались невредимы. Кру всегда мстил несостоявшимся убийцам, если ему удавалось их найти.

Через неделю по реке должен был прийти очередной груз бомб для Якуни, которые нужно было подвергнуть электролитической обработке. И тогда все было бы кончено – японской империи стало бы известно, что американский гипнотизер захватил Мьянур и подверг завоевателей неслыханному унижению. Якуни не собирался столь долго ждать. Да, его стрелкам не удалось уничтожить американцев. Но должны же были быть и другие способы.

Вот только Якуни так и не смог ничего придумать.

Еще до конца недели Кру удовлетворенно выдохнул. Это был его народ – а не толпа лживых, трусливых созданий, одержимых лицемерным пустословием, к какому он давно привык. Кру был доволен этим племенем, особенно бирманцами.

Ни один другой бог не был столь велик. Ни у одного другого бога не было такого храма или столь гигантских алтарей. Во всяком случае, Кру надеялся, что не у многих.

Он позволил себе помечтать. В будущем – естественно, через много веков – Кру мог бы стать столь же великим, как Молох или рыжий Ормазд, именуемый Огненным. Возможно, он чересчур размечтался. Хотя, во имя того, кто выше всех богов, – нет! Даже Ормазд когда-то был мелким божеством. Как и Осирис, и Аллат вавилонская. Да и Мардук тоже. Теперь они обитали в Годсхайме – обители богов, куда не мог войти ни один слабый божок.

Но если Кру станет великим воином и повелителем многих народов и храмов – тогда врата Годсхайма однажды откроются перед ним. Стоило подождать. Пока что он наслаждался возможностью повелевать одним племенем, а в будущем – рассчитывать и на управление целым народом. Кру-Воин! Как зазвучали бы эти слова, если бы только воплотить их в жизнь!

Кру посмотрел с высоты на электростанцию. На одном из алтарей лежал козленок. Жрица, как обычно, курила благовония. Она возносила молитву Кру! Кру скользнул вниз, войдя в тело яка, и немного повозился, прежде чем получить власть над неуклюжими голосовыми связками животного.

– Кру слышит. Кру принимает вашу жертву.

Дентон, вид у которого был довольно измученный, бросил взгляд на Дебору и едва заметно кивнул:

– Кру велик. Позволишь ли мне сказать?

– Ты дорог мне, жрец. Говори. Разве я не дал тебе неуязвимость?

– Типа того, – мрачно ответил Дентон, – и это оказалось чертовски полезным. Но у меня появилась вот такая мысль. Разве ты не должен следовать образу жизни других богов?

– Я не следую за другими богами. Все боги следуют одним великим законам.

– Именно это я и имел в виду, – сказал Дентон. – Мне кажется, ты кое-что упускаешь, Кру. Солнечный миф. Все великие боги умирали и воскресали из мертвых. Гор в Египте, Бальдур, Кетцалькоатль, боги ирландцев, американских индейцев, любых народов. Разве у друидов не было бога по имени Мидер, который возродился вновь? В день весеннего равноденствия.

– Да, и при каждом затмении. Жрец, ты мудр. Но я не знаю, готов ли я.

– Почему бы и нет? Сейчас самое подходящее время.

– Истинно глаголешь, жрец. Я был неблагоразумен. Отлично, я умру и воскресну. Это продлится недолго, один лунный цикл... один месяц.

– Замечательно. И как это будет происходить?

Кру объяснил. Обряд выглядел довольно интересно. Кру согласился впасть в спячку на тридцать дней. Для его поклонников этот период должен был стать временем траура и отречения от всех удовольствий, пока бог не пробудится ото сна.

– Да, – торжественно произнес як, – Кру велик!

Дентон многозначительно посмотрел на Дебору.

– О да, велик, – сказала она. – Пойду проверю, как идут дела с плавучими храмами.

– Хорошо, – согласился доверчивый бог. – Разумная мысль.

Он пустился в обсуждение деталей обряда со жрецом, в то время как Дебора незаметно направилась в сторону селения.

Эта идея пришла в голову Дентону несколько дней назад – построить плавучие платформы, на которых можно было бы поклоняться Кру. Он легко убедил бога в их символической роли, подчеркивающей, что Кру повелевает не только землей, но и водой. Платформы эти были почти готовы. Одну из них по распоряжению Дентона сделали особо прочной – ее поддерживали на воде запаянные баки из-под горючего, и у нее имелся работоспособный руль. Собственно говоря, она была построена для яка – без которого невозможно было обойтись, если они хотели остаться в живых. Присутствие яка обеспечивало им неуязвимость. С ним ничто не могло помешать им во время путешествия вниз по реке до ближайшей базы союзников. Учитывая, что Кру будет погружен в сон, никакая предосторожность не была лишней.

Все прошло как по маслу. План сработал на удивление успешно, однако легкое беспокойство не покидало Дентона. Кру ничего не подозревал, пока продолжалась церемония, и капитан Якуни не проявлял никаких враждебных намерений. Ритуал начался на рассвете и длился около двух часов, завершившись, как обычно, пьяной оргией.

Исход церемонии был predetermined. Висевшая над головой туча сжалась и исчезла. Дентон понял, что Кру больше нет.

Бог погрузился в сон. Вскоре он снова должен был воскреснуть. Но за это время нужно было успеть сделать очень многое.

Они направились к реке – Дебора верхом на яке, Дентон вел животное в поводу. Туземцы веселой процессией следовали за ними. Для них все происходящее было всего лишь частью обряда. Они ничего не сообразили, даже когда яка погрузили на плавучую платформу и американцы оттолкнули ее от берега.

– Я отправляюсь принести жертву Кру в тайном месте, – объявил Дентон толпе на берегу. – Если не вернусь завтра к восходу солнца, Мьяпур для вас – запретный город. Найдите себе новые дома и селения. Таков приказ Кру. – И объяснил, повернувшись к Деборе: – Так они смогут спастись, если Мьяпур начнут бомбить с воздуха.

Плот скрылся за поворотом реки. Последним, что увидел Дентон, было лицо капитана Якуни – озадаченное, настороженное и задумчивое. Никто не пустился за ними в погоню.

Дентон проверил плот. Под брошенными на него шкурами скрывался запас еды, а также пара ружей и несколько ножей, которые он заранее там спрятал.

– А теперь бери шест и отталкивайся от берега, если нас приберет к нему слишком близко, – сказал он Деборе. – С этим рулем чертовски тяжело управляться. К счастью, река не слишком быстрая, иначе мы могли бы опрокинуться. Если встретятся пороги – замедли ход, мы сойдем на сушу, заберем яка и потащим плот волоком.

Дебора поежилась.

– Мне просто интересно, – пробормотала она. – Интересно, что с нами будет, когда Кру проснется.

Пока они скользили по течению, никто со стороны Якуни их не преследовал. За проплывавшим в коричневой мутной воде плотом наблюдали крокодилы, лежавшие словно бревна на

илистых берегах. Горячий воздух был душным и спертым. Справа и слева возвышались молчаливые стены джунглей.

Повсюду стоял пронизывающий запах гниющих растений. Ветер не приносил пролады даже на закате, когда небо становилось зеленым, словно бирманский нефрит. Сигары Деборы отсырели, а ей так хотелось курить. Як, привыкший к иной высоте, печально мычал, глядя на американцев большими карими глазами.

Однажды они увидели самолет, но он был слишком далеко, хотя Деборе показалось, что это американский П-40. А в другой раз на них обрушился шквал выстрелов, когда они выплыли из-за поворота. Нападавшие прятались в джунглях, однако пули не причинили путникам никакого вреда. Дентона, Дебору и их животное-хранителя кусали кобры. На них охотились хищники. Их преследовали крокодилы. Беспредельное могущество Кру оставалось незыблемым, хотя бог спал.

Плот плыл все дальше, пока пороги не перегородили реку. Тогда беглецы пошли пешком. Кинжалыгодились, чтобы прокладывать путь через переплетенные ветви и лианы, а Як мог проделать проход в самых труднодоступных местах. Но большую часть времени Дентон шел со спутниками по хорошо утоптанной тропе. Им нечего было опасаться, кроме голода и жажды. Даже встреченный отряд японских разведчиков не представлял для них никакой угрозы.

Но путешествие затянулось. Они слепо шли на юг, вдоль реки, поскольку не знали, где искать базу союзников. Часто видели самолеты. Дважды Дентон был к этому готов и разводил сигнальный костер. В первый раз он опоздал, и самолет улетел, прежде чем пилот успел заметить дым. Во второй раз появились японские истребители, и воздушный бой в небе ушел на запад.

Як не страдал от недостатка пищи, хотя его шерсть стала от жары спутанной и грязной. Дебора ни разу не пожаловалась, но после первой недели пути она начала худеть – как и Дентон. Впрочем, оно и к лучшему, поскольку излишний вес способствует лихорадке.

Оборванные, измученные, исхудавшие, они шли и шли. Неделя. Две. Три. И дольше. Им так и не удалось встретить базу союзников.

И вот пробудился Кру.

Зверь после спячки голоден и слаб. Но для богов подобное не верно. Когда Кру проснулся, его первым осознанным чувством было радостное ожидание. Сны ему снились очень приятные – о Мьяпуре, его народе и о великом будущем. Кру потянулся всем своим мускулистым телом и громко рассмеялся. Рассветное солнце сияло жемчужным шаром в тумане над джунглями. Настал день торжества. Теперь Мьяпур перестанет оплакивать спящего бога и возрадуется. Кру воскрес, и в Мьяпуре будет звучать смех.

Но в селении на берегу реки стояла тишина. Над хижинами не поднимался дым. Не было никаких признаков жизни.

– Я-а! – воскликнул Кру, устремляясь к земле. – Проснись! Проснись, мой народ!

В Мьяпур уже вторглись джунгли. По улицам бродили шакалы, и между камнями проридалась буйная растительность. Храм? Храм был осквернен.

Алтари Кру исчезли.

Мьяпур пал, как когда-то пал Вавилон, словно на него легло чье-то проклятие. Кру непонимающе смотрел на руины. Он стоял неподвижно, возвышаясь над Мьяпуrom. В небе с пронзительным криком пролетел коршун. От реки к небу унесся приглушенный гром.

– Ай-и! Мой народ! Мои верные жрец и жрица!

Удивление исчезло с лица Кру. В свете утреннего солнца блеснули его желтые клыки. Снова раздался гром.

– Мои великие сияющие алтари! Ах-х...

Сверкнула молния. Небо внезапно затянули тучи.

Яростно рыча, Кру устремился на юг. Буря следовала за ним по пятам. Удары грома возвещали о его приближении. Джунгли пригибались перед идущим Кру.

Наконец он увидел свою добычу. Искать вслепую не было никакой нужды, поскольку неразрывная духовная связь между богом и жрецом, между богом и священным животным безошибочно влекла его к цели. Кру увидел добычу – и протянул громадную руку.

10. Награда воина

Дентон проснулся от резкого порыва ветра. Он судорожно вздохнул, дернулся, попытаться сесть, и увидел головокружительную картину уносящихся вниз джунглей. Вместе с ним в воздух поднимались Дебора и як.

– Ден! – отчаянно протянула к нему руки побледневшая девушка, и Дентон привлек ее к себе. – Ден! Это... это Кру!

– Я понял.

В полумиле над землей они остановились.

Як потрянул косматой головой. Из его глотки раздался гневный голос:

– Это Кру! Вы предали вашего бога. Мьяпур опустел, мой храм осквернен и разграблен. Мои алтари исчезли. Мой народ разбежался. Умрите же, неверные стражи!

Дентон почувствовал, как тошнотворный комок подкатывает к горлу.

– погоди, – выдохнул он. – Кру, послушай. Дай нам шанс.

– Я слишком долго слушал. Вы умрете!

– Кру, – неожиданно заговорила Дебора, – мы ничего не могли поделать. Японцы ворвались в храм и изгнали нас.

– Вы могли их остановить.

– Мы пытались. Но тебя не было. Они... они...

– Почему вы сбежали? Вы неуязвимы.

– Мы пытались привести помощь, – слабо проговорила Дебора и сжалась в комок, не в силах больше сказать ни слова.

Но она дала Дентону передышку, и он продолжил:

– Она говорит правду. Нас изгнали. Бирманцы пытались нам помочь, но японцы оказались слишком сильны. Мы отправились за помощью, чтобы вернуть твои алтари.

– Мои алтари! Мои великие сияющие алтари, подобными которым не обладал никто из богов. Где они?

Дентон быстро посмотрел на Дебору.

– Якуни демонтировал электростанцию. Он понял, что мы можем добраться до союзников и тогда Мьяпур начнут бомбить. Вероятно, он установил генераторы где-то в другом месте.

– Где? – проревел як. – Найди мои алтари, жрец, или погибнешь.

– Хорошо, я попытаюсь. – Дентон сглотнул слюну. – Ты можешь вернуть нас обратно в Мьяпур?

– О да!

На этот раз путешествие было быстрым. Кру в мгновение ока перенес пленников в бирманское селение.

– Смотри же! Взгляни на руины моего храма!

– Вيني в этом японцев, – сказал Дентон, облизывая пересохшие губы.

– Найди мои алтари.

– Сделаю все, что в моих силах. Мы можем... э... полететь вдоль реки со скоростью миль шестьдесят в час?

Кру не ответил, но Дентон, Дебора и як устремились вниз по течению, паря высоко в небе.

– Эй... чуть пониже, – заявил Дентон. – Спасибо.

У Деборы дрожали губы.

– Мне бы сейчас хотелось оказаться где-нибудь совсем в другом месте, – сказала она. –

Что нам делать?

Дентон сжал ее руку:

– Спокойно. У меня нет никаких приборов, но я могу предположить, куда отправился Якуни.

– Куда?

– Вниз по реке. Ему нужно как-то перевезти генераторы. Даже разобранные, они весьма тяжелые, так что без плотов ему не обойтись. И уж явно они не поплывут вверх по течению.

– Но, Ден, мы же не можем обыскать всю реку.

– А нам это и ни к чему. Генераторы преобразуют энергию. Якуни нужна энергия воды.

Он поставит генераторы возле водопада. У него на это было больше месяца.

– Но... даже за месяц...

– Ты знаешь, как работают японцы. У Якуни в команде хорошо обученные инженеры из Токио. Возможно, новая электростанция еще не готова окончательно, но Якуни наверняка этим занимается. Естественно, она замаскирована. Он бы не вывез генераторы из Мьяпура, чтобы укрыться от наших бомбардировщиков, не предусмотрев возможности тщательно их спрятать. Будь внимательна.

Но в конечном счете их цель нашел сам Кру. Как и ожидал Дентон, она находилась недалеко от водопада, потайные цементные каналы обеспечивали необходимое давление.

Вся группа устремилась вниз. На мгновение по их лицам хлестнули листья. Затем они оказались внутри импровизированной электростанции, построенной Якуни. Это была грубая работа, но над ней потрудились опытные техники, работая день и ночь под угрозами Якуни. Именно там стояли алтари Кру. Более того, они действовали. Ревели турбины, преобразуя энергию реки. Да, Якуни и впрямь работал быстро.

Едва Дентон успел бросить на них взгляд, как оказался на противоположном берегу над водопадом, рядом с Деборой и яком. Все молчали. Кру тоже.

– Он все-таки это сделал, – вздохнула Дебора. – Япошка снова клепают чертовы бомбы.

Дентон не успел ответить, как заговорил як:

– Что это, жрец? Что с моими алтарями? Что с ними случилось?

Неожиданно Дентону пришла в голову мысль. Он бросил на Дебору предупреждающий взгляд.

– Желтокожие люди – неверные, Кру. Их предводитель изгнал твоих верных бирманцев и наложил проклятие на Мьяпур. Он сказал... он сказал, что ты слабак и должен бежать прочь и спрятаться подальше, когда проснешься.

– Ден, – прошептала Дебора.

– Я говорю правду, жрица? – Дентон уставился на девушку.

– Д-да. Именно так и было.

– Мои алтари! – простонал Кру.

– Кру... – сказал Дентон, смертельно побледнев. – Изгони этого злого бога. Ты могуществен. Сразись с ним. Уничтожь его.

– Сразиться с ним?

– Он творит зло. Он несет смерть твоему народу. Ты... боишься?..

– Ждите, – сказал як. – Оставайтесь здесь. И смотрите.

– Ты... сразишься с другим богом?

– Ждите, – повторил Кру, – и смотрите.

Он взглянул на генераторы, которые пульсировали словно живые. Их рев напоминал монотонную погребальную песнь. Вокруг них суетились желтые люди, служа и поклоняясь им. Поклоняясь новому богу, который проклял Мьяпур.

– Я боюсь, – сказал сам себе Кру. – Ай-и, боюсь!

Внезапно он возненавидел нового бога.

До его ноздрей донесся запах благовоний. Дентон курил последнюю сигару Деборы, хоть и отсыревшую. И Дентон молился.

– Отомсти за свой народ, Кру. Изгони узурпатора. Вызови его на бой. Кру велик.

Всего лишь один верующий – против многих там, внизу. Всего лишь один – нет, двое, ибо Дебора тоже молилась.

Оскалив желтые клыки, Кру посмотрел с высоты на электростанцию – и начал посылать проклятия. Сначала тихо. Для человеческого уха они звучали как ветер, глухой гул надвигающейся бури. Кру проклинал нового бога, бросая ему вызов.

– Кру велик. Кру более велик, чем любой узурпатор. Ты похитил мои алтари. Станешь ли ты сражаться за них? Станешь? Выйдешь на бой с Кру? Я-а! Ибо я великий бог, и я сокрушу тебя.

С затянутого тучами неба налетел резкий порыв ветра. Якуни озадаченно посмотрел вверх. Буря?

Он бросил взгляд на генераторы. Послышалось ли ему, или звук действительно изменился? В самом ли деле они гудели в унисон с ревушим ветром – словно отвечая ему? Словно ветер бросал им вызов? И турбины ответили!

Буря усиливалась. Казалось, в ее реве слышится членораздельная речь. И генераторы...

Глаза Якуни расширились. Он метнулся к рубильникам, но не успел.

С небес спустился Кру. Невидимый, могучий, ужасный. Кру наклонил лохматую голову и бросился в бой с богом генераторов.

Оглушительный взрыв потряс джунгли.

На другом берегу, над водопадом, Дентон с трудом поднялся на ноги, чувствуя, как кровь течет из носа и ушей, и помог подняться Деборе. Позади них с громким мычанием пытался встать як. Внезапно он упал, громадная волосатая туша застыла неподвижно.

Дебора заплакала:

– Он погиб, Ден. В смысле, Кру. Мы... мы...

– А мне, по-твоему, сейчас каково? – хрипло спросил Дентон. – Послать этого... этого чудовищного дикаря на верное самоубийство... Но это был единственный выход.

– Наверное.

– Конечно да! – сказал Дентон, потирая лоб. – Я... я, собственно, такого даже не ожидал. Я думал, либо Кру уничтожит генераторы, либо его самого уничтожат. Все получилось даже лучше. Якуни и его люди мертвы, а генераторы превратились в металлолом.

– Як тоже мертв.

– Он умер, когда умер Кру. Дебби, ты уверена насчет Кру? Что он... что его больше нет?

Она медленно кивнула:

– Уверена, Ден. Я чувствую, что его не стало. А ты?

– Да, я тоже. В душе он был сущим неандертальцем, но я ненавижу себя за то, что сыграл с ним такую злую шутку.

Он совсем сник и поежился.

Девушка посмотрела на тучи над головой и вдруг спросила:

– Что это? Самолет?

На западном небосклоне появилась точка.

– Да, – несколько секунд спустя ответил Дентон, – причем из наших. Вероятно, они видели взрыв. Неудивительно.

Он сорвал с себя рубашку и принялся неистово ею размахивать.
Самолет покачал в ответ крыльями и начал описывать круги в поисках места для посадки.
Дентон поднял брошенную сигару и снова зажег ее, посмотрев на небо. Дебора слабо улыбнулась, поняв его жест.
– Самолет приземлился, – сказал Дентон. – Идем, Дебби.
Он бросил сигару в реку, и пламя над алтарем Кру погасло навсегда.

* * *

Кру ехал верхом на яке в густом удушливом влажном тумане, заполнявшем все вокруг. Наконец мгла начала рассеиваться, распадаться на белесые космы и клочья. Сквозь разорванные облачка показались очертания четырех высоких фигур, охранявших мост. Позади них уходил в бесконечность дугообразный пролет. Великаны молча ждали.

Мускулистые и грозные, они приветствовали Кру странными жестами.

Они назвали свои имена.

Мардук и Ормазд Огненный, Осирис и Аллат вавилонская.

Ормазд покачал рыжей головой и широко улыбнулся:

– Приветствуем тебя, Кру-Воин.

Кру на мгновение лишился дара речи.

– Но это не может быть блаженная обитель Годсхайм, – с трудом выговорил он. – Я всего лишь мелкий бог...

– Это мост в Годсхайм, – заверил его Мардук. – Погибшие боги уходят туда, если смогли доказать свою силу. Там твое место.

Кру недоверчиво выставил перед собой волосатые руки.

– Ормазд! Великий Осирис... Мардук и Аллат? Но я не великий – я мог им стать – лет через тысячу. Но умер, увы, слишком рано.

– Ты пал в бою, – напомнил Осирис. – Ты бросил вызов самой могущественной сущности во вселенной. Никто из нас не осмелился бы сразиться с противником, которого уничтожил ты. Хай! Ты один из нас, брат. Идем!

Мардук и Ормазд встали по обе стороны от умиленного Кру. Аллат вышла вперед. Осирис стоял позади.

И Кру-Воин ступил на мост, ведущий в извечный Годсхайм.

Исцеление

Считается, что отпуск благотворно влияет на здоровье, но Доусон, вернувшись из Флориды, чувствовал себя не лучше прежнего. Он не рассчитывал на чудесное исцеление. Он вообще ни на что не рассчитывал. Сейчас он сидел у себя в кабинете, облокотившись о стол, и угрюмо рассматривал Эмпайр-стейт-билдинг, в глубине души надеясь, что здание рухнет у него на глазах.

Каррутерс, его партнер по юридической фирме, заскочил стрельнуть сигарету и мимоходом сообщил:

– Паршиво выглядишь, Фред. Сходи выпей, что ли.

– Не буду я пить среди бела дня, – отказался Доусон. – Тем более во Флориде только и делал, что пил.

– Не перестарался?

– Нет. Честно говоря, замучило меня все это.

– Как говорится, всякий дуб был когда-то желудем, а из нервных расстройств вырастают полноценные психозы, – заявил Каррутерс с простодушной (даже чересчур простодушной) миной на пухлом бескровном лице.

– Выходит, теперь я псих?

– Вполне может быть. Со временем узнаешь. Одного в толк не возьму: откуда у тебя эта иррациональная боязнь мозгоправов? Я, к примеру, побывал у психоаналитика.

– Ну и что узнал?

– Что женюсь на высокой брюнетке, – ответил Каррутерс. – Психиатрия – это тебе не астрология. Может, в детстве ты укусил бабушку. Дай волю этим воспоминаниям, пусть выйдут на свет, иначе будешь крутить в голове фразу «У тебя такие большие зубы» и завязнешь в болоте психоэмоциональных терзаний.

– Не вязну я ни в каком болоте, – возразил Доусон. – Просто...

– Ну да, конечно. Погоди: в колледже ты учился с парнем по фамилии Хендрикс, так?

– Было дело.

– Недавно я встретил его в лифте. Хендрикс переехал в Нью-Йорк из Чикаго. Открыл практику в этом же здании, но повыше, на двадцать пятом этаже. Говорят, он один из лучших психиатров в стране. Может, сходишь к нему?

– И что скажу? – осведомился Доусон. – Меня же не донимают зеленые человечки.

– Везунчик, – заметил Каррутерс. – А меня донимают. Днем и ночью. И выпивку мою воруют. Просто признайся Хендриксу, что тебе чудится запах дохлых мух. Может, в детстве ты отрывал крылышки малярийным комарам. Видишь, как все просто? – Он встал со стула, похлопал Доусона по плечу и шепотом добавил: – Сходи к нему, Фред. Сделай мне такое одолжение.

– Хм... Ну ладно.

– Вот и молодец, – просветлел Каррутерс и взглянул на часы. – Кстати, вчера я записал тебя к Хендриксу. Прием через пять минут. – И он сбежал, не обращая внимания на ругательства, летевшие ему в спину, а прежде чем захлопнуть дверь, крикнул: – Кабинет двадцать пять сорок!

Доусон нахмурился, нахлобучил шляпу, сказал секретарше, куда идет, и поднялся на двадцать пятый этаж, где на пороге кабинета 2540 столкнулся с херувимоподобным толстяком-коротышкой в твидовом костюме. Смерив Доусона взглядом светло-голубых глаз сквозь блестящие контактные линзы, херувим сказал:

– Здравствуй, Фред. Что, не узнаешь?

– Рауль? – не поверил Доусон.

– Вот именно, Рауль Хендрикс собственной персоной. Как видишь, за последнюю четверть века я прибавил в весе, зато ты совсем не изменился. Кстати, я хотел сам за тобой зайти. Не успел позавтракать. Может, спустимся на первый этаж и перекусим в кафе?

– Разве Каррутерс не говорил?..

– Обсудим все за едой. – Хендрикс затащил Доусона обратно в лифт. – Столько вопросов накопилось! Ведь мы, считай, друзья детства. Прости, что не выходил на связь. Почти весь этот срок я прожил в Европе.

– Ну а я наших из вида не теряю, – сказал Доусон. – Помнишь Уилларда? Недавно его обвинили в каких-то махинациях с нефтью...

Разговор продолжился за луковым супом и вторым блюдом. Хендрикс по большей части слушал. Иногда посматривал на Доусона, но без особого значения. Они сидели за уединенным столиком, а когда принесли кофе, Хендрикс закурил и выпустил кольцо сигаретного дыма.

– Хочешь диагноз навскидку?

– Было бы неплохо.

– Тебя что-то волнует? Можешь сказать, что именно?

– Конечно, – ответил Доусон. – Что-то вроде галлюцинации. Разве Каррутерс не ввел тебя в курс дела?

– По его словам, тебе мерещится запах дохлых мух.

– И пыльное окно, – усмехнулся Доусон. – Может, это и не окно вовсе. Я его не вижу, а скорее чувствую. Чем-то вроде шестого чувства.

– Как насчет снов? Тебе не снится это окно?

– Если и снится, я не помню этих снов. Ощущение всегда мимолетное. Что хуже всего, в такие моменты я догадываюсь и даже знаю: на самом деле реален не наш мир, а это окно. Обычно такое бывает, когда я занимаюсь повседневными делами. Щелк, и становится ясно, что мое занятие – это сон, а на самом деле я нахожусь перед пыльным оконцем, от которого пахнет дохлыми мухами.

– Хочешь сказать, ты кому-то снишься? Как Червонный Король из «Алисы в Зазеркалье»?

– Нет. Наоборот, мне снится все это. – Доусон обвел глазами обеденный зал. – Вся моя жизнь.

– Что ж, нельзя исключать, что так оно и есть. – Хендрикс потушил сигарету. – Но тут начинается метафизика, а в ней я не сведущ. Не важно, что кому снится. Главное – верить в сон, пока ты его видишь. Если это не кошмар.

– Не кошмар, – помотал головой Доусон. – Пока что я вполне доволен своей жизнью.

– Итак, на чем мы остановились? Ты не знаешь, что тебя беспокоит. Видение – всего лишь символ. Стоит понять, что за ним кроется, и вся конструкция рухнет. Другими словами, невроз перестанет существовать. По крайней мере, обычно бывает именно так.

– Исчезнет, как привидение при свете дня?

– Вот именно. Но не пойми меня превратно. Невроз способен перерасти в полноценное психическое расстройство. У тебя что-то вроде обонятельной галлюцинации, но без сопутствующей делюзии. Ты знаешь, что никакого окна не существует.

– Ну да, – подтвердил Доусон, – но чувствую, что моя ладонь лежит на каком-то предмете.

– То есть галлюцинация еще и тактильная? Что это за предмет?

– Не знаю. Холодный и твердый. Если сдвинуть его с места, что-то произойдет.

– Ты пробовал его двигать?

Помолчав, Доусон еле слышно ответил:

– Нет.

– В таком случае попробуй. – Хендрикс достал блокнот с карандашом. – Предлагаю провести импровизированный словесно-ассоциативный тест.

– Это еще зачем?

– Чтобы найти причину, по которой тебе видится это окно. Поищем ментальную блокировку, поставленную внутренним цензором. Проведем генеральную уборку. Если регулярно наводить порядок в доме, сэкономишь массу времени. Углы не успеют зарости паутиной. Но стоит захламить сознание, и запросто наживешь реальный психоз – со всеми вытекающими. Повторяю, главное – нащупать причину. Тогда ты поймешь, что галлюцинация – всего лишь соломенное чучелко, и она больше не будет тебя беспокоить.

– А что, если это не соломенное чучелко?

– В таком случае хотя бы признаешь существование галлюцинации и попробуешь от нее отделаться.

– Понятно, – сказал после паузы Доусон. – Будь я повинен в смерти человека, мог бы очистить совесть, позаботившись о его сиротах.

– Почитай Диккенса, – посоветовал Хендрикс. – У Скруджа хрестоматийная история болезни: галлюцинации, мания преследования, комплекс вины и, наконец, исцеление. – Он взглянул на часы. – Готов?

– Готов.

Когда закончили, Хендрикс просмотрел результаты и не без удивления сообщил:

– Все нормально. Даже слишком. Есть парочка особенностей, но для однозначного вывода надо провести еще несколько тестов, чтобы не переходить в эмпирическую плоскость... Хотя иногда без этого не обойтись. В следующий раз, когда начнется галлюцинация, попробуй шевельнуть предмет, на котором лежит твоя ладонь.

– Не знаю, получится ли, – сказал Доусон, но Хендрикс лишь рассмеялся:

– Что, астральный паралич разобьет? Честно говоря, Фред, ты меня успокоил. Я уж думал, у тебя и правда не все дома. Но дилетантам свойственно переоценивать психические отклонения. Пожалуй, твой друг Каррутерс напрасно за тебя переживает.

– Может быть.

– Короче, у тебя бывают галлюцинации. Не такое уж редкое явление. Стоит найти причину, и все тревоги как рукой снимет. Заходи завтра, в любое время – только позвони заранее, – и я проведу полноценный осмотр. – Он кивнул на кофейные чашки. – Еще по одной?

– Нет, – отказался Доусон.

Через какое-то время он вышел из лифта на своем этаже, а Хендрикс поехал дальше. Как ни странно, Доусону стало спокойнее. Он не до конца разделял профессиональный оптимизм психиатра, но понимал, что Хендрикс говорил вполне разумные, логичные вещи. Нельзя, чтобы галлюцинация так действовала на нервы. Это попросту алогично.

В кабинете Доусон встал у окна и принялся рассматривать зубчатые силуэты высоток на фоне неба. В уличном каньоне у него под ногами глухо рокотали автомобильные моторы. За сорок два года Доусон выстроил уютную жизнь, стал партнером в юридической фирме, вступил в десяток клубов и обзавелся массой увлечений: впечатляющий результат для человека, чей жизненный путь начался в сиротском приюте. Когда-то он был женат, но развелся, хотя сохранил приятельские отношения с бывшей женой и теперь вольготно жил в холостяцких апартаментах неподалеку от Центрального парка. У Доусона было все, что душе угодно, но какой толк от денег, власти, престижа, если он не сумеет победить эту галлюцинацию?

Под влиянием момента он отпросился с работы и заглянул в медицинскую библиотеку, где нашел массу подтверждений словам психиатра. По всей видимости, пока Доусон не верил в существование пыльного окна, он пребывал в относительной безопасности, но как только начинал верить, в дело вступала диссоциация, перед которой пасовала логика – субъектив-

ная, а посему ложная. Человеку необходимо знать, что он действует в рациональном ключе, а поскольку многие из базовых побуждений отлично замаскированы и не подлежат расшифровке, люди приписывают своим поступкам самый произвольный смысл. Но при чем здесь пыльное оконце?..

«Ну и ну, – думал Доусон, пролистывая страницы. – Стоит поверить в эту галлюцинацию, и у меня... гм... разовьются побочные делюзии. Начну искать причину, по которой существует пыльное окно. К счастью, никакой причины нет».

Он вышел из библиотеки, увидел поток автомобилей и вдруг почувствовал, что лежит под мутным оконцем, едва не касаясь носом стекла. С каждым вдохом в ноздри забивалась пыль, а вместе с ней удушливый и гнетущий запах дохлых мух. Доусон воспринимал этот запах как некий эйдос буроватого цвета, сопровождаемый чувством предельного ужаса и бесконечного отчаяния. Он осязал ладонью что-то твердое и понимал: если не сдвинет этот предмет с места, то задохнется – прямо здесь и сейчас, под этим засиженным мухами стеклом, – задохнется из-за физической инертности, из-за неспособности тела выполнять свои функции. И еще он знал, что нельзя возвращаться в сон, в котором его зовут Доусон, поскольку это оконце и есть реальность, а Доусон – бесплотное существо, пребывающее в блаженном неведении и живущее в вымышленном городе под названием Нью-Йорк. Он останется здесь и умрет под аккомпанемент запаха дохлых мух, но так и не поймет ничего, пока не настанет жуткий момент, когда уже слишком поздно... Слишком поздно, чтобы сдвинуть этот твердый предмет.

На него обрушился рев автомобилей. Бледный, вспотевший, потрясенный эфемерностью бытия, Доусон замер на кромке тротуара и дождался, когда ненастоящий мир вновь станет реальным, после чего стиснул зубы и остановил такси.

Успокоив нервы двумя порциями чистого виски, он все же сумел сосредоточиться на работе, на простеньком деле об ответственности производителя. Каррутерс уже отправился в суд, и в тот день Доусон больше не видел партнера. Что до галлюцинации, она тоже не повторялась.

После ужина Доусон позвонил бывшей жене и провел с ней вечер в саду на крыше небоскреба. Пил умеренно. Пробовал мысленно вернуться к первым годам брака, когда тот был еще счастливым, пытался воскресить прежнюю реальность, но без особого успеха.

Следующим утром в кабинет вошел Каррутерс. Присел на край стола, стащил у Доусона сигарету и осведомился:

- Ну, каков вердикт? Слышишь голоса?
- Довольно часто, – ответил Доусон. – К примеру, прямо сейчас. Твой.
- Как тебе Хендрикс? Нормальный специалист?
- Думаешь, он щелкнет пальцами, и все? Проблемы как не бывало? – беспричинно рассердился Доусон. – Любое лечение требует времени.
- Ого, лечение! Ну и что сказал Хендрикс? Что с тобой не так?
- Я в норме. Более или менее. – Не желая говорить на эту тему, Доусон демонстративно уткнулся в юридический справочник.

Каррутерс бросил сигарету в корзину для бумаг и пожал плечами:

- Ну извини. Я-то думал...
- Говорю же, все нормально. Нервы слегка разболтались. Что до Хендрикса, то он отличный психиатр.

Каррутерс успокоился, что-то сказал и удалился к себе в кабинет. Доусон перевернул страницу, но успел прочесть лишь несколько слов, прежде чем пространство сжалось, косые лучи утреннего солнца померкли и под ладонью у него оказался холодный твердый предмет, а в нос ударил застарелый запах отчаяния. Теперь Доусон не сомневался, что его забросило в истинную реальность.

Но ненадолго. Когда ощущение развеялось, он молча уставился на ненастоящий стол в фальшивом кабинете, за окнами которого гудели воображаемые автомобили, а из призрачной корзины для бумаг струился иллюзорный дымок.

– Тебе-то что об этом думать? – презрительно бросил Труляля. – Ты ведь ненастоящий!²

На глазах у Доусона дымок сменился оранжевыми языками пламени. Загорелась штора. Он вот-вот проснется...

Кто-то закричал. Секретарша Доусона мисс Анштрутер застыла в дверях, направив указующий перст на корзину для бумаг. Потом – суматоха, истошные возгласы, струя пены из огнетушителя.

Наконец пожар утомили и дым исчез.

– О господи! – Мисс Анштрутер вытерла перепачканный нос. – Какое же счастье, мистер Доусон, что я заглянула в кабинет! Вы так увлеклись чтением...

– Угу, – сказал Доусон. – Вообще ничего не заметил. Надо сказать мистеру Каррутерсу, чтобы не бросал окурки в корзину для бумаг.

Но вместо этого он позвонил Хендриксу. Психиатр согласился принять его через час. Доусон скоротал время за кроссвордом, а ровно в десять поднялся в кабинет бывшего однокашника и разделся до трусов. Хендрикс прослушал его стетоскопом, измерил давление и произвел какие-то манипуляции с другими полезными приборами.

– Ну?

– Ты в полном порядке.

– Другими словами, в здоровом теле чокнутый дух?

– Ну-ка, выкладывай, что случилось, – потребовал Хендрикс.

– Что-то вроде эпилептического припадка, – объяснил Доусон. – Предсказать эти приступы невозможно. Пока что они мимолетные, но после них остается чувство нереальности окружающего мира. Я прекрасно знал, что в корзине начинается пожар, но для меня он был ненастоящим.

– Бывает, галлюцинация проходит не сразу и переориентация на реальность занимает некоторое время.

– Ну да, конечно. – Доусон задумчиво погрыз ноготь. – Но что, если Каррутерс решил бы выпрыгнуть из окна? Я даже не попытался бы ему помешать. Проклятье! Я и сам шагнул бы с крыши – в полной уверенности, что мне ничего не будет! Ведь наш мир – это сон!

– Скажи, сейчас ты спишь?

– Нет, – ответил Доусон. – Сейчас я, конечно, не сплю. Но во время этих приступов и после них...

– Тот твердый предмет под ладонью... Ты его чувствовал?

– Да. И запах. И кое-что еще.

– Что именно?

– Не знаю.

– Сдвинь этот предмет с места. Проще говоря, мы имеем дело с компульсивным побуждением. И ни о чем не волнуйся.

– Даже если шагну с крыши?

– На крышу пока не забирайся, – посоветовал Хендрикс. – Узнай, что стоит за этим символом. Тогда исцелишься.

– А если нет, у меня разовьются побочные делюзии?

– Как вижу, ты заглядывал в справочники. Погоди. Допустим, ты считаешь себя богатейшим человеком на свете, но в кармане у тебя ни гроша. Как объяснить это с рациональной точки зрения?

---

² Измененная цитата из «Алисы в Зазеркалье». Перевод Н. Демуровой.

– Не знаю, – ответил Доусон. – Может, я большой оригинал.

– Нет! – Хендрикс помотал головой столь энергично, что его пухлые щеки затряслись, будто студень. – Если посудить логически, у тебя разовьется побочная делюзия: дескать, ты стал жертвой предумышленного ограбления. Понял? Не приписывай пыльному оконцу ложный смысл, не думай, что из оконной рамы вот-вот выскочит карлик со стеклом под мышкой и заявит, что к тебе появились претензии у профсоюза стекольщиков. Просто найди в этом символе реальное значение. И напоминаю: попробуй сдвинуть предмет, на котором лежит твоя ладонь. Не стоит ждать, пока он сдвинется сам собой.

– Ну ладно, – согласился Доусон, – попробую. Если смогу.

Той ночью ему приснился относительно заурядный сон. Знакомая галлюцинация не напомнила о себе. Вместо этого Доусон обнаружил, что стоит на эшафоте с петлей на шее, а Хендрикс бежит к нему с бумажным свитком, прихваченным голубой тесьмой.

– Тебя помиловали! – кричал психиатр. – Вот приказ за подписью губернатора! – Он сунул свиток в руку Доусона. – Развяжи ленточку!

Доусон не хотел разворачивать свиток, но Хендрикс настаивал. Пришлось сделать как было велено, и в тот же миг Доусон обнаружил, что тесьма привязана к длинному шнуру, змеей уползавшему под эшафот. Щелкнула задвижка, под ногами дрогнул люк, и Доусон понял, что падает: потянув за ленточку, он привел свой приговор в исполнение.

Проснулся весь в поту. В комнате было темно и тихо. Доусон выругался под нос, встал и принял холодный душ. Кошмары не снились ему уже много лет.

После этого он дважды беседовал с Хендриксом, и тот каждый раз копал все глубже, но лейтмотив его советов оставался прежним: распознай символ и не забудь сдвинуть с места твердый предмет.

На третий день, когда Доусон сидел в приемной у Хендрикса, на него навалилась знакомая свинцовая, тошнотворная инертность. В отчаянии он пробовал сфокусировать взгляд на зданиях за окном, но бороться с приливом было невозможно. Из глубин памяти выплыли слова Хендрикса, и Доусон, чувствуя под ладонью холодный, твердый предмет, шевельнул рукой, хотя это стоило ему невероятных усилий.

Влево, подсказал внутренний голос. Влево.

Преодолев летаргию, удушье, пыль и отчаяние, Доусон собрал волю в кулак, отправил приказ онемевшим пальцам, и те послушались. Неподатливый предмет щелкнул, встал на место и... и...

Он вспомнил.

Последнее, что случилось до...

До чего?

...Жизненно важно, – говорил кто-то. – С каждым годом нас становится все меньше. Надо уберечь тебя от этой чумы.

Безволосый череп покрылся испариной, и Карестли стер ее восьмипалой ладонью, после чего продолжил:

– Судя по анализам, Доусао, тебе требуется лечение.

– Но я никогда...

– Поверь, ты ничего не заметил бы. Такие отклонения невозможно выявить без соответствующих приборов. Но факт остается фактом: без процедуры тебе не обойтись.

– Но мне некогда! – возразил Доусао. – Я только-только занялся формулами упрощения... Как долго мне лежать в этом вашем воркиле?

– Полгода, – ответил Карестли. – Ровно столько, сколько надо.

– Фарр лег в него месяц назад...

– Потому что у него не было выбора.

Доусао усталился в стену, отдал мысленную команду, и тусклая панель сперва просветлела, а затем стала прозрачной и за ней появился город.

– Ты молод, – сказал Карестли, – и еще никогда не бывал в воркиле. В этой целительной, стимулирующей, необходимой процедуре нет ничего страшного.

– Но я нормально себя чувствую!

– Приборы не лгут. Нельзя полагаться на субъективное восприятие. Не спорь со мной, Доусао. Я намного старше тебя и побывал в воркиле уже двенадцать раз.

– Да ну?! – изумился Доусао. – И где именно?

– Всякий раз в новой эпохе, наиболее подходящей для моих отклонений. В Бразилии конца девятнадцатого века, в Лондоне во время Реставрации Стюартов, во втором периоде империи Хань, и везде было чем заняться. К примеру, в Бразилии я десять лет налаживал импорт каучука.

– Каучука?

– Это такое вещество, – улыбнулся Карестли. – В свое время оно было очень востребованным. Я трудился не покладая рук. Превосходная терапия. Давным-давно считалось, что целебные свойства присущи лишь созданию видимых и осязаемых произведений искусства – я говорю о живописи и скульптуре, – но у наших предков было весьма ограниченное сознание, поэтому сегодня мы делаем ставку на эмоциональную и трудовую терапию.

– Страшно подумать, что я окажусь в теле, ограниченном лишь пятью чувствами, – сказал Доусао.

– Благодаря искусственной мнемонике ты забудешь о своем нынешнем организме. Жизненная сила получит в распоряжение новое тело, созданное в специально выбранной для тебя эпохе – с полным комплектом поддельных воспоминаний о соответствующем периоде. По всей вероятности, процедура начнется в раннем детстве, а благодаря темпоральной компрессии ты проживешь там лет тридцать-сорок, хотя на самом деле пройдет всего полгода.

– Все равно мне это не нравится...

– Путешествие во времени, – сказал Карестли, – лучшая из известных нам терапевтических процедур. Нет ничего полезнее, чем пожить в другом мире с новым набором ценностей и отвлечься от стадного инстинкта, породившего великое множество современных проблем.

– Но... – возразил Доусао, – есть одно «но»! Да, мы с вами сохраняем ясность рассудка, но таких, как мы, осталось всего четыре тысячи на весь мир! И если не принять меры, причем немедленно...

– Видишь ли, мы тоже уязвимы. У нас нет иммунитета. Беда в том, что сотни поколений нашей расы ориентировались на ложные идеалы, противоречащие основным инстинктам. Чрезмерное усложнение наряду с упрощенчеством, и что одно, что другое не там, где надо. Мы не поспеваем за развитием интеллекта. Однажды у некоего Клеменса³ появилась механическая пишущая машинка. Когда она работала, все было идеально, вот только эта машинка постоянно выходила из строя.

– Все с точностью до наоборот, – кивнул Доусао. – Современные механизмы невероятно сложны, и люди не успевают подстроиться под их темп.

– Мы решаем эту проблему, – сказал Карестли. – Медленно, но верно. Нас осталось четыре тысячи, но мы нашли путь к исцелению. Через полгода ты выйдешь из воркиля новым человеком. Тогда-то и поймешь, что нет ничего лучше и надежнее, чем темпоральная терапия.

– Уж надеюсь. Хотелось бы поскорее вернуться к работе.

---

³ Речь о писателе Сэмюэле Ленгхорне Клеменсе, писавшем под псевдонимом Марк Твен.

– Вернешься, но не сейчас. Иначе не пройдет и шести месяцев, как ты спишишь, – напомнил Карестли. – Путешествие во времени сыграет роль профилактической прививки. Найдешь себе дело по душе. Мы отправим тебя в двадцатый век...

– Так далеко?

– В твоем случае показана именно эта эпоха. Там ты получишь искусственную память и, находясь в прошлом, перестанешь воспринимать реальный мир. Само собой, я говорю о нашей реальности.

– Ну-у-у... – неуверенно протянул Доусао.

– Решайся. – Карестли подплыл к транспортировочному диску. – Воркиль уже готов. Матрица настроена. Осталось лишь...

Доусао забрался в воркиль. Дверца закрылась. Бросив прощальный взгляд на дружелюбное лицо Карестли, Доусао положил ладонь на рычаг управления и сдвинул его вправо, после чего стал Фредом Доусоном, мальчишкой с полным комплектом поддельных воспоминаний, и очутился в сиротском приюте штата Иллинойс.

Теперь же он лежал в своем воркиле, едва не касаясь носом запыленного стеклоцены, от которого разило дохлыми мухами. Попробовал сделать вдох, и легкие опалило затхлым воздухом, почти непригодным для дыхания. Вокруг была серая полутьма. Едва не спятив от ужаса, он отдал мысленную команду. Где-то загорелся свет, стена обрела прозрачность, и он увидел город.

Город стал другим. Теперь он был гораздо старше. На корпусе воркиля собрался толстый слой пыли.

Громадное алое солнце омывало город кровавым светом. Никаких следов организованной деятельности. По руинам бродили разрозненные фигуры. Чем они заняты? Не рассмотреть...

Он взглянул на здание администрации, последний оплот человечества. Оно тоже изменилось. Похоже, он провел в этом воркиле очень много времени, ибо грандиозную башню затронул тлен, а в белых нитях оплетающих ее конструкций не осталось ни намека на интеллект. Выходит, свет окончательно померк и четыре тысячи здравомыслящих сгинули в пучине безумия.

Доусао воззвал к седьмому чувству, и догадка подтвердилась. На всем белом свете не осталось ни одного нормального человека. Стадный инстинкт восторжествовал.

В воркиле было нечем дышать. Удушье, что явилось ему в недавнем кошмаре, стало реальностью. Ожившие легкие стремительно поглощали остатки кислорода в герметично запертой камере. Конечно, он мог открыть воркиль...

Но зачем?

Доусао шевельнул рукой, и рычаг управления сдвинулся вправо.

Доусон сидел в приемной психиатра. Секретарша, не обращая на него внимания, заполняла какие-то формуляры, а белое утреннее солнце чертило узоры на ковре.

Реальность...

– Прошу, мистер Доусон.

Он встал, вошел в кабинет Хендрикса, пожал ему руку, что-то пробормотал и опустился в кресло. Хендрикс сверился с записями:

– Знаешь, Фред, давай-ка проведем еще один словесно-ассоциативный тест. Кстати, сегодня ты выглядишь лучше обычного.

– Неужели? – спросил Доусон. – Возможно, я узнал, что означает этот символ.

– Узнал? – вскинул глаза Хендрикс. – Seriously?

– Возможно, никакой это не символ, а самая настоящая реальность.

Тут на Доусона нахлынули знакомые ужасы: клаустрофобия, удушливый воздух, пыльное оконце, буроватый запах и чувство, что еще несколько секунд – и жизнь закончится. Но он не мог ничего поделать и поэтому просто ждал. Мгновением позже все прошло, и он взглянул на Хендрикса. Тот, сидя по другую сторону стола, говорил об опасности побочных делюзий и важности рационального подхода.

– Главное – найти верный путь к исцелению, – заключил человек, которого не было.

Тарабарщина

Для пушей убедительности надо бы рассказать эту историю по-немецки, но смысла в том немного, поскольку носителям немецкого языка становится уже не до кулинарных изысков.

Выражаюсь образно, дабы не накликал беду: нельзя исключать, что Резерфорд, в равной степени интересующийся семантикой и новоорлеанским джазом, способен создать англоязычный эквивалент этой рифмовки. Боже упаси! Что до самой песенки с ее апагогией ритма и подтекста, в переводе она теряет всякий смысл. Попробуйте-ка переложить на немецкий стихотворение про Бармаглота. Получилось? Ну-ну.

В песенке, сочиненной Резерфордом сразу по-немецки, не упоминаются ни ефрейтор, ни семга, но поскольку оригинал нам недоступен, заменяю его более или менее подходящей трактовкой; ей не хватает цепкости и того неудержимого напора, над которым месяцами корпел автор, но читатель хотя бы поймет, о чем речь.

Начнем, пожалуй, с того, как профессор семантики (то бишь пустословия) Фил Резерфорд едва не запустил тапком в своего сына, и неспроста: тем вечером он страдал от похмелья, проверял контрольные, размышлял о плачевном состоянии своего здоровья, по которому оказался не годен к военной службе, подумывал, не проглотить ли пару таблеток витамина В₁, и ненавидел своих студентов, ибо работы ему сдали никудышные, если не сказать отвратительные. Резерфорд, питавший едва ли не чувственную любовь к словам, попросту не выносил, когда с ними обращаются столь безобразно. Как сказал Алисе Шалтай-Болтай, вопрос в том, кто здесь хозяин; в нашем случае – хозяин своему слову.

Студенты, как правило, за свои слова не отвечали, хотя Джерри О’Брайан настроил неплохое эссе, и Резерфорд тщательно проверил его листок, вооружившись карандашом и не обращая внимания на включенное радио; ему почти не мешали эти звуки, поскольку дверь в гостиную была закрыта. Но вдруг радиоприемник умолк.

– Привет, пап, – сунулся в кабинет тринадцатилетний сын Резерфорда, нечесаный парнишка с чернильным пятном на носу. – Уроки я сделал, можно сходить в кино?

– Уже поздно, – взглянул на часы Резерфорд. – Прости, но нет. Утром тебе в школу.

– Номденплюм...⁴ – ругнулся Билл.

По юности он был не в ладах с французским.

– Ступай. Я занят. Пойди послушай радио.

– Там ничего интересного... ну да ладно. – Билл ретировался, оставив дверь приоткрытой. В гостиной возобновились приглушенные звуки, а Резерфорд вернулся к работе.

Через некоторое время он понял, что Билл монотонно бубнит ритмичную фразировку, и поймал себя на том, что вслушивается в бессмысленные слова детской считалки:

– Эни-бени, рики-таки, буль-буль-буль, караки-шмаки...

До Резерфорда дошло, что он уже какое-то время выслушивает эти строки с неумолимым «бац!» в конце, мистические вирши, что застревают в голове и вызывают одно лишь раздражение.

– Эни-бени, рики-таки... – повторял нараспев Билл.

Резерфорд притворил дверь, но это не помогло: он по-прежнему слышал отзвуки этого речитатива, и сознание пульсировало с ними в такт. Эни-бени, черт бы их побрал.

Спустя некоторое время Резерфорд обнаружил, что непроизвольно шевелит губами, мрачно выругался и сунул контрольные в стол. Похоже, он вконец устал, а проверка студенческих работ требует внимания. Что это, звонок в дверь? Самое время.

---

⁴ Псевдоним (*фр.* nom d'un plume).

За дверью стоял любимый студент Резерфорда Джерри О'Брайан, высокий, тощий, смуглый парень, обожавший те же эстрадные ритмы, что нравились его наставнику.

– Привет, проф, – улыбнулся он старшему товарищу. – Сегодня пришли результаты экзамена. Весьма неплохие!

– Отлично. Присядьте и расскажите.

Рассказ Джерри был не слишком содержательным, но довольно долгим. Билл, слоняясь по комнате, жадно ловил каждое слово. Наконец Резерфорд свирепо взглянул на сына:

– Кончай с этим «эни-бени», ладно?

– А? Что? Да-да. Я и не знал, что...

– Всю неделю как заведенный, – пожаловался О'Брайану Резерфорд. – Эта считалка мне уже ночами снится.

– Не обращайтесь внимания. Вы же специалист по семантике.

– А как проверять контрольные? Допустим, ты занят важным делом – по-настоящему важным, требующим предельной концентрации, – а считалка не идет из головы. Попробуй-ка сосредоточиться!

– Особенно в стрессовой ситуации... Да, понимаю.

– Мне эта считалка не мешает, – сказал Билл.

– Когда подрастешь, – хмыкнул Резерфорд, – и окажешься в положении, где разум должен быть острее хирургического скальпеля, сам поймешь, насколько важно не отвлекаться. Возьмем, к примеру, нацистов...

– В смысле?

– В смысле их единства, – рассеянно пояснил Резерфорд. – Их обучают предельной концентрации внимания. На создание этой махины немцы потратили не один год. Они культивируют остроту восприятия. Например, перед боевым вылетом немецкие пилоты принимают стимулирующие препараты. Фашисты безжалостно купируют все, что способно отвлечь человека от сосредоточенности на *«юбер аллес»*.

Джерри О'Брайан раскурил трубку:

– Да, противостоять им не так-то просто. Боевой дух немцев – удивительная штука; они безоглядно верят в собственное превосходство и считают, что лишены человеческих слабостей. Неплохо бы показать нацистам, что не такие уж они супермены – с психологической точки зрения.

– Согласен. Но как? Посредством семантики?

– Как? Понятия не имею. Разве что сокрушительной войсковой операцией. И даже в этом случае бомбы не станут решающим аргументом: если человека разорвало на куски, это не повод считать его слабаком. Нет, необходимо, чтобы Ахиллес осознал, что у него имеется уязвимая пятая.

– Эни-бени, рики-таки... – не унимался Билл.

– Вот-вот, – кивнул О'Брайан. – Подсуньте человеку подобный речитатив, и на концентрации внимания можно ставить крест. По себе знаю. Засядет в голове какая-нибудь «Хат-Сат-Сонг»⁵, и все, пиши пропало.

– Помните тарантизм? – спросил вдруг Резерфорд. – Средневековое плясовое помешательство?

– Вы про разновидность истерии? Когда люди выстраивались в ряд и заходились в джиттербаге до полного изнеможения?

– Это, скорее, не истерия, а ритмическая экзальтация, и ей до сих пор не нашли удовлетворительного объяснения. Жизнь основана на ритме, как и вся Вселенная, но не будем переходить на космические масштабы; останемся на приземленном уровне новоорлеанского

---

⁵ Популярная в начале сороковых годов песенка с бессмысленным текстом.

джаза. Почему некоторые мелодии сводят людей с ума? Как вышло, что из-за «Марсельезы» вспыхнула целая революция?

– Ну и как это вышло?

– Одному Богу известно, – пожал плечами Резерфорд. – Однако некоторые фразировки, не обязательно музыкальные, но ритмичные, рифмованные или завязанные на аллитерации, пристают так, что не выкинешь из головы. И... – Тут он умолк и задумался.

– Что? – взглянул на него О'Брайан.

– Дефектная семантика, – наконец ответил Резерфорд. – Любопытно... Вот смотрите, Джерри. В итоге мы забываем песенки вроде «Хат-Сат-Сонг» – то есть от них все-таки можно отделаться. Но что, если составить последовательность фраз с семантическим изъяном, способную навсегда остаться в памяти? Такую, чтобы попытка забыть ее была обречена на неудачу из-за самой структуры текста? Хм... Допустим, вас попросили не упоминать нос Билла Филдса⁶. Вы твердите себе: «Не упоминай нос Филдса». В итоге эти слова теряют всякий смысл, и вы, встретив Филдса, против своей воли скажете: «Добрый день, мистер Нос». Понятно?

– Ну да... как в классическом примере с белой обезьяной. Допустим, вам скажут: «Думай о чем угодно, кроме белой обезьяны». И о чем вы будете думать? Конечно же о ней!

– Вот именно, – расцвел Резерфорд. – В идеальной семантической формулировке, которую невозможно забыть, необходимы два компонента: ритм и зачаток смысла, вынуждающий думать о ее значении. Именно что зачаток, а не смысл в привычном понимании этого слова.

– Хотите составить такой текст?

– Ну да. Если объединить язык, математику и психологию, что-нибудь да получится. Нельзя исключать, что подобный речитатив ненароком сочинили в Средневековье. Отсюда и плясовое помешательство...

– Не нравится мне все это, – поморщился О'Брайан. – Слишком похоже на гипноз.

– Вернее, на самогипноз, причем бессознательный. В том-то и прелесть. Ну-ка, подсаживайтесь. – И Резерфорд потянулся за карандашом.

– Слушай, пап, – сказал Билл, – может, сразу по-немецки сочинить?

О'Брайан с Резерфордом озадаченно переглянулись, и в глазах у обоих зажегся дьявольский огонек.

– По-немецки? – переспросил Резерфорд. – Если мне не изменяет память, вы, Джерри, специализировались на немецком?

– Угу. Да и вы в нем дока. Действительно, можем написать по-немецки – почему бы и нет? Нацистов, наверное, уже тошнит от «Песни Хорста Весселя»⁷.

– Что ж, попробуем, – сказал Резерфорд, – чисто... э-э-э... забавы ради. Сперва ритм. Цепляющий ритм, но с рассинхронизацией, дабы избежать монотонности. Пока что обойдемся без мелодии. – Он сделал несколько пометок. – М-да, задачка не из легких. И вряд ли этим текстом заинтересуются в Вашингтоне.

– Мой дядя – сенатор, – вежливо напомнил О'Брайан.

ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ,

СЕМги на ужин нажарила МАТЬ,

А дети кричат: «ОтРАВА!»

ПРАВОЙ!

⁶ Уильям Клод Филдс – американский актер, страдавший от ринофимы (т. н. винного носа, или носа Филдса).

⁷ Гимн Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

- Да, я в курсе, – сказал сенатор О’Брайан.
- Итак? – Офицер непонимающе смотрел на вскрытый конверт. – Пару недель назад вы вручили мне этот пакет и велели не распечатывать без вашей команды. И что теперь?
- Теперь вы прочитали текст.
- Да, прочитал. Вы поселили пленных нацистов в адиронакскую гостиницу, где заморочили им голову немецкой песенкой, но я в толк не возьму, о чем в ней поется.
- Естественно. Вы не знаете немецкого. И я тоже. Но она прекрасно действует на немцев.
- Судя по рапортам, пленные постоянно напевают ее. И даже пританцовывают.
- На самом деле это не танец, а бессознательная реакция на ритм. Немцы повторяют эту... как ее... семантическую формулировку.
- Перевод у вас есть?
- Конечно. Но в переводе этот текст лишен всякого смысла, а на немецком обретает нужный ритм. Я уже объяснял...
- Знаю, сенатор, знаю. Но у Военного департамента нет времени на пустые теории...
- Я лишь прошу, чтобы эту песенку почаще давали в радиопропаганде. Дикторам придется несладко, но ничего, привыкнут. И нацисты привыкнут, но к тому времени распевка уже нанесет удар по их боевому духу. Распространите текст по радиоточкам союзных сил...
- Вы и правда в это верите?
- Честно говоря, нет. – Сенатор нервно сглотнул. – Но племянник прямо-таки загорелся. Он помогал профессору Резерфорду разрабатывать идеальную формулировку...
- То есть он убедил вас?
- Не совсем. Но постоянно бубнит что-то по-немецки. И Резерфорд тоже. Так или иначе, вреда не будет, и я всецело поддерживаю их начинание.
- Но... – Офицер взгляделся в немецкий текст. – Даже если люди станут напевать некую песенку, что это даст? Какая польза для союзных сил?

ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает **БРАВЫЙ!**
БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ,
СЕМги на ужин нажарила МАТЬ,
А дети кричат: «ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!

- Абер...⁸ – сказал Гарбен.
- Никаких «но»! – отрезал вышестоящий офицер по фамилии Эггерт. – Перевернуть деревню вверх дном! По приказу верховного командования завтра там будут расквартированы войска, идущие на Восточный фронт, и надо убедиться, что нигде не спрятано оружие.
- Абер... Мы регулярно ее обыскиваем...
- Значит, обыщите снова, – приказал Эггерт. – Вы же знаете этих поляков. Стоит на минутку отвернуться, и они, черти, достанут автомат из воздуха. Нельзя, чтобы до фюрера дошли тревожные вести. А теперь ступайте. Мне надо закончить донесение, и оно должно быть максимально точным. – Он пролистал стопку бумаг. – Сколько коров и овец, каков предполагаемый урожай... Ах, ступайте же, дайте сосредоточиться. И непременно обыщите деревню.
- Хайль, – угрюмо сказал Гарбен, развернулся и ритмично зашагал к двери, напевая какую-то песенку.

---

⁸ Но (нем. aber).

– Капитан Гарбен!

Гарбен остановился.

– Какого черта? Что вы бубните?

– У солдат новая походная песня. Дурацкая, но хорошо запоминается и под нее приятно маршировать.

– Что за песня?

– Бессмыслица. – Гарбен пренебрежительно махнул рукой. – Правой, правой, ефрейтор шагает бравый...

– Знаю, – остановил его Эггерт. – Слышал. *Унзинн*⁹, бред какой-то. Хайль.

Гарбен откликнулся очередным «хайль» и удалился, шевеля губами, а Эггерт, шурясь в скверном освещении, склонился над донесением. Десяток тощих бычков, коровы, у которых не молоко, а одно название... Хм. И с зерном ситуация не лучше. Что они вообще едят, эти поляки? Наверное, одну рыбу. Например, семгу... Кстати, из семги можно приготовить множество питательных блюд, разве нет? С чего бы им голодать, если есть семга? Или ее недостаточно?

Но почему именно семга? Неужели она заходит в здешние реки? Быть может, другой рыбы здесь не водится? Весьма странно... Или дело в том, что семги на ужин нажарила

МАТЬ,
Бросил семнадцать детей голоДАТЬ,
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!
ПРАВОЙ!

Усилием воли Эггерт отбросил пустые размышления и вернулся к донесению. Итак, зерно...

Работалось ему медленнее обычного, мысли то и дело перескакивали на нелепую рифмовку. *Фердаммит!*¹⁰ Нельзя же...

Далее, местные жители. Сколько в деревне семей – тридцать, сорок? Точно, сорок. Мужчины, женщины, дети. Преимущественно небольшие семьи. Да и вообще, мало у кого бывает семнадцать детей. С таким-то потомством фрау озолотится на материнском пособии. Семнадцать детей. Бросил голодать. Почему же они отказываются от семги? Абсурд... *Готт*¹¹, ну какая разница, что едят семнадцать несуществующих, исключительно гипотетических детей? Или не едят, потому что кричат

«ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

– Черт-те что! – взорвался Эггерт и свирепо взглянул на часы. – А ведь мог уже закончить донесение! Треклятая семга!

Он вернулся к работе, твердо вознамерившись не думать... не думать о...

Но мысли о семге сновали по закоулкам разума, точно мыши. Всякий раз, обнаружив их присутствие, Эггерт приказывал подсознанию: «Не думай об этом! Забудь!»

Но упрямое подсознание интересовалось: «Забыть? О чем?»

---

⁹ Ерунда (нем. unzinn).

¹⁰ Черт побери! (нем. Verdammt!)

¹¹ Зд.: боже мой (нем. Gott).

«О семге».

«Да ну? Говоришь, о семге забыть?» – ехидничало подсознание.

Поисковый отряд работал без особого рвения, рассеянно и неаккуратно. Гарбен выкрикивал приказы, понимая, что его слова не доходят до подчиненных. Он весь взмок, ткань мундира казалась непривычно жесткой, поляки молча смотрели на него и чего-то ждали. Хуже нет, чем быть лицом оккупационных войск. Представители покоренного народа всегда чего-то от тебя ждут. Ну что ж...

– Разбиться на пары, – велел Гарбен. – Обыскать. И будьте внимательны.

Солдаты были довольно внимательны. Маршировали по деревне под уже знакомый назойливый речитатив, шевеля губами – что, конечно же, не таило в себе никакого вреда. Единственный неприятный инцидент произошел на чердаке, который досматривали двое пехотинцев. Гарбен заглянул туда, чтобы проверить работу подчиненных, и был весьма удивлен, когда один из них открыл комод, увидел в нем заржавелый ружейный ствол и притворил дверцу. На мгновение Гарбен растерялся. А солдат как ни в чем не бывало продолжил обыск.

– Смирно! – крикнул Гарбен, а когда щелкнули каблуки, заявил: – Фогель, я все видел.

– Капитан? – искренне озадачился юный круглощекий Фогель.

– Мы ищем оружие. Может, поляки дали взятку, чтобы ты смотрел на оружие сквозь пальцы?

– Нет, капитан, – покраснел Фогель.

Гарбен достал из комода древний мушкет, бесполезный, но все равно подлежащий конфискации. Фогель аж рот разинул от изумления.

– Ну?

– Я... не заметил его, капитан.

– Ты что, за идиота меня держишь?! – вскипел Гарбен. – Я же все видел! Ты смотрел прямо на это ружье, а теперь говоришь...

– Я не заметил его, капитан, – бесстрастно повторил Фогель после паузы.

– Что за рассеянность, Фогель? Ты неподкупный малый и надежный партиец, но не расслабляйся. Считать ворон в оккупированной деревне небезопасно. А теперь продолжить обыск!

И Гарбен ушел проверять остальных. Солдаты определенно не могли сосредоточиться. Что их гложет? Почему Фогель смотрел на ружье и не видел его? Нервы? Исключено, арийцы славятся самоконтролем. Достаточно посмотреть, как слаженно они двигаются в ритме, предполагающем идеальную военную подготовку. Дисциплина – вернейший путь к успеху. Тело и разум, по сути дела, механизмы, коими надлежит управлять. Вон марширует по улице взвод,

**ПРАВОЙ, ПРАВОЙ,
ефрейтор шагает БРАВЫЙ...**

«Проклятая песня! Откуда же она взялась?» – думал Гарбен. Расползлась по армии, как расплозуются кривотолки. Первыми ее разучили солдаты, расквартированные в этой деревне, но где услышали? Черт его знает. Гарбен усмехнулся. В отпуске на бульваре Унтер-ден-Линден надо бы напеть приятелям эту потешную, абсурдную, прилипчивую песенку. ПРАВОЙ!

**ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!
БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ...**

Вскоре Гарбену доложили, что никто ничего не нашел. Из-за древнего мушкета не стоило беспокоиться, хотя по инструкции о нем следовало сообщить начальству, а затем допросить владельца этой рухляди. Гарбен откомандировал своих людей в штаб, а сам направился на квартиру к Эггерту. Тот, однако, был еще занят, хотя обычно работал быстрее многих.

– Погодите, мне нельзя отвлекаться, – сердито взглянул он на Гарбена и вернулся к писанине.

Пол был усыпан скомканными листами бумаги.

Гарбен отыскал нечитанный номер «Югенда» и устроился в углу. Статья о работе с молодежью... Любопытно. Гарбен перевернул страницу, понял, что потерял нить повествования, и вернулся к самому началу. Прочел первый абзац, буркнул «Что-что?» и снова взглянул на заголовок. Все слова были на месте, и мозг, разумеется, воспринимал их значение. Гарбен сосредоточился. Нельзя, чтобы чтению мешала эта чертова походная песня, в которой дети кричат

«ОТРАВА!»
ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!..

Статью он так и не дочитал.

Гестаповец Виттер потягивал коньяк и посматривал на герра доктора Шнайдера. Они сидели в кафе на залитой солнцем Кёнигштрассе.

– Русские... – начал Шнайдер.

– Погодите про русских, – перебил его Виттер. – Мне не дает покоя это польское дело. В деревне прятали пулеметы. Ее не раз обыскивали, но без толку. Ничего не понимаю. В последнее время чужих там не было, и поляки, по всей очевидности, запаслись оружием несколько недель назад.

– То есть прятали оружие без малого месяц!

– Но как? Мы тщательнее обыскали каждый дом, герр доктор. Надо бы снова допросить этого Эггерта. И Гарбена. У обоих достойный послужной список, но... – Виттер нервно дернул себя за ус. – Нет. Доверять нельзя никому. Вы умный человек, герр доктор. Что скажете?

– Скажу, что деревню обыскали спустя рукава.

– Никак нет. Эггерт и Гарбен настаивают, что досмотр проводился по всем правилам, и солдаты подтверждают их слова. Глупо предполагать, что они не заметили пулеметов. Это же массивные штуковины, а не компактные автоматы, которые можно спрятать под полом. А когда к деревне двинулись войска, поляки убили сорок семь немецких солдат. Засели на крышах и расстреляли колонну.

Умолкнув, Виттер принялся выстукивать рваный ритм по столешнице: тук, тук, тук-тук-тук...

– Что-что? – спросил он вдруг. – Не расслышал.

– Я ничего не говорил. Но с этим делом надо разобраться. Полагаю, вам прекрасно известен порядок допроса, и теперь дело лишь за логическими умозаключениями – так же, как и в моей работе.

– Кстати, как продвигается ваш проект? – отклонился от темы Виттер.

– Почти закончен.

– Слышу эти слова не впервые. Вы повторяете их уже несколько недель. Какие-то трудности? Может, вам помочь?

– Ну уж нет! – вскипел Шнайдер. – Обойдусь без горе-ассистентов. Это прецизионная работа, Виттер, она требует молниеносной реакции. Для того меня и учили термодинамике, чтобы я знал, когда нажать кнопку, а когда подправить вводные параметры. Тепловое излуче-

ние разлагающихся тел... – Тут Шнайдер смущенно умолк. – Наверное, мне и впрямь надо отдохнуть. Заработался. Глаз уже не тот, что раньше. Пробую сосредоточиться и вдруг понимаю, что запорол важнейший эксперимент. Вчера надо было добавить ровно шесть капель... некой жидкости к готовому раствору, но я, сам того не заметив, впрыснул в пробирку целиком содержимое шприца – и все, раствор испорчен!

– Вас что-то беспокоит? – нахмурился Виттер. – Берedit вам душу? Такого допускать нельзя. Если ваш племянник...

– Нет-нет, за Франца я не волнуюсь. Он, наверное, развлекается в Париже. А я... Проклятье! – Шнайдер грохнул кулаком по столу. – Черт бы побрал эту идиотскую песню! – (Виттер выжидающе поднял бровь.) – Я всегда гордился своим умом, как гордятся идеально отлаженным механизмом, и все понял бы, подведи он меня по рациональной причине, из-за тревоги или даже безумия, но теперь не могу отделаться от нелепого и бессмысленного стишка, и в итоге испортил сегодня бесценный прибор, – признался Шнайдер и насупился. – Еще один эксперимент псу под хвост. Когда до меня дошло, что случилось, я смахнул оборудование со стола. Но в отпуск мне нельзя: надо как можно быстрее закончить проект.

– Не спешите, – сказал Виттер. – Важна не скорость, а результат. Предлагаю отдохнуть. В Баварских Альпах очень красиво. Сходите на охоту, посидите с удочкой, расслабьтесь и забудьте о работе. Я поехал бы с вами, но... – Он пожал плечами.

По Кёнигштрассе прошагали штурмовики, выкрикивая фразы, от которых Шнайдер нервно вздрогнул, а Виттер вновь принялся выстукивать ритм по столешнице.

– Пожалуй, возьму отпуск, – согласился Шнайдер.

– Отлично. Я все устрою. Теперь же пора вернуться к расследованию польского инцидента, а затем побеседовать с пилотами люфтваффе...

Четырьмя часами позже герр доктор Шнайдер сидел в купе. Поезд мчал его прочь от Берлина. За окном мелькали очаровательные зеленые пейзажи, но Шнайдер, как ни странно, пребывал в расстроенных чувствах.

Он обмяк на диване, стараясь ни о чем не думать. Вот именно. Пусть острый ум отдохнет, пусть прецизионный инструмент полежит без дела. Вслушайся в убаюкивающий перестук колес, туки-тук, туки-тук, ТУК!

ТУК!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Шнайдер с чувством выругался, вскочил и дернул стоп-кран. Он вернется в Берлин, но не поездом, отныне никаких транспортных средств с колесами, готт, никаких!

Герр доктор отправился в Берлин пешком. Поначалу шагал энергично, но потом поблел и замедлил ход. Назойливая песенка не унималась. Шнайдер ускорился, пытаясь обогнать ее ритм. Это получалось, но недолго. Шестеренки в голове начали проскальзывать, и Шнайдер обнаружил, что всякий раз, сворачивая наПРАВО...

Он перешел на бег. Герр доктор Шнайдер, обладатель выдающегося ума, с остекленевшими глазами и развевавшейся по ветру бородой, бежал в сторону Берлина, но не мог обогнать внутренний голос, а тот долдонил все быстрее:

ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!
БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ...

– Почему вы не выполнили боевую задачу? – спросил Виттер.

Пилот люфтваффе не мог ответить на этот вопрос. Как обычно, все было спланировано заранее, с допуском на любые непредвиденные обстоятельства, и вылет попросту не мог провалиться. Из-за нерасторопности Королевских ВВС самолеты люфтваффе без помех отбомбились бы и вскоре вернулись во Францию через Ла-Манш.

– Вы получили дозу перед взлетом?

– Да, герр Виттер.

– Ваш бортстрелок Куртман был убит?

– Да, герр Виттер.

– Вам есть что сказать в его оправдание?

Пауза.

– Нет, герр Виттер.

– Была ли у него возможность сбить атаковавший вас «харрикейн»?

– Я... Да, герр Виттер.

– Почему он этого не сделал?

– Он... он напевал песню, герр Виттер.

– Песню напевал? – откинулся в кресле гестаповец. – И так увлекся, что забыл нажать на гашетку?

– Да, герр Виттер.

– В таком случае, во имя всего... всего... почему вы не уклонились от «харрикейна»?

– Я напевал ту же песню, герр Виттер.

В ожидании налета Королевских ВВС зенитчик насвистывал сквозь зубы. Хорошо, что сегодня луна. Он поерзал на мягком сиденье и взгляделся в оптический визир орудия. Все готово. Сегодня ночью несколько англичан приземлятся раз и навсегда.

Дело было на одном из постов ПВО в оккупированной Франции, и зенитчик не был особо важной персоной, разве что умел метко стрелять. Он поднял глаза на освещенное луной облачко и вспомнил о принципе негатива: на фоне этого облачка британские самолеты будут казаться черными, куда их не найдут лучи прожекторов, а затем...

Ну да.

ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Эту песенку хором распевали вчера в столовой. Ну и прилипчивая, зараза. Когда зенитчик вернется в Берлин – если вернется, – надо бы не забыть слова. Как там?

БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ...

Сознание машинально отбивало знакомый ритм. Зенитчик о чем-то задумался. Нет, его мысли не были связаны с текстом песни. Неужто задремал? Вздрогнув, он понял, что сна ни в одном глазу: стало быть, все под контролем. Песенка не навела сон; напротив, помогала не уснуть – четкий ритм, от которого кровь веселее струится по жилам.

ПРАВОЙ,

ПРАВОЙ,

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Так, смотреть в оба. Когда появятся английские бомбардировщики, зенитчик сделает что должен. Ага, вот и они. Издали донесся еле слышный гул моторов, монотонная пульсация в ритме уже приевшейся песенки, бомбы для Германии оставят всю страну голоДАТЬ,

Семги на ужин нажарила МАТЬ,
А дети кричат: «ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Летят самолеты, рука на гашетке, глаз у прицела...

ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Бомбардировщик, привет от британцев, давай-ка без спешки, подпустим поближе...

ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Громче моторы, ярче прожектор, черные птицы, семги на ужин... нажарила мать... Где они?

Куда они делись? Пропали. Зенитчик совсем забыл, что должен сбивать вражеские самолеты.

Ушли на цель. Ни одного не осталось. Ничего не осталось, кроме

Семги на ужин нажарила МАТЬ,
А дети кричат: «ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!

Министр пропаганды смотрел на рапорт так, словно это был не рапорт, а кусачий Иосиф Сталин.

– Нет, – твердо сказал он. – Нет, Виттер. Если это ложь, пусть остается ложью. А если правда, мы не рискнем ее признать.

– Но почему? – возразил Виттер. – Я давно уже занимаюсь этой проблемой и не вижу других логичных ответов. Все дело в песне. Она как чума для немецкого народа, и эпидемию пора остановить.

– Все дело в песне? В безобидной песенке?

– Вы же читали рапорт, – постучал по бумагам Виттер. – Солдаты входят в гипнотический транс. Вместо того чтобы держать строй, пускаются в шаманские пляски и при этом горланят безобидную, как вы сказали, песенку.

– Так запретите ее петь, – неуверенно предложил министр.

– Да, мы можем объявить, что отныне песня ферботен¹², но тогда ее станут напевать не вслух, а про себя. Так устроен человек: он не может не думать на запретные темы. Это один из основных инстинктов.

– Вот почему нельзя признавать, что от этой... песни исходит угроза, Виттер. Нельзя придавать ей важности в глазах немцев. Если песню будут считать всего лишь абсурдным набором слов, она обречена на забвение. Рано или поздно, – добавил министр.

– Но фюрер...

– Фюреру ни слова. Пусть остается в неведении. Поймите, Виттер, наш фюрер – довольно нервный человек. Надеюсь, он никогда не услышит этой песни. А если услышит, не поймет ее потенциальной опасности.

– Потенциальной?

– Из-за этих строк, – со значением поднял палец министр пропаганды, – люди лишают себя жизни. Например, тот ученый, Шнайдер. Кстати говоря, тоже неврастеник, причем с маниакально-депрессивным психозом. Много думал о том, почему семга... почему эти фразы застревают в мозгу. Довел себя до депрессивной стадии психоза и отравился. И не он один. Виттер, только между нами: мы имеем дело с чрезвычайно опасным текстом. Знаете почему?

– Потому, что он – воплощение абсурда?

– Вот именно. Быть может, вы помните стихотворение «Жизнь не грезы. Жизнь есть подвиг!»¹³, – и немцы верят, что это так. Мы, арийцы, – представители высшей расы. Мы покоряем другие народы благодаря логичности наших действий, но если сверхчеловек вдруг поймет, что потерял контроль над своим разумом...

– Даже не верится, что эта песня настолько коварна, – вздохнул Виттер.

– Оружием ее не победить. Признав ее опасность, мы удвоим – а то и утроим! – риск для нации. Многим стало трудно сосредоточиться. Некоторые перестают контролировать свое тело и совершают произвольные ритмичные движения. А теперь представьте, что будет, если запретить людям думать об этой песне.

– Может, подключить психологию? Объяснить, насколько нелеп этот текст?

– Всем и без того ясно, что «Семга» – малосодержательный набор слов. Нельзя признавать, что он нуждается в пояснениях. Более того, до меня дошли слухи, что в этих строках находят предательский смысл – и это, конечно же, верх нонсенса.

– Что за смысл?

– Намек на угрозу голода. Пропаганда многодетности. Даже отказ от идеалов нацизма. Более того, существует нелепое мнение, что под ефрейтором подразумевается... гм... – Министр многозначительно взглянул на портрет на стене.

Виттер не поверил своим ушам. После паузы он рассмеялся:

– Кто бы мог подумать! Ну и глупости. Но я никак не пойму, почему ефрейтор бросил детей голодать, если у них семга на ужин. Может, у них аллергия на рыбу?

– Это вряд ли. Семга может быть отравлена, – допустим, этот ефрейтор попросту сбежал от семьи и ненавидит детей настолько, что... Капитан Виттер!

Повисла пауза. Через некоторое время Виттер вскочил, отсалютовал министру и направился к двери, стараясь не шагать в такт с ритмом песенки. Министр снова взглянул на портрет на стене, хлопнул ладонью по пухлому рапорту и отодвинул его в сторону, после чего взял машинописный лист с грифом «ВАЖНО». И правда важно: через полчаса фюрер выступит по радио с речью, которую ждет вся планета, и развеет некоторые сомнения насчет ситуации на Восточном фронте. Хорошая речь, отменная пропаганда, и транслировать ее будут дважды – сперва для Германии, а затем для остального мира.

---

¹² Запрещена (нем. verboten).

¹³ Лонгфелло Г. Псалом жизни. Перевод И. Бунина.

Министр встал и принялся расхаживать по роскошному ковру. Губы изогнулись в презрительной ухмылке. Чтобы покорить врага, надо сперва растоптать его, встать перед ним и разорвать его в клочья. Будь у остальных немцев такой менталитет, такая уверенность в своих силах, эта бредовая песня лишилась бы своего сверхъестественного могущества.

– Ну что, – сказал министр, – как там было? «Правой! Правой! Ефрейтор шагает бравый...» Ага! Надо мной ты не властна! Тебе нет места в моем сознании, я повторяю тебя, но лишь по собственной воле, когда сам того хочу, чтобы доказать, что эти стишата не имеют никакой силы – по крайней мере, надо мной. Понятно? «Правой! Правой! Ефрейтор шагает бравый!...»

Чеканя шаг, министр пропаганды декламировал набившие оскомину фразы. И не впервые. Он часто повторял эти строки вслух – исключительно ради аутотренинга, чтобы доказать себе, что он сильнее дурацкой песенки.

Адольф Гитлер размышлял о России и семге. Конечно, у него хватало и других забот. Непросто быть лидером нации. Как только появится достойный преемник, фюрер отойдет от дел. Игла воображаемого патефона скользнула по запиленной пластинке, и Гитлер задумался о предстоящей речи. Да, неплохая. В ней многое объясняется: почему в России все пошло наперекосяк, почему не удалось оккупировать Англию, почему британцы бомбят континент, хотя это, казалось бы, невозможно. На самом деле никакие это не проблемы... но люди могут усомниться в правильности выбранного пути и потерять веру в своего фюрера. В сегодняшней речи, однако, имеются ответы на все спорные вопросы, включая провал «миссии Гесса». Геббельс несколько дней трудился над психологическим аспектом выступления. Всего-то и надо, чтобы оно прошло без сучка без задоринки. Гитлер sprysнул горло умягчающим спреем, хотя в том не было необходимости: сегодня фюрер на пике формы.

Однако неприятно будет, если...

ТЬФУ! Никаких «если». Слишком важна эта речь. Гитлер не единожды выступал перед немецким народом и всякий раз покорял аудиторию своим голосом, уникальным оружием лидера нации. Главное, конечно, Россия. Геббельс придумал блестящее оправдание провалу весенней кампании, и в нем не было ни слова лжи.

– Ни слова лжи! – громко сказал Гитлер.

Да, так и есть. Звучит вполне убедительно. Итак, сперва Россия, затем Гесс, а дальше...

Но русский вопрос крайне важен, и говорить о нем надо так, чтобы прогнулись микрофонные стойки. Гитлер приступил к репетиции. Сделать паузу, продолжить задушевым тоном: «А теперь правда о русской кампании и стратегическом триумфе немецких войск...»

Да, он все объяснит. И докажет.

Но нельзя забывать, насколько важна эта речь. В особенности ее ключевой момент. Не забыть. Не забыть. Ни на секунду. Говорить строго по плану. Но если сегодня он потерпит неудачу...

Неудачу? В немецком языке нет места слову «неудача»!

Но все же...

Нет. Даже если он провалит выступление...

Исключено. У фюрера нет такого права. И прежде недоразумений не бывало. Назревает кризис, пусть несущественный, но у нации появляются сомнения, и народ уже не столь единодушен в поддержке своего фюрера. Ну да ладно. Если он не сможет произнести речь, ее перенесут на другой день, только и всего. Найдут какое-нибудь объяснение. Геббельс все уладит. Это не имеет значения.

Не думай об этом.

Стоп. Наоборот, думай. Повтори еще раз. Пауза. «А теперь правда...»

Пора.

Фатерлянд замер в ожидании. Адольф Гитлер встал перед микрофонами. Он уже не волновался. Воображаемый патефон заело на слове «Россия», и в нужный момент запиленная пластинка подскажет, что делать. Гитлер начал речь – безукоризненную, как и все его речи.

«Давай!» – подсказала пластинка.

Гитлер умолк, сделал глубокий вдох и надменно вздернул нос. Окинул взглядом тысячи обращенных к нему лиц. Но он думал не о слушателях. Он думал о паузе и следующей фразе.

Пауза затянулась.

Вспомни! Это важно! Не подведи!

Адольф Гитлер открыл рот и стал произносить слова – но не те, что собирался произнести.

Десятью секундами позже трансляцию сняли с национального эфира.

Через несколько часов выступление продолжилось, но теперь к миру обратился не Гитлер, а Геббельс. Прослушав речь фюрера в записи, он, как ни странно, не обнаружил в ней упоминания о России или других жизненно важных вопросах, на которые следовало дать однозначный ответ. Фюрер попросту не мог проговорить нужные слова, и дело не в сценическом зажиме: в ключевых моментах выступления Гитлер зеленел, сходил с лица, скрежетал зубами и молот какую-то чушь, не в силах преодолеть семантическую блокировку. Чем сильнее он старался, тем хуже получалось. Наконец Геббельс сообразил, что происходит, и велел прекратить этот балаган.

Общепризнанную трансляцию дали в кастрированном виде. Многие спрашивали себя, почему Гитлер отошел от плана выступления, почему не заговорил о России, но далеко не все находили ответ на этот вопрос.

Однако вскоре ответ получают почти все немцы, ведь слухи не остановить: с самолетов сбрасывают листовки, люди перешептываются, разучивают вздорный куплет и напевают его на каждом углу.

Быть может, этот номер журнала «Эстаундинг сайенс фикшн» доберется до Англии, и пилот Королевских ВВС сбросит его неподалеку от Берлина или хотя бы Парижа, и пойдет молва, ведь на континенте хватает людей, знающих английский.

И они заговорят.

Поначалу никто не поверит, но все призадумаются, а заодно запомнят назойливый ритм, и однажды он дойдет до Берлина или Берхтесгадена, до парня со смешными усиками и оглушительным голосом, а несколько дней спустя (или недель, но это не столь важно) Геббельс войдет в просторный кабинет и увидит, как Адольф Гитлер марширует по ковру и скандирует:

ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ,

СЕМги на ужин нажарила МАТЬ,

А дети кричат: «ОтРАВА!»

ПРАВОЙ!

Забери меня домой

Иной раз Гору видно аж от самого Туманного Утра, если день выдался ясный. Между городом и Горой – океан загадочных джунглей. Блеклая венерианская растительность неутомно качается на ветру. Джунгли болтливые, постоянно что-то бубнят – почти как люди, только неразборчиво.

У кваев полно баек про Гору, целая мифология: сядет квай, прикроет мечтательно третьим веком желтый глаз и загудит носом в промежутках между словами – так вот странно они разговаривают, эти кваи. Говорят, что озерцо синее; небо вечно затянуто облаками, а озерцо синее.

Говорят, там обитает чудище. Или бог. Земляне пока слабовато знают квайский. Может, у них одно слово и для бога, и для чудища. Звучит любопытно, но не настолько, чтобы заинтересовать ребят из приграничных городов, разбросанных вдоль всей Земной трассы. Земляне только-только зацепились на Венере, и трасса пока что узкая, словно радужный Биврёст между Асгардом и другими мирами. И небезопасная. Посягать на венерианские территории, ущемлять кваев в правах – рискованное дело. Раз к ним сунешься, второй уже не захочется.

Однажды трое парней улизнули из Туманного Утра, ненадолго опередив преследователей. Все, без чего не обойтись в пути, взяли грубой и смертоносной силой. Самосуд – он и на Венере самосуд; преследователи-вигиланты загнали парней в джунгли. Достаточно далеко, чтобы те не вернулись. Поймали бы – повесили. Но гнали их до самой развилки, где две дороги – одна на юго-запад, к Фимиаму, а вторая на север, к Адаму и Еве, – и едва заметная тропинка, что вьется напрямиком на запад. Тут трое парней остановились, переглянулись и не удержались от смеха. Тропинка уводила в запретные земли кваев и дальше, к самой Горе. Преследователи пожалы плечами, развернулись и ушли обратно в Туманное Утро.

Потому что в джунглях д’ваньяны. У слова «д’ваньян» множество значений, но первое и главное – «несущий смерть». Кваи молодцы, стерегут свои земли как надо. По сравнению с д’ваньяном виселица – вполне себе вариант.

В пещере было довольно сухо и безопасно, хотя безопасность на территории кваев – понятие относительное. Беглецы выкопали ямку в песке, развели аккуратный костер, и светло-лиловые языки пламени принялись лизать стену с заунывным подвыванием, типичным для любого огня на Венере.

Парень по имени Рохан лег спиной к стене, сонно прикрыл глаза и тихонько затянул:

– Спустись, светлый фаэтон, спустись, забери меня домой...¹⁴

На выступе над входом в пещеру непрерывно сгущались тяжелые капли конденсата и падали, аккомпанируя песне человека и подвыванию огня. Второй парень – по кличке Мармелад – опустился на корточки перед бахромой капели, положил на колени бластер, стал вглядываться в туманные джунгли. Третий – его звали Форсайт – выскреб съестное из банки, отшвырнул ее в сторону и окликнул:

– Рыжий!

– Слушаю тебя, приятель, – отозвался Рохан, не открывая глаз.

– Рыжий, с меня хватит. Пойду обратно! Понял? Тут нечего ловить. Брильщик за нами не прилетит. Что, предлагаешь и дальше сидеть в этой норе? Полицию ждать? Нас преследует д’ваньян, еще со вчерашнего утра, и мне это совсем не нравится. Пойду назад. Рискнут...

Рохан усмехнулся и пропел:

– Коль прежде меня доберешься доту-уда, скажи всем друзьям, что и я скоро бу-уду...

¹⁴ «Swing Low, Sweet Chariot» – песня в жанре спиричуэлс, сочиненная в XIX в. чернокожим рабом Уоллесом Уильямом.

– Это безумие, – сказал Форсайт. – Здесь становится опасно. Ладно, ты не боишься д’ваньяна, но я-то боюсь! Короче, ухожу.

Но не двинулся с места. Под негромкие жалобы огня Рохан задумался о венерианских д’ваньянах.

Они занимают в обществе кваев особое место, не имеющее земного эквивалента. Д’ваньян – это полицейский, прокурор, судья и палач в одном лице, хотя его власть не ограничивается юридической сферой; еще он – по неизвестной землянам причине – уничтожает деревья и целые леса, иногда сжигает села, разрушает плотины, отводит реки в новое русло, а временами обеспложивает пахотные земли. Его решение – закон. Взаимодействовать с наукой ему запрещено. Он пользуется оружием, которое выдают ему облаченные в синее лл’гхираи, но не понимает принципов его работы. Лл’гхираи – это ученые, жрецы науки, обладающие запретным знанием Реалий, а что такое Реалии в понимании кваев, землянам пока неизвестно.

Хотя кое-какие реалии жизни на Венере земляне уяснили довольно быстро. И не всегда безболезненно. Во-первых, д’ваньяны наделены абсолютной властью, ради которой отказались от многого – если так подумать, даже от собственного «я». Они властвуют по праву помазанников божьих. Их жизнь священна, а приговор обжалованию не подлежит.

– Ухожу, – повторил Форсайт. – Я им не доверяю.

– Кваи – занятный народец. – Рохан приоткрыл глаза и взгляделся туда же, куда смотрел часовой у входа: в плывущие над тропинкой клочья тумана. – Неисповедимы пути их и чудеса, творимые ими. Удивительное племя. Ладно, Форсайт, прощай. А мы с Мармеладом полезем на Гору.

Форсайт тяжело привстал и обернулся. На смуглом лице вспыхнул гнев, приправленный скептицизмом. Даже сидевший у входа в пещеру Мармелад глянул через плечо и уронил изрытую оспинами челюсть.

– Чего? – осведомился Форсайт.

– Ты не глухой.

– Меня в это не втягивай, – разволновался Форсайт. – Ты с ума сошел. А раньше по-другому пел. Обещал, что Брильщик Джонс подберет нас на вырубке и мы улетим с добычей. Говорил, что мы свернули на эту тропинку только для того, чтобы отделаться от погони. Ты что затеял, Рыжий?

Рохан лениво перевернулся на другой бок, чтобы видеть спутников:

– Ты правда думал, что Брильщику будет до нас дело, если мы не сумеем взять банк? Мы оказались в весьма щекотливой ситуации, дружище мой Форсайт.

– Мне это не нравится, – тяжело задышал Форсайт. – В сейфе салуна денег не намного меньше. Но нет, надо было в банк вломиться! С сигнализацией! С выводом на полицейский пульт в Лебедином Порту! Что скажешь, Рыжий? Как скоро за нами явится полиция?

Зачерпнув горсть влажного песка, Рохан с детским любопытством смотрел, как тот сыплется сквозь пальцы. Земляне здесь совсем недавно, и до сих пор они удивляются самым элементарным вещам. Например, тому факту, что поверхность Венеры покрыта самой обычной почвой: черноземом, камнями, песком. Совсем как Земля. От утренней звезды ждешь чего-то более величественного.

– И мчит за мною ангелов отряд, – пропел Рохан, – мчит, чтоб...

– На Гору идти нельзя, – упорствовал Форсайт. – Что ты там найдешь, кроме какого-то черта в озерце? Говорю тебе, это безумие!

– Что я там найду, друзья мои? – В фиолетовых отблесках огня лицо Рохана приобрело лихорадочный оттенок. – Я найду богатство! Да, озерцо там имеется. И в нем обитает... ну, какое-то чудище. А знаете, для чего оно там? Чтобы охранять сокровища. Драгоценные камни, Форсайт. Бриллианты, Мармелад, изумруды и рубины. Тысячу лет кваи бросают в это озерцо

подношения своему божественному монстру. И об этом не известно никому, кроме нас. Вот почему, Форсайт, мы полезем на Гору.

– Тебе это пригрезилось, – хмыкнул Форсайт.

– Информация из самых первых рук! – рассмеялся Рохан. – От Чокнутого Джо.

Форсайт дернул головой, собираясь выплюнуть очередную колкость, но насмешка застряла в горле.

– Вот именно, – продолжил Рохан. – Обмозгуй все как следует. Я, к примеру, уже обмозговал. Видишь ли, я его подпоил. Впервые видел Чокнутого Джо пьяным. К счастью, он собутыльничал не с кем-то, а со мной. И разговорился...

Сквозь полуприкрытые веки Рохан смотрел на тусклый подвывающий костер. Чокнутый Джо... Интересно, насколько он чокнутый? Потягивал свое пойло и трепался, как увидел сокровище и не притронулся к нему, потому что не захотел, потому что плевать ему на сокровища. Точно, чокнутый. На такой поступок способны только чокнутые. Но еще и мудрый. Мудрый как филин. Деформированные закоулки его сознания оплетены паутиной здравого смысла. Как ни странно, кваи его уважали, прислушивались к его советам, рассказывали ему всякое, а он то и дело оборачивал их рассказы себе в пользу, даром что чокнутый. Не исключено, что он знал гораздо больше, чем рассказывал. Без помех бродил по квайской территории. Видел, что там, на вершине Горы...

– Утром я снова его поспрашивал, – сказал Рохан. – Думал, все это пьяная болтовня, но он и на трезвую голову подтвердил: чистая правда. Все мне рассказал. И я ему поверил. – Он усмехнулся. – А если бы не поверил, меня бы сейчас здесь не было. Короче, даже если он и приврал, на вершине Горы полно драгоценных камней. Половина богатств всей Венеры. И эти сокровища ждут не дождутся троих ребят вроде нас.

Тут он сложил губы в таинственную улыбочку и задумался о второй половине рассказа Чокнутого Джо. Форсайт и Мармелад даже в сокровище не особо поверили... То ли будет, если рассказать им про д'ваньянов.

– Д'ваньянов не бойся, – говорил ему Чокнутый Джо, глубокомысленно запуская пальцы в бороду и хмуря густые выбеленные брови. – Я же не боюсь. Много про них знаю, вот и не боюсь. Выведал всякое. Там, наверху. – Он с ухмылкой бросил на Рохана пронизательный взгляд. – Не такие уж они таинственные, если знать их тайну. А тайна там, наверху. Все там – и сокровище, и озеро, и чудище... и тайна д'ваньянов.

Рохан с сомнением глядел на него. Он привык считать себя здравомыслящим человеком, но теперь чувствовал растущее волнение. Ситуация и впрямь была странная. Что страннее всего, он поверил Чокнутому Джо. Почему? Это поймут лишь те, кто знаком с бородатым малым. Никому не известно, ни как его звать на самом деле, ни откуда он родом. Временами его лицо – та часть, что между всклокоченной бородой и неровно подстриженной челкой, – пробуждало смутные воспоминания, но о ком? Этого Рохан так и не понял. Несомненно, чокнутый Джо безумец, но безумствует он с достоинством и не замечен за враньем.

Еще он умел общаться с кваями и даже с д'ваньянами – держался на почтительном расстоянии, глядел снизу вверх в их холодные нечеловеческие лица, говорил, поглаживая бороду. С людьми д'ваньяны никогда не общались без крайней необходимости, но Чокнутого Джо слушали с уважением.

– Что ты о них знаешь? – осведомился тогда Рохан, вложив в этот вопрос всю свою нелюбовь, все свое недоверие к д'ваньянам. Нелюди, немтыри, жуткие создания, из-за которых его надежды на успех пошли прахом. – Что знаешь?

– Тайну д'ваньянов, – спокойно ответил Чокнутый Джо, – я тебе раскрыть не могу. При всем желании. О таком нельзя рассказать. Такое надо увидеть своими глазами.

– Оружие? – допытывался Рохан. – Механизм? Книга? Ну же, Чокнутый, дай наводку! О чем речь?

– О том, что на Горе, – только и сказал Джо. – Сходи да посмотри. Я там был и все видел. Теперь я их не боюсь. Они со мной разговаривают. Если тебя интересует их тайна, полезай на Гору. Да, будет нелегко, но тут как везде: без труда не выловишь рыбку из пруда. Так что вперед. Узнаешь все сам.

Поэтому Рохан отправился на Гору.

Его снедало любопытство. Эти несущие смерть – ужасающее племя, если их вообще можно назвать племенем. Не живые и не мертвые. На людей похожи не больше, чем существа из другой галактики.

Какие силы им подвластны? Сколько земляне ни гадали, никак не получалось угадать. Несущие смерть умели убивать на расстоянии – множеством способов, вполне объяснимых по аналогии; но объяснения запросто могли оказаться неверными. К примеру, если сфокусировать ультразвуковые волны в невидимую точку, живое существо погибнет от жара и вибрации. Не таким ли способом д'ваньяны приканчивают своих жертв? Как знать.

А их причудливые одеяния? Мерцающая черная материя, расшитая блестящими нитями? Никто из землян не видел их вблизи. Не исключено, что это неизвестное на Земле оружие: как обмотка на сердечнике электромагнита задает его мощность, так и замысловатые узоры могут оказаться источником энергии, которой д'ваньяны пользуются с пугающей эффективностью.

Науки кваев в чем-то похожат на земные, а в чем-то отличаются. Венерианцы не видели звезд, но по структуре атома воссоздали вполне правдоподобную схему Солнечной системы и соседних звезд. Известно, что они пользуются коротковолновым излучением Солнца и звезд, отфильтрованным облачной пеленой Венеры, – например, чтобы сбалансировать продовольственные ресурсы. Преобразуют крахмал в сахар с помощью поляризованного инфракрасного излучения – то есть по старинной земной технологии. А коль скоро существуют технологические преобразователи, почему бы не существовать биологическим? Если так, разумно будет предположить, что оружие д'ваньянов – это энергия, которую они черпают то ли из самих себя, то ли из окружающего мира и которой управляют с помощью мерцающих черных одеяний. Но откуда взялись д'ваньяны? Этого никто не знает. Наверное, даже кваи.

Быть может, об этом известно Чокнутому Джо. Быть может, это выяснит Рохан, если доберется до вершины Горы. Пока же он знает лишь одно: что ненавидит д'ваньянов иррациональной и неуправляемой ненавистью, скорее похожей на инстинктивное отвращение к неземной форме жизни, нежели на неприязнь к себе подобным, какими бы мерзавцами они ни были. Д'ваньяны не руководствовались внутренними импульсами, присущими Рохану, и Рохан ненавидел их за непохожесть на людей. Они были бесстрастны, и он насмеялся над их непостижимым бесстрастием. Они были бескорыстны, и он презирал их за необычайное бескорыстие. Но логика подсказывала, что по своей сути они просто живые существа. Подобно большинству людей, они следуют чьим-то приказам. Но на этот раз Рохан не позволит им расстроить его планы. Он боится д'ваньянов, но еще сильнее боится неудачи. Нет, теперь он не отступится от своей цели – ни за что на свете.

– Ну, не знаю, – ворчал Форсайт. – Не нравится мне все это. Слишком опасно. До Горы еще идти и идти.

– А здесь тебе нравится? – улыбнулся Рохан и проворно вскочил.

Высокий мужчина, импозантный, с приятной улыбкой. С первого взгляда и не поймешь, кто он такой на самом деле – и кем всегда был.

– Будешь сидеть на месте, – сказал он, – и за тобой придет д'ваньян. Вернешься – и тебя вздернут городские, если их не опередит полиция. Пойдешь со мной – есть значительная вероятность, что тебя сожрет самое настоящее, подлинное, аутентичное чудовище. Ну или божество. Зато перед смертью полюбишься на несметные богатства. Обещаю, Форсайт, что ты умрешь с улыбкой.

Человек, сидевший у входа в пещеру, все это время наблюдал за джунглями, но держал ухо востро. Теперь же, не поворачивая головы, он сипло спросил:

– Рыжий, ты все это спланировал?

– Спланировал, Мармелад? – Приятное лицо Рохана застыло в простодушной гримасе.

– Ты не рассказал бы о сокровище – если оно там есть, это сокровище, – не будь мы тебе нужны. Так? Ты знал, что мы пойдем на риск с твоей подачи, только если у нас не будет выбора. Поэтому спрашиваю еще раз: ты это спланировал?

До Форсайта все доходило с опозданием, но вскоре даже он сообразил, о чем речь.

– Вот именно! – И с растущим жаром: – Вот именно, Рыжий! Что скажешь? Это же ты придумал ограбить банк! Не салун, а именно банк, чтобы запороть дело и поднять полицию. Ты, Рыжий, того и хотел, чтобы за нами была погоня! Чтобы не было пути назад. Чтобы мы ушли на территорию кваев. Вот он, твой безумный план. Ну что ж, теперь мы здесь. Теперь ни вперед, ни назад! А все потому, что, когда речь заходит о деньгах, ты еще чокнутее Чокнутого Джо! Рыжий, я...

– Форсайт, умолкни, – прошептал вдруг Рохан. – Глянь вон туда. Мармелад! Там что-то... что-то черное!

В пространстве, сплюснутом каменными стенами – горными породами, из которых состояла чужая планета, – дыхание троих умолкших мужчин казалось оглушительным. Капли конденсата звонко разбивались о порог пещеры, им заунывно подпевал костер.

Мармелад поерзал, навел бластер на тропинку в джунглях и слился с ним в единое целое.

– Нет, – тихо велел Рохан. – Мармелад, не спеши. Мало ли что у них на уме, у этих кваев.

– Рыжий, а д'ваньяна можно убить? – еле слышно спросил Форсайт.

– Не знаю, но хотелось бы узнать, – процедил Рохан сквозь зубы. На его лице заиграли лихорадочные отблески фиолетового огня, глаза безжалостно блеснули. – Хотелось бы, – повторил он. – И когда-нибудь узнаю. Может, сегодня. Может, прямо сейчас. Если я кого и ненавижу...

Туман эффектно расступился, и на обнаженной тропинке появилась высокая черная фигура с белым лицом. Д'ваньян величаво шагал к пещере. Палец Мармелада, словно сведенный судорогой, обнимал спусковой крючок. Форсайт тихо выругался. Рохан не издал ни звука. Он не сводил глаз с черной фигуры. Та приближалась.

В глубине души Рохан помнил: в своих действиях д'ваньяны, по всей видимости, руководствуются чьими-то приказами. Когда три недели тому назад один из них приблизился к процветающему руднику на окраинах Беззаботной Любви и мановением руки уничтожил все капиталовложения Рохана, в его поступке не было ничего личного.

Рохан вспомнил об этом, и в висках тяжело запульсировал гнев.

На Венере полно полезных ископаемых. Планета буквально напрашивается на разработку. Фронтир – не место для слабых, здесь не церемонятся, и Рохан прибыл сюда лишь по одной причине: наилучшее применение своим талантам он находил там, где процветало беззаконие. Он твердо знал, что у него имеются задатки великого человека, и на фундаменте этого знания выстроил всю свою жизнь, но реализовать себя мог только на целине фронта, и Венера казалась идеальным местом для осуществления его замыслов... пока тот д'ваньян не вышел из джунглей, чтобы единственным жестом освободить кваев от тяжелого труда.

– Они принадлежат мне! – распинался Рохан перед бесстрашной фигурой в черном. – Они мне задолжали, вот и расплачиваются как могут! Больше у них ничего нет!

Без толку. Д'ваньян его как будто не слышал. В обществе кваев нет такого понятия, как товарообмен. Короче говоря, империя рухнула, не успев расцвести, и Рохан снова остался с пустыми руками, с пустыми карманами; остался ни с чем, кроме твердой уверенности в своем потенциальном величии и едкой ненависти к д'ваньяну, вставшему между ним и богатствами, которые обещала Венера.

Существо в черном приближалось. Глядя ему в лицо, Рохан растянул губы в любезной улыбке. Конечно, это другой д'ваньян, а не тот, из Беззаботной Любви... или тот самый? Кто их разберет... О д'ваньянах всегда думаешь в единственном числе. Наверное, потому, что видишь не больше одного зараза, а различать этих существ нет никакой возможности, и тебе неизбежно начинает казаться, что на всей Венере есть только один д'ваньян, всесильный и вездесущий, и он находится во многих сотнях мест сразу. Словно по волшебству. Чуждый, пустоглазый, бесстрастный, важно разгуливающий по своим делам. Само слово «д'ваньян» означает существо вне пределов жизни и смерти.

Д'ваньян стал у самого входа в пещеру. Он отстраненно смотрел на троих парней, в желтых глазах не читалось ничего, кроме безразличия. Блеклая растительность позади него зашевелилась, и на тропинку гуськом вышли кваи. Их было немного.

Кваи довольно высокие, в замысловатых водонепроницаемых нарядах, прилегающих к телу, словно вторая кожа; и эта одежда смахивает на белые бинты, отчего квай похож на мумию или привидение. У них треугольные лица, а вместо волос гладкий мех вроде тюленьего. Кваи поразительно похожи на тричуков, крохотных венерианских древолазов, которые бесшумно снуют в дрожащей листве и рассматривают тебя удивленными глазами. Если ты совсем недавно прибыл с Земли, скажешь, что квай напоминает лемура или сову, но, когда освоишься на Венере, поймешь, что перед тобой вылитый тричук.

Все четверо замерли за спиной у д'ваньяна и уставились в пещеру; на физиономиях смесь неодобрения и любопытства. Облаченный в черное д'ваньян стоял лицом к пещере и, не фокусируя равнодушного взгляда, изучал пустое место в шести футах за спиной у землян. Правой ладонью он поддерживал левое предплечье, а левую ладонь небрежно развернул к пещере. Наряд сидел на нем как влитой и сверкал так, что больно смотреть. Слепу не поймешь, вооружен д'ваньян или нет.

Наконец прозвучал голос, лишенный любого выражения:

– Гора – запретное место. Возвращайтесь.

Рохан обворожительно улыбнулся, и четверо кваев замигали светло-желтыми глазами.

– Доброе утро, джентльмены, – льстиво заговорил он. – Похоже, мы заблудились. Надеюсь, что не нарушили ничьих границ.

Кваи оскалились и щелкнули зубами. Один произнес что-то с обертонами грегорианского хора и добавил несколько испанских ругательств с чудовищным местным акцентом. Затем все четверо состроили мрачные, встревоженные мины, сложили ладони на гладких макушках и вопросительно уставились на Рохана.

Д'ваньян как будто ничего не слышал. Стоял без движения, молчал и ждал. Рохан почувствовал, как по спине бежит холодок, и тяжело сглотнул, сдерживая гнев.

– Гора – запретное место, – повторил д'ваньян. – Уходите. Прямо сейчас.

– Непременно. – Рохан демонстративно усмехнулся. – С радостью.

С д'ваньянами не спорят. Этот повторил свой приказ дважды. Наверное, сделал землянам большое одолжение. Рохан задумался, есть ли у этого существа... у этого создания хоть какие-то чувства. Если да, то он, скорее всего, слегка озабочен деликатной ситуацией с нарушителями, ибо отношения между землянами и кваями складываются непросто.

Землянам с их сугубо практичным мышлением древних римлян, ориентированным на извлечение прибыли, чрезвычайно трудно понять принципы организации общества в мире, не знавшем Рима. Если бы не д'ваньяны, контакт с местными был бы невозможен – в буквальном смысле.

Пожалуй, этого комментария будет достаточно, чтобы читатель понял, почему экстравагантные личности вроде Чокнутого Джо, в отличие от нормальных землян, не испытывают при общении с кваями и д'ваньянами почти никаких затруднений. Умственно неполноценные бродяги – неизбежный атрибут любого пограничного общества. Царящий здесь произвол при-

тягивает всевозможных отщепенцев и безжалостно перемалывает их в труху. Но лишь благодаря Чокнутым Джо между народами соседствующих миров удалось создать грубое, но работоспособное подобие гармонии. В конце концов, это двоюродные расы, дети братских планет, отпрыски рода человеческого. Но насколько по-разному они мыслят!

За спиной у Рохана тихо заговорил Форсайт:

– Лучше нам вернуться, Рыжий. Он не шутит. Сам знаешь, д'ваньяна невозможно убить. Другие уже пытались. Я не желаю в это ввязываться.

Его подошвы скрипнули по гравию. Форсайт шагнул вперед, но Рохан выставил руку и задвинул его обратно за спину.

– Мы уходим, – громко объявил он, и в голосе звенела благожелательность. – Дай мне рюкзак, Форсайт. Мы уходим.

Но мысленно повторял, сдерживая кипящий гнев: «О нет, только не снова. Однажды я сдался, но это не повторится. На сей раз любой риск оправдан, и я готов на все. О нет, назад мы не пойдем».

Он закинул на плечи рюкзак, вышел из-за вуали капающей воды и стал у входа в пещеру. Д'ваньян издал резкий шипящий звук. Кваи вздрогнули и попятились. Казалось, они съежились под своими обмотками, сгорбились от тяжести осознания, что сейчас что-то произойдет. Рохан вдруг подумал, что эти четверо – пленники д'ваньяна, совершившие какое-то загадочное квайское преступление. Д'ваньян зашипел снова, не двинув ни единым лицевым мускулом. Кваи, склонив головы, припустили к джунглям, где нырнули в лавину тумана. Последний из четверых обернулся и бросил на землян красноречивый взгляд, полный тревоги и безысходности, мигнул третьим веком, и туман поглотил его, словно сама Смерть.

Рохана окатило жгучей волной презрения к этим существам. Бесхребетные твари, четверо против одного д'ваньяна – и сдались, даже не подумав воспротивиться его воле. Так принято на Венере, но Рохан под этими правилами не подписывался.

Пристроив рюкзак на спину, Форсайт вышел из пещеры, встал перед Роханом и пробурчал:

– Дурак ты, Рохан. Думаешь, тебе это с рук сойдет? Даже будь здесь посудина Брильщика, я бы не полез на борт. Ты, Рохан, не внушаешь мне доверия. Ты еще чокнутее Чокнутого Джо. – Он повернулся к д'ваньяну. – Отведешь нас назад? Дураки мы, что сюда сунулись. Я бы и сам давно ушел, вот только дороги не знаю.

Левой рукой с полураскрытой ладонью (наверное, это положение пальцев означало угрозу) д'ваньян указал в том же направлении, куда сбежали кваи. Форсайт, хмыкнув, ступил на тропинку. Мармелад, сжимая в руке бластер, неуклюже поплелся следом. Рохан не двинулся с места.

Ненадолго задержав на его лице спокойный, но неумолимый взгляд, д'ваньян приподнял грозную руку. Какое у него оружие? Не узнать. Но ясно, что он способен уничтожить всех троих, лишь щелкнув пальцами.

Глядя в невыразительное белое лицо, Рохан решил, что хватит сдерживать гнев. «Это поворотный момент моей жизни на Венере, – думал он. – Если сдать, закончу как Чокнутый Джо. Если одолею д'ваньяна, выстрою на сокровищах Горы целую империю. Быть может, получу власть, которая сокрушит д'ваньянов раз и навсегда».

Он вдруг понял: пока существуют д'ваньяны, строить империю бессмысленно. И еще он понял, что не хочет никакой империи, никаких сокровищ, что жаждет лишь одного: разделаться с кланом д'ваньянов, с тысячами мертволицых копий того существа, что стоит сейчас перед ним; существа, которому кланяется целая планета. Рохан чувствовал, как бурлит в нем уверенность в собственных силах. Все получится. Он знал, что все получится – если он сумеет убить д'ваньяна в сегодняшнем поединке.

Он видел, как Форсайт шагает по тропинке навстречу волне тумана, в которой чуть раньше растворились послушные кваи. Мармелад нерешительно помедлил, посмотрел вслед Форсайту, оглянулся на Рохана.

Тот сделал глубокий вдох. Есть лишь один путь к победе. Интересно, кто-нибудь уже убивал д'ваньяна? Или хотя бы отважился попробовать? «Ну а почему нет? – решил он. – Что мне терять?»

Рохан уронил руку к висевшему на бедре бластеру и, не вынимая оружия из кобуры, выстрелил – мгновенно, не оставив ни себе, ни д'ваньяну времени на размышления.

Это кошмар, думал Рохан. Они бежали, бежали, бежали – все трое мчались сквозь туман, а вокруг были блеклые деревья, увитые лозами и жгутами тумана, и листья не умолкали, листья продолжали бубнить, и все джунгли содрогались от ужаса.

Рохан почти не видел бесцветной растительности. Вспышка у пещеры была столь ослепительной...

Что за вспышка?

«Ах да, – походя вспомнил он, – та вспышка, когда я убил д'ваньяна».

Тут над смятением чувств возобладал рассудок, и оказалось, что Рохан спрашивает сам себя – даже не спрашивает, а орет благим матом, беззвучно выкрикивает один и тот же недоверчивый вопрос: «Убил д'ваньяна? Я что, убил д'ваньяна?»

Он споткнулся, схватился за ствол дерева, чтобы устоять на ногах, и на долгое мгновение застыл, прижавшись щекой к влажной коре; с дрожащих листьев на затылок капала влага, и он пытался совладать с ошеломленной, но пробуждавшейся памятью.

– Я застрелил д'ваньяна, – сказал он себе, тщательно выговаривая слова. – О да, я его застрелил. Я, Рыжий Рохан, убил д'ваньяна, а сам – вот он, жив-живехонек. Значит, д'ваньяна можно убить. У меня получилось. Но что было потом? Как я здесь оказался?

Память отказывалась нырять в прошлое. Рохан, стиснув зубы, мысленно вернулся к пещере, в тот момент, когда схватился за оружие и...

Вспышка. Вспышка ослепительная, словно солнце, бело-желтая, ярчайшая вспышка из всех, что когда-либо наблюдали на Венере. Ни один венерианец не видел солнца. Даже костры здесь горели бледно-лиловым пламенем. Даже бластеры полыхали бледно-фиолетовым. Но вспышка у пещеры была как само солнце. Ослепительная. Отключающая и зрение, и сознание.

Д'ваньян растворился в ней, а потом накатил туман, и в нем растворился цвет солнца, после чего в туманной пелене, вспомнил Рохан, сверкнули радуги – должно быть, первые радуги на Венере.

Но упал ли д'ваньян? Ни один человек не способен устоять на ногах, получив заряд бластера почти в упор, с трех футов. Но разве д'ваньян – человек? Рохан снова и снова задавал себе этот вопрос, а вокруг перешептывались болтливые листья, но в их шепоте не было ответа. Никакого ответа не было. Была только ослепительная вспышка, туман, радуги, а потом...

А потом они побежали.

– Форсайт! – позвал дрожащим голосом Рохан, перекрикивая болтовню листьев. – Форсайт! Мармелад!

Из джунглей появились темные фигуры. Спутники остановились, перевели дух.

– Рыжий? – неуверенно спросил Форсайт. – Рыжий?

– Так, хватит. – Рохан совладал с дрожью в голосе. – Успокойтесь. Мы целы. Все под контролем.

– Под контролем! – с горечью передразнил его Форсайт и, тяжело дыша, прислонился к дереву. – Ну конечно, все в полном порядке. Вот только я собственными глазами видел, как ты пристрелил д'ваньяна. Знаешь, какое за это положено наказание?

– А ты знаешь? – с вымученной кривой ухмылкой спросил Рохан.

– Никто не знает. Может, раньше никто не пробовал убить д'ваньяна. Может, это совершенно новое преступление и для него еще не придумали наказание. Но придумают. И тогда...

– Заткнись, – перебил его Рохан, изо всех сил стараясь взять себя в руки, и повторил почти ласково: – Заткнись, Форсайт. Что сделано, то сделано. Теперь вам придется пойти со мной. Если доберемся до Горы, у нас не будет повода для волнений. Обещаю.

– Я не пойду. – Форсайт по-прежнему тяжело дышал. – Вернусь и буду ждать Брильщика. Ты же с ним связывался. Думаю, он все-таки прилетит. Мы просто поторопились уйти, только и всего. Он...

– Брильщик не прилетит, Форсайт, – устало объяснил Рохан. – Он уже два года как мертв.

Довольно долго все трое молчали. Когда тишина стала особенно гнетущей, Мармелад, прожигая Рохана взглядом, неторопливо и как будто машинально снял с плеча бластер.

– Не надо, – предупредил Рохан. – Без меня вам ничего не светит.

– Брильщик мертв? – тупо повторил Форсайт. – Не верю. Врешь. Ты...

– Да, я вам соврал. Пришлось. Ведь без вас мне не обойтись. – Рохан говорил мягко, но уверенно и настойчиво. – Я не связывался с Брильщиком, потому что с ним невозможно связаться. У меня нет канала связи с преисподней. Брильщик прожил долгую паскудную жизнь, а два года назад разбился в джунглях. Мне Чокнутый Джо рассказал. Я боялся, что и вы про это слышали, но все равно рискнул. Выбора не было. Говорю же, если доберемся до Горы, вы мне спасибо скажете. Мы так разбогатеем, что плевать нам будет на правительство, станем сами себе власть, построим в этих джунглях собственную империю и подомнем под себя полмира. Три императора... Богатств хватит каждому. Перед нами целая планета – ждет, когда ее захватят люди вроде нас. Я знаю, как это повернуть, и не отступлюсь. Мне нужна ваша помощь, и я устроил так, чтобы вы мне помогли. Вернуться уже не сможете. Вся Венера настроена против нас. Остается только идти на Гору, а если дойдем, станем хозяевами этого мира! – Он оттолкнулся локтем от дерева. – Короче, я пошел. Если хотите, давайте со мной.

Остальные молча смотрели на него, давась гневом и отчаянием. Потом Форсайт слегка набылчился и попытался что-то сказать, но не смог. Глаза округлились так, что над радужкой показался белок. Форсайт уставился в ту сторону, откуда они пришли.

Рохан обернулся. В бормочущей тишине все трое отчетливо слышали легкие шаги по гальке. Рохан принялся лихорадочно вспоминать, встречалась ли им на пути галька. Опустил глаза. Ноги мокрые. Да, была широкая полоса влажной гальки, а за ней между деревьями вился быстрый ручеек. Далеко ли? Он не помнил.

Вдали перекатывались и хрустели сокрытые за листвой камушки. Затем зажурчала вода. Так журчит ручей, омывая препятствие – например, ноги, переходящие его вброд. Снова хруст, теперь на ближнем берегу. Потом тишина.

Может, идущий находится дальше, чем кажется. Отражаясь от здешней листвы, звук меняется самым причудливым образом.

Рохан сипло выдохнул, твердой рукой поправил рюкзак, проверил, на месте ли бластер, и сказал почти так же бодро, как всегда:

– Ну, пошли. – Предчувствие опасности подействовало на него, как глоток спиртного. Прочь сомнения, долой нерешительность, отныне – только вперед. – Пошли, живо! Если оторвемся, все получится.

– Оторвемся? От кого? – прошептал Форсайт, озирая круглыми глазами затянутые туманом джунгли, из которых они только что выбрались. – Ты же сам знаешь, что это он. Я... видел за деревьями что-то черное. Он идет за нами. И он заберет нас, Рыжий. Мы убили его, и теперь он будет ходить за нами, пока не заберет. Рыжий, я...

Рохан тяжело шлепнул здоровенной ладонью по его потной смуглой физиономии.

– Молчи и топай. Передо мной. Мармелад, ты тоже. Я вам свой тыл не доверю. Ну же, шагом марш! – Он возбужденно хохотнул. – Пойду замыкающим. Если это и правда он, то заберет меня первым.

Оба послушались. Двинули вперед, хоть и нерешительно. То и дело оступались. Рохан сделал глубокий вдох, осклабился и мелодично засвистел. Бледные дрожащие листья, что говорили с ним со всех сторон, задрожали еще сильнее, когда он с вызовом запел, обращаясь к туману и оплетенным лозой деревьям:

– Спустись, светлый фаэто-о-он, спустись, забери меня до-мо-о-ой...

Над влажной пеленой и цепкими джунглями вздымались громадные плечи Горы, исполинские плечи, местами укутанные в туманную плащаницу, но по большей части нагие – серый вулканический камень, разукрашенный огромными цветными кляксами мягкого лишайника, розовыми, янтарными, темно-синими и бледно-зелеными. Вершины не видать. Озерцо, тайна, сокровища – все они спрятались в облаках и притворились, что их не существует.

Рохан бросил теплый, полный обожания взгляд в сторону вершины. Даже не верилось, что он у самой цели и вот-вот сбудутся все его мечты. Он рассмотрел извилистую тропинку, ведущую круто вверх, прикрыл глаза и представил, как спускается по ней, нагруженный сокровищами. Бриллиантами и рубинами. И еще он станет мудрее, чем тот Рохан, который стоит сейчас у кромки джунглей. Станет сильнее, чем д'ваньян. С Горы спустится Рохан, владеющий тайной д'ваньянов – существ, держащих в подчинении всю планету. Рохан повелевающий.

Он оглянулся. Звук шагов стал громче. За шепчущей листвой ничего не рассмотреть, но преследователь ступал размеренно, словно заведенный. А ведь он не старается догнать, понял Рохан. Ему достаточно лишь идти следом.

Рохан знал, что пора бы испугаться. Форсайт и Мармелад, примерзнув к месту, вглядывались в джунгли и тряслись от извечного суеверного ужаса. Но теперь, когда тайна совсем рядом, рукой подать, Рохану не до страха. К тому времени, как его нагонит неспешный преследователь, Рохан станет мудрее д'ваньянов, сильнее д'ваньянов, но для этого надо поторопиться.

– Ладно, – сказал он, – вперед. На Гору, парни. Обещаю, как только мы...

– Слышите? – перебил его Форсайт.

Все замерли. Джунгли продолжали бессвязно шепелявить. Над деревьями тяжело вздыхал ветер. Издалека донесся раскат грома, а после повторился зов: тонкий, замогильный, искаженный листвой.

– Ро-охан... – звал голос. – Ры-ыжий... Ры-ыжий Ро-охан!

На этот раз по спине Рохана прокатилась волна озноба.

– Вперед! – повторил он. – На Гору, быстро!

И снова тот же зов, теперь совсем рядом. Преследователь стремительно настигал их. Чудеса, да и только.

– Ро-хан... Ро-охан...

Рохан бросился бежать, тяжело топая и чувствуя, как по спине бьет рюкзак. Гора так близко... Если вырваться хоть немного вперед, быть может...

– Рохан? – окликнули от кромки джунглей. – Рохан, подожди меня.

Сам того не желая, Рохан обернулся. Не веря глазам, облегченно выдохнул и глупо спросил:

– Чокнутый Джо, ты?

– Ну да, я. – Старик улыбнулся сквозь косматую бороду. – А ты думал, не я? погоди минутку.

Он уверенно ступил на мшистый ковер и двинул вперед, широко размахивая руками. Крепкий дед. Может, и не дед вовсе – никто не знает, сколько ему годов. Борода с шевелюрой выцвели то ли от возраста, то ли по более туманным причинам. О Чокнутом Джо никто ничего не знает. Известно лишь, что он приходит и уходит, когда ему заблагорассудится, не отвечает

на вопросы, всегда безмятежный, лучится благодушием и творит самые странные вещи в самое неподходящее время. Короче, не зря его прозвали Чокнутым.

Чудак, но на удивление опрятный. Синие джинсы, забрызганные росой и каплями дождя, аккуратно прихвачены ремешками квайских сандалий; на джинсовой рубашке, пошитой в Лебедином Порту, стоит клеймо «казенное имущество»: такие выдают всем землянам, прибывающим на Венеру. Из-под клапана нагрудного кармана выглядывает розовый цветок, а на взъерошенных волосах – прозрачная бабочка и несколько крапчатых лепестков, но о них Чокнутый Джо, наверное, сам не знает.

– Думал вас опередить, – заговорил он, и с лица не сходила придурковатая улыбка, – но вы больно уж шустрые. – Он задрал голову и глянул на тропинку, что вилась по крутому склону горы. – Ну и ну! Ни капли не изменилась. Кто из вас пойдет первым?

– Так это ты? Это ты все время за нами шел? – нервно спросил Форсайт, пропустив вопрос мимо ушей. – Больше... никого с тобой не было?

– Не понимаю, о чем ты, сынок, – прищурился Чокнутый Джо.

– А ты видел?.. Там был?.. – Форсайт не мог подобрать слов.

– Д'ваньян, – закончил за него Рохан. – Мы думали, нас преследует д'ваньян, Джо. Скажи, ты что-нибудь видел?

Чокнутый Джо обернулся, задумчиво уставился на джунгли и запустил пальцы в бороду. Прозрачная бабочка захлопала крыльями, высвободилась из его кудрей и улетела прочь с легким дуновением ветра.

– Преследует запутанным путем... – пробормотал Чокнутый Джо, – по лабиринту моего сознания...

– Чего? – раздраженно спросил Форсайт.

Чокнутый Джо лишь покачал головой. Улыбка исчезла, и он снова сказал:

– Так кто намерен идти первым?

– Ясное дело, мы пойдем все вместе, – ответил Рохан. – Так что насчет д'ваньяна, Джо?

– Если ты ему нужен, он тебя поймает, – сказал Джо. – На твоём месте я бы не волновался. Мчал за мною ангелов отряд. – Он улыбнулся Рохану. – Часто слышу, как про них поют. Значит, первым пойдешь ты, Рохан? Тут такое дело, что всем вместе нельзя. Это против правил.

– Правила теперь устанавливаю я, – отмахнулся Рохан. – Кто мне помешает? Там же никого, так?

– О нет. Там всегда есть один квай. Он ждет.

– Чего он ждет?

– Ждет, чтобы его сожрали, – беззаботно сказал Джо. – Чтобы его слопала тварь, которая в озере живет. Ты же знал, что она стережет сокровище. Разве не знал?

Форсайт выжидающе смотрел на Рохана. Тот отвернулся, но с другой стороны на него напряженно пялился Мармелад. Оба в один голос сказали:

– Так вот оно что!

– Нет, ребята, вы неправильно поняли, – рассмеялся Рохан. – Если боитесь, я сам буду нырять за камнями. Никто не обещал, что получится легко. Но вы мне поможете. Если на берегу постоит человек с бластером, мне гораздо...

– Нет, Рохан, – твердо возразил Чокнутый Джо. – Сам знаешь, так нельзя. А поодиночке можно. Ты подумай, Рохан. Вспомни, что там, наверху. – Он остро глянул на Рохана из-под выцветших кустистых бровей. – Тайна, которую ты узнаешь, только если пойдешь один.

– Вы о чем вообще? – осведомился Форсайт.

– Это секрет, – по-детски объяснил Чокнутый Джо. – Рохан в курсе. – Он снова глянул на дрожащие джунгли, и его голос слился с их сонным шелестом: – И за спиной вскипел гнев Божий, и грянул гром, и валит серный снег. – Он с улыбкой посмотрел на Рохана. – И убыстряет паренек пригожий к вершине гибельной свой бег...

– Да вы оба психи, что один, что другой, – сердито бросил Форсайт, а затем отвернулся и задумался.

Похоже, у него зарождалась новая мысль, а Рохан не мог допустить, чтобы она созрела. И решение, естественно, оставалось только одно.

Рохан отступил от остальных троих, положил ладонь на рукоять бластера, угрожающе приподнял его. С такого расстояния можно стрелять, не вынимая оружия из кобуры. Рохану всегда нравился этот трюк.

– Ладно, Форсайт. – Он уже не старался говорить бодро и дружелюбно. – И ты, Мармелад. Идите сюда, оба. Мы поднимемся вместе, но вы пойдете первыми, а ты, Чокнутый Джо...

Он прикинул варианты. Рано или поздно старика придется убить. Как ни крути, из-за него сплошной риск. Он может вывести этих двоих на Земную трассу, а ведь сейчас они подчиняются Рохану только из страха перед джунглями. С таким проводником вмиг перестанут слушаться. И еще Чокнутый Джо слишком многое знает про Гору. Однажды выболтал, выболтает снова, а Рохану конкуренты не нужны. Он коснулся спускового крючка, помедлил и решил, что еще не время.

– А ты, Чокнутый Джо, – продолжил он, – ступай обратно, и чтобы я тебя больше не видел. Отныне играем по моим правилам.

Тяжелое лицо Форсайта сморщилось в задумчивой гримасе. Рохану это не понравилось. Он грозно дернул бластером:

– Форсайт?

Тот покосился на него, приподнял верхнюю губу и язвительно засмеялся.

– Скажи-ка, Чокнутый Джо, – спросил он, глядя Рохану в глаза, – с этой Горы есть еще один спуск?

– Нет, – безмятежно ответил Чокнутый Джо. – Тропинка только с этой стороны. С остальных сплошные обрывы.

Форсайт, не сводя с Рохана прищуренных злобных глаз, осторожно попятился, нашел подходящий камень, присел, снова издал неприятный едкий смешок и злорадно сказал:

– Ну давай, стреляй. Что же ты не стреляешь?

Мармелад тоже все понял и разразился хохотом, похожим на собачий лай.

– Не будет он стрелять, – сказал он, отсмеявшись. – Что-что, а стрелять не будет.

– Почему это не буду? – осведомился Рохан, изо всех сил стараясь не дать волю гневу.

– Потому что мы тебе нужны, вот почему, – объяснил Форсайт. – А ты нам не нужен. Ты бы вообще нас не взял, но одному не под силу такое путешествие по джунглям. Когда спустишься с драгоценностями на горбу, тут-то мы тебе и пригодимся. Вот почему ты втянул нас в эту авантюру. А раз это твоя затея, не наша, давай, шагай первым, сражайся с чертовой рыбиной. Если вернешься с богатством – так уж и быть, мы разделим ношу. Не вернешься – тоже ничего страшного. Чокнутый Джо выведет нас на трассу. Поступай как знаешь, Рыжий. Ты сам напросился.

– Мы-то не убивали никаких д'ваньянов, – подхватил Мармелад, – так что местные нас не тронут. Мы поможем тебе унести бриллианты и рубины, но сами за ними не полезем.

Рохан взглянул на Чокнутого Джо. Старик отчужденно улыбался.

– По одному зараз, Рохан, – негромко напомнил он. – Я же тебе говорил. Иначе нельзя, запрещено. Даже если застрелишь меня, ничего не изменится. Тебе придется идти на Гору в одиночку.

Крутая каменная тропинка огибала наклонный монолит. Вниз невидимым прохладным ручейком струился ветер, а еще ниже в промежутках между ключьями тумана дрожали джунгли. Багровые тучи то и дело озаряла далекая молния. Рохан пробирался вверх, топтал лишайники и оставлял на тропинке бледно-зеленые, розовые и фиолетовые пятна.

Оставшихся внизу уже не было видно, но Рохан знал, что они замышляют, потому что на их месте замышлял бы то же самое. Форсайт с Мармеладом не рискнули лезть на Гору, но, когда Рохан спустится с драгоценностями, они застрелят его. Ну или попробуют застрелить.

Вспомнилось, как Чокнутый Джо провожал его ласковым взглядом безумца, пока запрокинутое лицо не растворилось в тумане. Вспомнилось, как бородастый псих бурчал под нос древний стишок: «О юноша, пришел твой час, повергни дьявола за нас».

Рохан усмехнулся. Самоуверенности ему было не занимать. Внизу перекатывались облачные континенты, словно у его ног лежала вся планета, которую он собирался покорить после того, как покорит Гору. Даже странно, насколько он уверен в существовании богатства и тайны, которая возвысит его над д'ваньянами. Ведь это лишь слова безумца, но он нисколько в них не сомневается. В груди пекло, и не только из-за крутого подъема. Рохана переполняли волнение и благоговейный трепет, он чувствовал, что Чокнутый Джо прав: в этот кульминационный момент жизни необходимо войти в одиночестве, вступить в эту битву, полагаясь только на собственные силы, и либо выиграть, либо проиграть. Но Рохан не проигрывает.

Еще один крутой поворот, и он достиг вершины.

Он замер, прищурился и осмотрелся, не осознавая, что насвистывает сквозь зубы. «Спустишь, светлый фаэтон».

Это был остров в небесах, обнесенный стеной с широкими воротами; таких широченных ворот он в жизни не видел; и за причудливым кружевом металла виднелась вершина Горы, залитая серым сиянием, в котором предметы не отбрасывают теней; и над этим плато шептал ветер. Застывшая бесцветная картина, словно гравюра на стальном листе, если не считать потрясающе синего озерца. Чокнутый Джо не обманул: оно синее, как небо, – в мире, никогда не выдавшем неба. Диаметр футов тридцать, с гладким рукотворным берегом, цвета вечности – вот оно, озерцо, прямо перед ним.

Он стал на краю широкого каменного полукруга. За ним возвышалась стена; возле нее стояла шаткая конструкция вроде тех, что возводят на средиземноморских базарах дома, на Земле: кривые опорные шесты, крыша из веток, с которых капает вода, а под крышей – хаотичное нагромождение мусора, как у галки в гнезде. Под навесом на кипе бахромчатых одеял мирно спал квай.

Ждет, чтобы его сожрали, сказал Чокнутый Джо.

Рохан окинул любопытным взглядом инвентарь, сложенный под «базарным навесом»: все эти мелочи настолько важны для квая, что он решил взять их в последний путь. Окруженный осколками непостижимого венерианского быта, квай лежал на животе, и под нагромождением одеял виднелись розовые подошвы. Руки квай сцепил на гладком тюленьем затылке.

В стену над собой он натыкал булавок и набил гвоздей, на которых развесил разноцветные нити и плетеные ленты. На одной ленте – проволочная клетка, внутри ползает и почирикивает насекомое вроде мотылька. Рядом шар, вырезанный из темно-красного дерева; с него свисает гроздь колокольчиков. Три абсолютно сумбурные картины в рамках неправильной формы. Свисток с длинной кисточкой. На полу горшок с водой и тремя блеклыми цветками, у каждого два лепестка отогнуты книзу аккуратной рукой.

Рохан беззвучно ступил на камни, но через мгновение понял, что в тени поднятой ладони квая раскрылся круглый желтый глаз. Квай, не шевелясь, равнодушно смотрел на гостя.

Содрогнувшись, Рохан направился к воротам.

Снова крутой поворот, и он на вершине.

Стена была высокая и очень толстая, такая толстая, что проем для ворот оказался скорее сводчатым коридором двадцатифутовой длины, а сами ворота походили на паутину, заполнившую этот коридор от края до края, сотканную пауком, умеющим свивать блестящую металлическую нить. Рохану что-то вспомнилось. Замысловатый узор... Да, похоже на нити, вплетен-

ные в тесные одежды д'ваньянов. От ликования сердце забилося чуть быстрее: вот оно, первое подтверждение слов Чокнутого Джо.

Еще один вопрос: как пройти сквозь ворота? Он посмотрел на стену. Не перелезть, слишком высокая. Оглянулся на квая. Тот уже сидел, скрестив ноги. Вцепился руками в лодыжки и безучастно взирал на Рохана. Того слегка смутило выражение квайского лица – на нем читалось высокомерие. В прошлом этот квай обладал существенной властью, причем довольно долго. Линия губ, надменный взгляд... Странное дело. С чего он бросил свое племя и ушел на Гору? Обложился скудными пожитками, сидит и ждет, когда его призовут...

Рохан снова посмотрел на ворота. На сей раз ему показалось, будто в паутине есть углубление, что-то вроде входа в лабиринт. Он выставил перед собой руку, осторожно ощупал твердые металлические завитки, обнаружил пустоту размером с человеческое тело и шагнул в нее.

Остановился и всмотрелся вперед в поисках следующей пустоты. Уверен был, что она существует. Но для того чтобы найти ее, необходимо сосредоточиться на извилах металлической нити. В паутине тихо пел ветер. Через пару секунд Рохан заметил следующий проем, изогнулся влево, протиснулся между вибрирующими сплетениями блестящей проволоки и остановился в новой пустоте, теперь в нескольких шагах от входа в арку.

Это определенно механизм, думал он, созданный утонченным венерианским разумом для цели, которую не понять землянам. Точно, это механизм, и он функционирует как задумано. Чтобы пробраться сквозь паутину, нужна предельная концентрация; зазеваешься, и ворота начинают выталкивать тебя к отправной точке – мягко, пружинисто, едва ощутимо.

Рохан двинулся вперед, постоял несколько долгих минут, изучая слепящую путаницу нитей. Вдруг увидел лабиринт под нужным углом, обнаружил следующий свободный проем и без помех одолел еще три фута металлических зарослей. Оглянулся и не нашел того места, где только что стоял: оно немедленно слилось с лабиринтом. Рохану стало страшно, он начал искать обратный путь, через несколько минут отыскал – и понял, что теперь не видит дороги вперед. Стал искать ее снова и почувствовал, как паутина давит на него, как по лицу ползут блестящие витые нити. Ворота изгоняли его из коридора.

Он сосредоточился на новой проблеме, нашел путь, протолкнулся в следующую пустоту, остановился, всмотрелся в паутину. Медленно, очень медленно Рохан продвигался вперед и наконец оказался на плато за стеной, перед безмятежным озерцом.

«И это все?» – подумал он, оглядывая пустую вершину Горы.

Ответом стал шепот влажного ветра. Да, это все. За стеной ничего нет. Только поросший цветным лишайником камень и само озерцо, словно глаз без век, смотрящий в вечность.

Рохан подошел к нему, остановился на берегу, глянул вниз.

Сердце дрогнуло.

Чокнутый Джо и тут не обманул. Из небесно-голубых глубин Рохану подмигивали звезды – зеленые и красные, янтарные и синие. Целые россыпи драгоценных камней на песчаном дне озера.

Затем в глубине шевельнулась тень – громадное тугое кольцо развернулось, свернулось, снова застыло, – и это была часть другой, более крупной тени. Рохан наклонился, взгляделся в озерцо, но вода помутнела. Ничего не видно...

Венерианская фауна – до сих пор тайна, покрытая мраком. В своих исследованиях земляне придерживаются узких коридоров безопасности, и если в джунглях водится опасное зверье, оно старается не приближаться к городам и трассам. О созданиях, живущих на дне здешних морей, землянам известно не больше, чем о глубочайших секретах океанов родной планеты. Существо в озерце было огромное, ленивое, тускло поблескивающее там, где его кожу озарял свет. Рохан как мог прикинул его размеры и с легкой настороженностью подумал, что тварь двигается медленно – должно быть, сыта, иначе квай не ждал бы по ту сторону ворот.

По-видимому, когда он понадобится, его каким-то образом призовут. Или кваи приходят сюда по собственному расписанию? В любом случае Рохан – отличный пловец. И у него есть нож.

«Для начала, – думал он, расстегивая рубашку, – можно сделать две-три ходки. Потом подогнать сюда корабль с нормальным вооружением, расстрелять эту тварь и забрать остальное. Надо бы поаккуратнее. Может, она даже не проснется».

Тут он подумал про д'ваньянов и снова окинул плато встревоженным взглядом. Вдруг Чокнутый Джо трижды сказал правду, а на четвертый раз солгал? Да, озерцо синее. Да, в нем драгоценные камни и какой-то монстр. Но где же самое главное сокровище, тайна д'ваньянов? В чем эта тайна? Нет, Чокнутый Джо никогда не лжет. Разве что непреднамеренно... Быть может, он нафантазировал ее, эту тайну, когда стоял здесь и пялился в гипнотическое око озерца? Нет, потому что он действительно знал секрет д'ваньянов. Джо говорил с ними как с близкими знакомыми, и его слова имели для них серьезный вес. Ну да ладно. По крайней мере, вот они, драгоценности. А потом можно будет разобраться со всем остальным.

На Рохана нахлынула странная уверенность. Тайна здесь. Доказательств он не видел, но в глубинах разума, за пределами здравого смысла, было понимание, что Чокнутый Джо не обманул его, не ввел в заблуждение, и в свое время он узрит тайну, как узрел ее безумный старик.

Оставив брюки на камнях, он нацепил на талию ремень с ножнами, встал на краю озерца и приготовился нырнуть.

Вода оказалась очень мягкой, нежной, совсем не похожей на настоящую воду. Не закрывая глаз, Рохан уверенно плыл ко дну и наслаждался фактурой окружавшей его бесконечности, любовался тем, как сгущается синева, высматривал цветные вспышки на песке, словно осенние листья, упавшие на дно колодца. Казалось, он плывет по беззвездному синему небу. Ему стало легко и хорошо. Странно даже подумать, что в одной с ним воде находится чудище, формы и природы которого он не знает. В озерце была смерть, но он не боялся смерти, ведь в озерце еще была жизнь, был свет, и он светил тому, кто отважился нырнуть в эти воды.

Драгоценные камни лежали тут и там плотными сияющими холмиками. Рохану показалось, что в центре озерца между ними пролегает широкая тропа, словно... что-то оставило на драгоценностях свой след. Но обитатель этих вод, кем бы он ни был, таился в непроглядной глубине. Возможно, спал. Или уполз в свою нору.

Рохан встряхнул легкий, но крепкий мешок, что взял с собой для камней, и ткань обернулась вокруг предплечья, словно водоросль. Чтобы остановиться, он ухватился за предмет, наполовину утонувший в песке, и обнаружил, что держится за резную фигуру, усеянную скользкими драгоценными камнями. Она оказалась достаточно тяжелой, и Рохан завис на месте.

Сколько же здесь сокровищ, с любовью думал он, перебирая камни свободной рукой. Крупные рубины, будто капли крови; полурастворившиеся нити жемчуга; подобранные по размеру бриллианты в нерушимых золотых оправках; проржавевшие ящички, из которых ручейками высыпались разноцветные камни. Фигурки божков с огромными изумрудными глазами – из материала, похожего на слоновую кость, покрытые длинным зеленым мехом водорослей. Стальные зеркала, покрытые ржавыми родинками тления; давным-давно в эти зеркала смотрелись квайские красавицы, а потом сами истлели и обратились в прах. Стальные кинжалы, от которых остались лишь инкрустированные золотом рукоятки. Столько всего – богатство бьет через край, и конца ему не видно...

Счастливый Рохан принялся разгребать первый слой драгоценностей, надеясь докопаться до новых сокровищ. Быстро отобрал самые крупные и красивые камни, сунул в мешок. Огромные бледноглазые бриллианты, благородные сферы, живые, как сами звезды, россыпи всех цветов радуги, ограненные капли концентрированного блеска. Просто чудо. Рождество, Новый год и Пасха, вместе взятые. Не счесть подарков, протяни руку да собирай.

В легких начало припекать. Он развернулся и, не выпуская из руки тяжелый мешок, поплыл к светло-голубой поверхности глотнуть воздуха. Перед тем как вынырнуть, не сдержался и ликующе захохотал, а потом какое-то время задыхался и отплевывался. Наконец вытряхнул добычу на берег и опять нырнул.

Сокровища сияли ярче прежнего. Рохан зарылся в них, снова и снова перебирая крепкими пальцами силу и славу целой планеты. Вынырнул во второй раз, опустошил туго набитый мешок, погрузился.

Теперь он докопался до ручейка малиновых капель, словно старатель, нашедший золотую жилу в хрустально-серебряной горе. Сунул обе руки в груды богатств и заморгал: глаза застил потревоженный раскопками песок. Потянулся за самыми крупными и яркими камнями – те, как водится, оказались почти рядом. Почти.

Из молочно-тусклых далей пришла долгая песчаная волна, лениво проплыла перед глазами, и Рохан почувствовал, как вода всколыхнулась. На лодыжке сомкнулось бетонное кольцо.

Рохан извернулся. Рубины разлетелись в стороны и, медленно переворачиваясь, пошли ко дну вялой красной моросью. Рохан в приступе смертельной паники пытался вырваться из неослабевающего, тяжелого, холодного каменного захвата, но его увлекало в молочно-мутные воды.

Тут произошло невозможное: сквозь слепящие песчаные облака, взбитые его конвульсивными движениями, проступило солнце. В горячке борьбы Рохану показалось, что огонь зажегся у него в сознании, словно символ животного страха. Но щупальце тянуло его к источнику света, тот как будто увеличивался в размерах, рос, становился ближе и шире и сверкал в точности как солнце – ясное бело-золотое солнце в водах цвета земного неба. Синее небо и солнечный свет: на Венере не видали ни того ни другого. Разве что здесь, в этом озерце.

Легкие горели огнем. Ослепнув от страха, песка и воды, Рохан и думать забыл, что он человек разумный; в тот момент он вырывался из капкана, словно обезумевший зверь.

Судорожно молотил руками, пока не почувствовал, как в ладонь послушно лег болтавшийся на ремешке кинжал. Сознание просветлело, Рохан сомкнул пальцы и из последних сил направил лезвие вниз, в молочную пелену с проблесками солнечного света, туда, где по лодыжке подбиралось к колену тяжелое щупальце.

Почувствовал, как оно содрогнулось, и ударил снова. Вода вспенилась, бетонное кольцо слегка обмякло. Скорчившись вдвое, ослепнув от света и тьмы, Рохан нанес третий удар, и лезвие кинжала погрузилось в невидимую твердую плотность. На этот раз щупальце ослабило хватку и медленно-медленно ускользнуло прочь.

Рохан пулей взмыл к поверхности вспененной воды, мутной из-за песка, но искрящейся отражениями странного солнечного света, пылавшего на дне озерца. Сделав последнее отчаянное движение, он вынырнул, ухватился за каменный обод и беспомощно завис над бурлящей бездной, спрашивая себя, как скоро щупальце снова до него доберется.

В его запястье вцепилась рука. Две руки. Не поднимая глаз, он стал кое-как выбираться на берег, но сумел только благодаря этим спасительным рукам. Наконец встал на краю озерца, закашлялся, оступился и упал, а потом целую вечность лежал на сухих камнях.

Когда вернулось дыхание, а вместе с ним сила воли, он открыл глаза и увидел две белые ноги в сандалиях и разбросанные вокруг них драгоценные камни. Силы понемногу возвращались. Он стал подниматься и наконец сел перед своим сверкающим богатством, сел и заглянул в лицо стоявшему перед ним существу, незаметно сдвинув ладонь к кинжалу, чтобы в любой момент сомкнуть пальцы на рукоятке.

Лицо квая оставалось надменным, но высокомерие предназначалось не Рохану. Квай смотрел мимо него, в глубины озерца, задумчиво прикрыв желтые глаза третьим веком. Рохан машинально проследил за этим туманным взглядом.

Нет, свет в озере ему не померещился. Теперь он стал гораздо ярче, гораздо чище; вода взволновалась, прихлынула к поверхности, опустилась и прихлынула снова, теперь выше, оставив на камнях синие брызги; из глубин озера взметнулся огромный пузырь, вырвался на поверхность и лопнул, и на смену ему пришел свет, сияющий на самом дне, в самом сердце планеты, – холодный, неподвижный и слепящий свет.

– Тебя призвали? – тихо спросил квай.

– Призвали? – непонимающе отозвался Рохан. Тут к нему стала возвращаться былая самоуверенность, и даже перед лицом подводного кошмара он нашел в себе силы рассмеяться. – Призвали? О нет, я сам пришел!

Они оценивающе смотрели друг на друга. Даже сквозь вуаль третьего века Рохан видел в глазах квая холодное высокомерие... эхо собственной заносчивости, но разница в том, что квай пришел сюда смиренным идолопоклонником, чтобы принести себя в жертву. Рохан снова рассмеялся и встал. На плечи давило изнеможение, но дышать было некогда. Пока что некогда.

Что будет дальше? Он понятия не имел. Знал лишь, что справится с чем угодно.

Сброшенная одежда лежала на берегу озера. Мелко подрагивая под легким влажным ветерком, овевающим Гору, Рохан быстро натянул рубашку и одной рукой застегнулся, а другой нашарил брюки. Ткань прилипла к мокрому телу.

Он надевал ремень с бластером, наслаждаясь его приятной тяжестью, когда лопнул следующий громадный пузырь. За ним поднялся еще один. И еще. Рохан поправил кобуру и обернулся. Квай стоял без движения. У его ног сияли россыпи драгоценных камней. Он тоже смотрел в озеро. Вода бурлила. Свет, похожий на солнечный, поднимался все выше, выше...

Из вскипевших синих вод появилась чудовищная голова обитателя глубин, медленно поднялась, и теперь вода катилась у него по плечам, а над головой сияло холодное солнце цвета белого золота, мерцало, вздрагивало, испускало кольца света, и они расходились в стороны, тускнели, затухали, и Рохан уже не видел их, но чувствовал – чувствовал, как они нежно касаются его разума...

Как выглядело это существо? Рохан не сумел бы ответить, хотя видел его собственными глазами. Свет ослепил его. Рохан знал лишь, что перед ним исполинское чудовище; покрытое сияющей чешуей, оно выбиралось на берег, виток за витком, и ему не было конца, и от него медленно расходились сияющие кольца, едва заметные, словно первые проблески рассвета. Мысли Рохана и квая выплеснулись за пределы черепных коробок, слились с ровным белым светом, вплелись в него и устремились к центру, к источнику концентрических кругов и колыбели всеобщего разума – медленно, не спеша; но ясно было, что вот-вот грянет буря.

Рохан сосредоточился, постарался удержать мысли в границах сознания, и свет озадаченно отпрянул, но тут же нахлынул с новой силой и без труда одолел все возведенные Роханом барьеры.

В голове у него молниями пронеслось великое множество мыслей. Первая, последняя и самая главная – о драгоценностях. Как же теперь забрать камни, когда из озера медленно поднимается эта тварь, увенчанная короной из солнечного света? И даже если получится их забрать, как сбежать отсюда? Он был уверен: сейчас световые кольца считай что не движутся, тварь еще не вошла в полную силу, а когда войдет – неизвестно, насколько далеко за пределы Горы разойдется этот свет. Может быть, он выжжет Рохану сознание и парализует разум?

Но тварь не бессмертна. Рохан ранил ее ножом, и тварь его отпустила. Она не укладывается в рамки земной нормальности, но и сверхъестественной ее не назовешь, ведь Рохан ударил ее, и...

Из воды появилась рана – разрез в чешуйчатом боку, – и существо замедлилось, замерло, величественно повернуло залитую сиянием голову, чтобы взглянуть на источник боли. Рохан понял: вот он, его шанс...

Квай ничего не услышал. В застывшем воздухе дважды сверкнул нож: точные и безжалостные удары, чтобы ускорить жертвоприношение, ради которого венерианец явился в обитель своего бога. Рохан знал, куда и с какой силой бить.

Если попасть в правильные места, забвение придет секунды через три. И за эти секунды квай только и успел, что бросить изумленный взгляд через плечо.

Рохан с готовностью подхватил оседающее тело, ловко принял его вес на согнутую руку, тут же распрямился и метнулся вперед.

Идеально рассчитал время. Когда чудовище вновь повернуло к нему увенчанную солнцем голову, Рохан швырнул в нее обмякшее тело квая; на мгновение оно зависло перед гигантской мордой, а потом скользнуло вниз и распласталось на камнях, в лужицах синей воды. Лужицы покраснели.

Рохан не стал смотреть, что бог сделает с поднесенной ему жертвой. Каждая секунда была на вес золота. Быстро, аккуратно, механическими движениями Рохан загребал драгоценные камни и рассовывал их по карманам. Раньше он надеялся, что спустится отсюда с рюкзаком сокровищ, но теперь твердо говорил себе: еще две горсти, еще одна... все, больше ни одной.

Он решительно сунул последние камни в карманы и пополз назад, не вставая с колен, не обращая внимания на синяки и царапины, стараясь не смотреть на квая и чудовище.

Но, оказавшись у ворот, тяжело дыша, он все же оглянулся. Бросил назад единственный любопытный взгляд, прежде чем нырнуть в замысловатую паутину, отделявшую его от свободы. Вот почему квай должен был умереть. Не только из-за сокровищ. Даже если у Рохана было бы время наполнить рюкзак, квай умер бы, чтобы у землянина появилась возможность преодолеть паутину ворот.

Оглянувшись, он увидел, что монстр замер: половина туловища в воде, половина на берегу. Склонив голову, от которой ленивыми кругами расходился свет, он неспешно осматривал распростертого перед ним квая. И тут Рохан заметил одну ошеломляющую подробность. Она не укладывалась в голове. Все это время Рохан предполагал, что жертвоприношения кваев завершаются старым добрым способом: бог пожирает жертву.

Но теперь увидел, что у бога нет пасти.

Нити ворот мерцали, словно расшитая причудливыми узорами броня д'ваньянов. Снаружи, под крытым ветвями навесом, где квай спал последний раз в жизни, с приторной заунывностью чирикал заключенный в клетку мотылек. Других звуков на Горе не было. Разве что монотонные вздохи ветра да побрякивание драгоценных камней в карманах Рохана.

Он быстро шагнул вниз по крутой тропинке. Неизвестно, когда вновь запульсируют световые кольца, достигнут его, ласково коснутся потаенных глубин сознания... коснутся и велют идти обратно.

Подмывало вернуться, ведь он сделал лишь половину того, что собирался сделать. Или Чокнутый Джо все же солгал? Рохан рассчитывал, что будет спускаться с горы с двойной ношей – драгоценными камнями и новым знанием, – но где-то что-то пошло не так, и теперь мудрость соблазнительно стучалась к нему в душу и просила ее впустить.

Витые нити ворот, витые нити грозного одеяния д'ваньянов. Ворота, одеяния... Что-то вроде непостижимого для земного разума механизма. Одеянием управляют волны, которые испускает нечеловеческий мозг д'ваньяна, а ворота активизирует Роханово желание войти. Или желание монстра выйти.

Дважды на Венере Рохан видел солнце – в сиянии монстра и раньше, когда застрелил д'ваньяна. Несомненно, между Горой и д'ваньянами существует прочная связь. Но какова ее природа? Где-то Рохан не увидел того, что должен был увидеть. Что-то недосмотрел...

Но сейчас не время об этом думать. Драгоценности у него. Позже вернется во всеоружии и заберет из озерца все, что пожелает. Если там хранится секрет д'ваньянов, который делает

их уязвимыми, – а этот секрет существует, и он остался там, в озере, – Рохан завладеет и им, в любое удобное время. Теперь, с богатством в карманах, он сумеет что угодно.

Осталось лишь одно препятствие. Рохан задумчиво коснулся оружия и бросил взгляд вниз, на тропинку. Там его ждут Форсайт с Мармеладом – нет, не его, а его ношу. Для них Рохан – лишь средство транспортировки сокровищ.

Где-то внизу эти двое встретят его и потребуют свою долю. Рохан ухмылялся, думая, кого застрелит первым. То, что стрельбу начнет именно он, было самоочевидно. А если убрать Мармелада – или Форсайта, – баланс изменится и возвращение выжившего к цивилизации будет целиком и полностью зависеть от Рохана. Путь по джунглям неблизкий. Одному не пройти. Для безопасного перехода нужны по меньшей мере двое.

«Форсайт, – решил Рохан. – Если будет выбор, убью Форсайта».

По некой загадочной причине он совсем не принимал в расчет Чокнутого Джо.

Он спускался, и навстречу лениво плыл белый туман. Рохан смотрел на неизмеримые просторы тающих в дымке джунглей, и однажды ему показалось, что он видит вдали пятнышко света. Оно появилось и сразу исчезло. Туманное Утро, Фимиам, Лебединый Порт, цивилизация... Очень далеко.

Наконец туман сомкнулся вокруг Рохана, и он, полуослепший, шагал, окутанный белым облаком. На каждом повороте камни походили на ожидающие фигуры. Через какое-то время он вытащил из кобуры и снял с предохранителя бластер, понимая, что приближается к месту, где наверняка ждет засада. Теперь шел очень осторожно, изучая каждую расселину, до предела напрягая все чувства, и нисколько не удивился, когда услышал чуть впереди щелчок от соприкосновения металла с камнем, и сразу понял, что пора.

Шорох подошв по камням. Громкий предупредительный шепот. Рохан улыбнулся. «Форсайта», – подумал он, понимая, что это бравада, что он просто выстрелит в первую движущуюся тень и будет надеяться на лучшее. Он замер, вжавшись в скалу, вглядываясь в пустой серый мир, где у подножия горы его поджидала смерть.

Позади, чуть выше, в тумане отчетливо слышались шаги.

Рохан повернул голову и еще сильнее вжался в камень. Шаги? Это невозможно.

Наверное, акустика тяжелого бледного тумана играет с ним злые шутки. Наверное, эти шаги ему только кажутся. Потому что сзади не может доноситься никаких шагов. Навстречу ему никто не поднимался. Другого пути на вершину нет. И он не оставил на Горе ни единой живой души – разве что мотылька в клетке да чудище в озере.

Но шаги по камням звучали все ближе и отчетливее, и это было не эхо, не обман чувств. Кто-то следовал за ним по крутой тропинке. Кто-то уверенно шагал вниз. Не босой, обутой. Громко ступал по камням и тише – по лишайникам.

Туман вокруг Рохана вдруг похолодел.

Квай убит. Рохан уверен был, что квай умер, окончательно и бесповоротно. Но на Горе не было никого, кроме квая. На мгновение Рохан совсем запутался. Ему показалось, что человек, уверенно спускающийся по тропинке, – он сам, а дрожит и вжимается в скалу не он, а безымянный незнакомец.

Рохан заставил себя высунуться, вгляделся в почти невидимую тропинку, проклиная туман и одновременно вознося ему хвалу, ведь он не был уверен, что на самом деле желает видеть лицо преследователя. Как уверенно ступает тот по камням, как быстро приближается...

Туман сгустился еще сильнее.

Теперь люди внизу тоже слышали шаги. Звякнул металл: кто-то торопливо и неуклюже вскинул бластер. Сердито зашипел чей-то голос. Под ногой скрипнул гравий. Засада ждет.

Но кого? Или чего?

Рохан схватился за набитый карман, а другой рукой нерешительно поднял оружие. В душе зарождалась паника, с которой он не мог совладать. Очень уж быстро приближался преследователь.

В последнюю секунду инстинкт подсказал уйти с тропинки, и Рохан отскочил к высокой скале, ограждавшей каменистый спуск.

Окутанный туманом, мимо прошествовал д'ваньян. Его черные одежды испускали слабое свечение. Пустой, отстраненный, бесстрастный взгляд равнодушно скользнул по Рохану. Эти глаза, в которых не было ни намека на собственное «я», издали оценили его и списали со счетов.

Но Рохан узнал это лицо.

Раньше на нем, как и на лице Рохана, читались гордость и высокомерие. Раньше – это когда Рохан видел его в последний раз. Но теперь квай был мертв. Рохан это знал. Квай не мог выжить после тех ударов ножом на берегу озера, когда монстр получил свою жертву, обнюхал ее... Монстр, у которого не было пасти...

Теперь же с Горы величественно спускался д'ваньян, и на его лице лежала печать бесстрастного и бескорыстного спокойствия – такая же, как у остальных д'ваньянов.

Но откуда она взялась, эта печать?

Дрожащий Рохан обмяк у скалы. Ему было плохо, на него накатывали ледяные волны отвращения. Он наконец-то узнал тайну. Вот откуда берутся д'ваньяны. Вот чем кормится монстр. Глядя на это призрачное, стертное лицо, Рохан понимал, почему несущие смерть – существа вне пределов жизни и смерти.

Но двое в засаде этого не знали. Рохан дрожал, затаив дыхание, и был бессилен вмешаться в то, что вот-вот произойдет, хотя всем своим существом, каждой извилиной мозга понимал, что будет. Он уже это проходил.

Д'ваньян прошагал мимо и растворился в тумане. Внизу кто-то вздохнул. Это был вздох человека, прижимающего к плечу приклад бластера и кладущего палец на спусковой крючок.

Палец завершил движение, и по туману эхом прокатился гром, когда Мармелад выстрелил в еле заметный силуэт, выстрелил в существо, которое, на свою беду, принял за Рохана.

Туман расступился и запылал, словно раскаленное солнце, ослепляя глаза и разум.

Когда к Рохану вернулось зрение, на тропинке никого не было. Футах в десяти от него валялся бластер Мармелада. Солнечно-жаркая вспышка разрушительной энергии выжгла туман на добрых полмили. И еще она выжгла время, но сколько времени – Рохан не знал.

Ответом на этот вопрос послужило движение далеко внизу, в самом начале тропинки. Десять минут? Пятнадцать? Полчаса? Достаточно, чтобы удирающие Форсайт и Мармелад почти добрались до блеклой кромки говорливых джунглей у подножия Горы. Они мчались вперед, не преследуемые никем и ничем, кроме собственного слепого ужаса. Издали казалось, что это не люди, а марионетки, которых дергает за ниточки невидимый кукловод.

А еще один пигмей – новоиспеченный безоружный д'ваньян – уходил в джунгли, не преследуя беглецов, мерно шагал по своим нечеловеческим делам, отвечая на зов, недоступный людскому слуху. Как знать, что за сигнал призывает д'ваньяна?

– Ты уже знаешь это, Рыжий, – сказали совсем рядом.

Рохан вздернулся от неожиданности. Проклятье, как же он мог проглядеть Чокнутого Джо?!

Шестью шагами ниже по тропинке стояла, прислонившись к скале, знакомая фигура – руки сложены на груди, взгляд прикован к Рохану, в кустистой бороде улыбка.

– Ты думал вслух, Рыжий, – объяснил Чокнутый Джо.

Рохан безвольно усмехнулся. Голова гудела. Он мыслил и действовал нечетко, словно во сне. Шевельнулся, и в переполненных карманах брякнули камни. Воспоминание о них в какой-то мере вернуло Рохану ясность рассудка, а вместе с ней и привычное коварство.

Камни в озере принадлежат ему. Ради них он порядком настрадался. Он спустится с Горы, нагонит Мармелада с Форсайтом, одного прикончит, со вторым пойдет отсиживаться в безопасное место, где у него будет время на раздумья. Но сперва надо сделать кое-что еще. Чокнутый Джо разболтал ему про Гору и сокровище, а теперь это богатство Рохана, и только Рохана. Форсайт и Мармелад знают о камнях. В итоге придется заткнуть им рот. И Чокнутому Джо тоже нужно заткнуть рот. Прямо сейчас.

Рохан потянулся за бластером, но кобура оказалась пуста. Он в панике глянул вниз. Далеко на склоне в тусклом свете поблескивала сталь. Должно быть, он выронил бластер, когда его ошеломила вспышка солнечного света.

Он вздохнул, встретился взглядом с Чокнутым Джо, подумал про нож. Да, годится. Чокнутый Джо ходит без оружия. Да, нож вполне годится.

Решать вопрос на словах не было смысла. Чокнутый Джо улыбался Рохану, и тот машинально улыбнулся в ответ. Плавным движением выхватил нож, шагнул вперед, все с той же бессмысленной улыбкой, но уже приметив место для удара: над самой ключицей, там, где жизнь пульсирует у самой кожи и одного быстрого укола достаточно, чтобы погасить ее. Несколько секунд, и все.

Будто во сне, он ударил ножом, куда целился.

Как странно, думал он, словно глядя на происходящее со стороны, что Чокнутый Джо не шевельнулся, чтобы защитить себя. До чего же бесит эта спокойная улыбка.

Кончик ножа скользнул по телу Чокнутого Джо, и там, где он рассек рубашку, полыхнула зубренная молния. Нож не впился в плоть, но именно скользнул, оставляя холодный огненный след...

Рохан тупо смотрел на прореху. И на то, что за ней оказалось. На тесные черные одежды, расшитые блестящими металлическими завитками.

– Это не я придумал, Рыжий, – спокойно сказал Чокнутый Джо откуда-то издали. – На Венере, если человека призвали, он откликается.

– Меня... призвали? – прошептал Рохан и едва услышал ответ – настолько сильно звенело в ушах.

– Я же рассказал тебе про Гору, помнишь? Это был призыв, Рыжий. На него откликаются только сильные. Только те, кто может быть полезен. Посмотри вверх, Рыжий.

Рохан посмотрел вверх. С вершины медленно опускалось кольцо света, похожего на солнечный, бело-золотое, дрожащее в тусклом воздухе. Кольцо сверкнуло у его лица и померкло, и тут же появилось еще одно – ярче, шире, – и новое кольцо коснулось сознания.

Чокнутый Джо с мирной сочувственной улыбкой кивнул на ведущую вверх тропинку:

– Ступай, Рыжий. Закончи начатое. На Венере полно работы. Уж я-то знаю. Я тоже ее делаю, эту работу. Тебя призвали. Ступай же.

Третье кольцо света проплыло мимо Роханова лица, и мозг перевернулся в черепной коробке. Четвертое кольцо коснулось...

Рохан вскинул руки и крепко обхватил голову, но под защитной хваткой, под броней своего черепа он почувствовал движение. Нет, не движение. Свет. Сверкающий и чистый, бело-золотой, словно солнечный, а с ним – короткие настойчивые микроволны, такие же, как те, что излучаются звездами и Солнцем, и они пробиваются даже сквозь облака, даже в мир, не выдавший солнечного света.

На мгновение Рохан отчетливо представил, как в ясных голубых небесах сияет теплое Солнце. В недрах памяти шевельнулась ностальгия по миру под названием Земля, по далекому миру, который почти растворился в пространстве воспоминаний. Мир, где давным-давно жил человек по имени Рохан.

Человек по имени... Как же его звали?

В поисках ориентиров в померкнувшем мире он топнул разок по тропинке и почувствовал под ногой твердый камень. Взглянул на лицо напротив и понял, что знает его, ведь оно всегда казалось странно знакомым, замаскированное бородой и кое-чем еще, кое-чем понадежнее бороды – выражением бесстрастной умиротворенности. Такая умиротворенность наступает, когда на смену сильному эго приходит... нечто другое. Например, свет, сияющее золото, белое пламя, плававшее в мозгу у Рохана. Теперь он понял, чья стертая личность скрывается за этим бородатым лицом.

– Брильщик Джонс, – сказал он. – Ты был Брильщик Джонс.

Чокнутый Джо улыбнулся и кивнул.

– А я... я... – с болью выдавил Рохан, крепче стиснув голову, но не договорил.

Он никто. У него нет имени.

– Ступай обратно, – донесся из бесконечных далей голос Чокнутого Джо. – Здесь для тебя ничего не осталось. Вообще ничего.

Кольцо яркого, ясного света спустилось к нему, разрослось, расширилось, и имя Рохан померкло, слово «Земля» растворилось. Он послушно повернулся к ведущей на Гору тропинке, и в карманах шевельнулись драгоценные камни. Последней потускнела мысль о власти, величии и смысле богатства.

В опустевшем сознании он отстраненно искал слово, безвозвратно сгоревшее в пламени, что заполнило его мозг. Нет, не безвозвратно: через пару секунд вроде бы нащупал. Д... Точно, начинается с буквы «д».

Д'ваньян.

Он долго стоял, прислонившись к скале, и совершенно ничего не делал. Разок оскалился в гримасе неповиновения. Но потом неуверенно сделал шаг, другой – на пути, которому он следовал всю жизнь: выше, к вершине Горы.

Он шествовал вверх, и драгоценные камни выпадали из карманов один за другим, словно отмечая те места, где он оступался, возвращаясь на Гору, к ожидавшему его богу в озере.

Спасайся кто может!

Джонни прикидывал, когда же корабль доберется до места. Он не знал – и никто не знал, – что это за место, но с нетерпением ждал дня посадки, настоящего дня, а не отрезка из бесконечной череды искусственных дней и ночей в крошечном космосе.

Хотя жизнь на корабле была вполне комфортной, и не без причины: в час приземления, когда придет время заняться работой, Джонни обязан выложиться на все сто. Он хотел встретить этот миг в идеальной форме, а посему научился расслаблять сознание.

Утонув в кресле, он смотрел в экраны визирпортов, где крутились трехмерные изображения несуществующего мира с его голубым небом, белыми облаками, верхушками зданий, вездесущими птицами... Наконец он закрыл глаза. Может, и не стоило играть в эти прятки в космической темноте. Ему не хотелось вспоминать Землю. Земли больше не было. Ослепительная белая вспышка, далекое марево среди звезд, и все. Никакой Земли.

Существовал только Джонни, корабль, робот, который заботился о Джонни и корабле, и ностальгические картинки на экранах визирпортов. Все остальное исчезло. Сгнуло. Джонни нечасто позволял себе нырнуть в тяжелые воспоминания о прошлом – о том, как он встретил начало конца.

Джонни Дайсон с улыбкой откинулся на переборку.

– А дальше? – спросил он у клюнувшей рыбки по имени Бенджи Уайт.

Уайт осторожно поднял голову, чтобы не повредить массивный шлем с переплетением проводов, напоминавших прическу горгоны Медузы, взглянул на тусклое, деформированное отражение своего лица в стальном потолке и глубокомысленно кивнул:

– А что дальше? С ней-то я и узнал, что такое женщина. В жизни не видал такой ядерной бабы, что до нее, что после. Моська – так я ее звал – не боялась ничего, кроме...

За стальными стенами раскинулись холмы красного Марса, за стальным потолком, в темно-синем небе, освещенном низкими лунами, завис Орион, а где-то между Марсом и Орионом вращалась бомба под названием Земля, и стрелки ее часового механизма подбирались к отметке «Взрыв».

– Для меня она была Моська, – продолжил Уайт, – а для остальных... Не скажу. Все равно не поверишь. В общем, она сперла мои бабки, подала на развод и рванула на самый верх. Теперь ей принадлежит половина...

Джонни Дайсон задумался о завтрашнем взлете. В полдень они отправятся обратно на Землю, назад в преддверие Армагеддона. «Не я построил этот мир, – лихорадочно думал он, – я в нем блуждаю чужд и сир»...¹⁵

Чужд, сир, испуган... У него было полное право на страх. Он знал, что произойдет. И еще он знал, что корабль должен остаться на Марсе, а для этого необходимо украсть ядерное топливо.

Как и любой идеальный план, замысел Дайсона был предельно прост. Сработает он или нет? К несчастью, это зависело от недалекого Уайта. Рыбка клюнула, это без вопросов, но еще не проглотила наживку до поводка. Уайт отвечал за передатчик, управлявший роботом, а тот был ключом к запасам топлива, необходимым для долгого прыжка между Марсом, где можно построить райскую жизнь, и Землей, где жизнь была обречена – рано или поздно, так или иначе.

– Ну да ладно, – говорил Уайт, – самое смешное, что на Земле выписан ордер на мой арест, а заказавшая его компания принадлежит Моське со всеми потрохами, хотя сама она

---

¹⁵ Хаусмен А. Э. Законы Бога и людей. Перевод Ю. Таубина.

знать не знает про этот ордер. – Он язвительно усмехнулся. – Думаешь, стоит надавить на нее и ордера как не бывало? Нет, сэр. Эта женщина не боится ничего, кроме грома. Приди я к ней прямо сейчас – хотя идти далековато – и скажи: «А помнишь, Моська, как при первых раскатах грома ты чуть в карман ко мне не забиралась? Давай-ка, по старой дружбе...»

Он снова усмехнулся, покачал головой (скрипнули провода, похожие на прическу Медузы) и восхищенно продолжил:

– Ну и женщина. Вот это женщина. Своими руками заковала бы меня в кандалы. Не женщина, а чугунная чушка. Красавицей никогда не была, а теперь и вовсе похожа на бегемотиху. По-моему, взбреди ей в голову завоевать весь мир, Моська его завоюет. Ну да ладно. Короче, она поднялась, а я нет.

– В чем тебя обвиняют? – спросил Дайсон, хотя ему было все равно.

– В краже. Так уж вышло, что я маленько просчитался. – Очередная усмешка. – Хреново, скажи? Жил я так, что выгляжу старше своих лет, но мне еще и полтинника не стукнуло, и я всегда считал, что лучшие годы еще впереди. Не хотелось бы провести их в тюрьге. Знаешь что, Джонни, нравится мне твоя мысль. Неплохо бы остаться на Марсе и не возвращаться туда, где тебе скажут: «гражданин, пройдемте». Я много чего хотел сделать, вот только не дали мне такого шанса на Земле. Много чего...

Вот он, нужный момент. Стараясь держать себя в руках, Дайсон с нарочитым равнодушием сказал:

– Мы сейчас в раю, Бенджи. Энергии в батареях хоть залейся, безопасной ядерной энергии, и еще у нас есть робот. Правильно говорят, что рай находится на небесах, Бенджи, ведь Марс – это настоящий рай.

– Хм... Сейчас Марс не на небесах, а у нас под ногами. Хотя чем ярче мне светит обвинение в краже, тем больше смысла в твоём предложении. Рай, говоришь? Молочные реки с кисельными берегами? Только курий не хватает. – Должно быть, Уайт имел в виду гурий.

– Ну... Не бывает так, чтобы все и сразу.

– Пожалуй, ты прав. Но по твоим словам, стоит чего-то пожелать, и я это получу. К примеру, понадобится мне женщина... – Он хмыкнул. – Если так подумать, я мог бы заполучить Моську. Да, сэр. Может, чуть позже перепрограммируем робота на квазибиологию. Припомню что-то насчет суррогатной плазмы... Если заранее раздобыть нужные гены, я, может, сделал бы миниатюрную дамочку, приятную во всех отношениях, и ускорил бы ее рост. Интересно, как скоро ей исполнится двадцать биологических лет? А что, Джонни, это мысль!

– Конечно. Почему бы и нет? Падает звезда – загадывай желание. Главное – оказаться на правильной звезде. Или планете. А мы уже на ней. Можем делать что угодно, и никто не помешает.

– Кроме Мартина, – напомнил Уайт.

– Двое против одного... Знаешь что, Бенджи?

– Что?

– Можем повернуть все прямо сейчас.

Уайт вскинул брови:

– Что случилось? Неужели... – Он переменялся в лице, задрал голову и уставился в тусклое отражение на потолке, за которым было ночное небо и сине-зеленое пятнышко под названием Земля.

– Нет-нет, – тут же сказал Дайсон. – Она еще не взорвалась. По крайней мере, пока.

– Может, никогда не взорвется, – пожал плечами Уайт и потянулся к лежавшим на столе сигаретам. – Может, все это домыслы.

– Взорвется, – тихо сказал Дайсон. – И без разницы, доставим мы наш груз или нет. Вообще без разницы. Еще с сороковых физики работают над безопасностью ядерной энергии,

и если проблему не решают даже искусственные радиоактивные элементы, какой толк от марсианской руды? А мы ухлопали полгода на добычу этого хлама.

– Это как сказать. – Уайт выпустил клуб сигаретного дыма. – У нас нет оборудования для очистки и анализа. Наше дело – искать месторождения, добывать руду и грузить ее на корабль, а дальше пусть разбираются парни с ученой степенью по физике.

– Земля взорвется, – покачал головой Дайсон. – Это ясно еще со времен Аламогордо¹⁶. Какой смысл возвращаться? На Земле тебя не ждет ничего, кроме тюремной камеры. А меня... ну, не знаю... Тяжелая работа, прежние тревоги – все то же, что всегда, и ради чего? Ради неминуемой смерти? И зачем надрыватьсь?

Сидевший на краешке койки Уайт сторбился, положив локти на колени. Он не ответил. Сигарета у него в губах безвольно поникла.

– Можем повернуть все прямо сейчас, Бенджи, – горячо настаивал Дайсон. – Мартин переносит бортжурнал на микропенку. Он будет занят еще пару часов. У нас полно времени, чтобы спрятать топливо.

Рассеянный Уайт хотел поскрести в затылке, но пальцы его заблудились в лабиринте изолированных проводов.

– К чему такая спешка? – спросил он. – Надо все обдумать. Не собираюсь я перетаскивать топливо. Даже будь у меня свинцовая шкура, все равно сказал бы: «Нет, спасибо».

– Никто не просит тебя возиться с топливом. Просто дай мне передатчик.

Уайт бросил на него косой взгляд. Глаза его подозрительно блеснули.

– Погоди-ка... Робот должен оставаться в рабочем состоянии, а для этого нужен человеческий мозг. Если я сниму шлем...

– Я тут же его надену.

– Да, но... у меня могут быть неприятности, если...

– Говорю же, Мартин занят.

– В смысле, неприятности с роботом. Вдруг этот живчик сломается? Без него мы не сможем вернуться домой.

– Нам и не надо возвращаться. Бенджи, пойми, мы останемся на Марсе. Ну как, дошло?

– Угу. – Уайт поморщился и нерешительно кивнул.

– Вот и хорошо. То есть корабль будет обездвижен. Это тоже дошло?

– А то, – ответил Уайт, рассматривая новый клуб дыма.

– Поэтому за работа не волнуйся. Он всего лишь спрячет топливо там, где его не найдет Мартин. Понял?

Уайт затаился сигаретой и фыркнул:

– Ясное дело, я ж не тупой. Хоть меня и назначили заштатным технарем для этой командировки, с башкой у меня пока что полный порядок, уж поверь. Вот только насчет работа есть приказы. Если Мартин застанет тебя с шлемом на голове, мало не покажется.

– Я знаю, как обращаться с передатчиком. Доводилось им пользоваться...

– ...Пока шеф не узнал, что ты спихиваешь свои дела на работа, – подхватил Уайт с видом человека, взявшего вражескую пешку.

Это случилось месяцем раньше, когда Дайсон, надев передатчик, отправил работа в глубокую расселину, чтобы взять образцы из толщи пород. Мартин рвал и метал. Хотя робот значительно сильнее и выносливее любого человека, он гораздо тяжелее, а посему более хрупкий, даже с поправкой на марсианскую силу тяжести. По всей очевидности, Мартин считал Джонни Дайсона расходным материалом, а работа – нет. Роботом он дорожил. И был совершенно прав, поскольку от сообразительности, расторопности и точности работа зависело пилотирование корабля, а значит, и жизнь команды. Дайсон, однако, не разделял его точку зрения.

¹⁶ Полигон, на котором было проведено первое в истории испытание ядерного оружия.

– Больше я не наступлю на эти грабли, – с ухмылкой сказал он. – На этот раз Мартин меня не поймает. Давай сюда передатчик. Я знаю, что делаю.

– Ну, – задумался Уайт, – если мы хотим спрятать топливо, правильнее будет послать робота. Это само собой. Если подведет защелка или треснет кожух, не хотелось бы, чтобы на месте робота оказался я. Не хотелось бы заработать ожог костных тканей. Но что потом?

– Ты насчет Мартина? Поверь, он примет все как есть. У него не будет выбора, ведь без топлива нам не взлететь. Он поймет, что Марс – прекрасная планета. Не только для посещения, но и для жизни.

– Интересно, поймет ли, – пробурчал Уайт.

Дайсон прищурился и набрал полную грудь воздуха. Слишком многое зависит от этого болвана, этого идиота... Выдержав приличную паузу, он сказал:

– Я-то думал, мы друг друга поняли.

– Не гоношись. Я же не отказался, верно? И не забыл, что меня обвиняют в краже. Но... – Уайт снова поморщился, делая какие-то выводы, и нерешительно коснулся контрольной кнопки на лбу.

– Ну давай, – подзуживал Дайсон. – Снимай. Теперь можешь расслабиться. Ты свободен. Делай что хочешь, только шлем отдай.

Обеими руками Уайт взялся за стальную корону, приподнял ее, глянул на Дайсона глазами жертвенного барана и вдруг сдернул шлем с головы. Белая полоса, оставленная на лбу тесным оголовьем, вмиг порозовела. Уайт протянул шлем Дайсону, встревоженно нахмурился и сказал, хотя в том не было нужды:

– Теперь осторожно. Осторожненько. Не задень вот этот шнур. А как наденешь, сбрось мощность на минимум, а потом добавляй потихоньку. Потихоньку, Джонни, понял?

Дайсон не обращал на него внимания. То был миг его триумфа, и Бенджи Уайт перестал существовать. От контакта со шлемом по всей голове медленно разливалось тепло, и едва заметная вибрация воспринималась как отзвук далекой музыки. Музыка сфер, подумал Дайсон. С этой штуковиной на голове он мог управлять целой планетой – при условии, что Мартин даст ему еще пять минут свободы.

– Надо вывести робота наружу, – сказал он. – Есть у тебя мобильный пульт управления?

– Естественно. – Уайт повозился с настенной панелью, достал квадратную коробочку и аккуратно водрузил ее на подставку с гибкими телескопическими ножками.

– Двух миль провода должно хватить, – подсчитал Дайсон. – Я уже присмотрел место для тайника.

– Двух миль? Так-так... Две мили... Готово. Джонни, ты уверен, что за нами не пришлют спасателей?

– Абсолютно. На оборону выписывают миллионные бюджеты, но попробуй выбить пару баксов на экспедицию вроде нашей, когда работы уже завершены. Спасатели? Ха! Для спасательного корабля нужно дорогостоящее снаряжение и человеко-часы. Ни тем ни другим не разбрасываются, Бенджи. Спроси у Комитета по распределению энергии. Просто чудо, что наш корабль не передали военным.

Дайсон говорил не задумываясь. Он ждал, пока мозг сгенерирует достаточно энергии, и слушал, как музыка в голове становится громче.

– Может, и так, – не без сомнения согласился Уайт. – Но что, если шеф отправит сигнал бедствия? С него станется. К примеру, выложит в пустыне огромные буквы «SOS».

Дайсон обмозговал такую вероятность, чувствуя, как мысли вплетаются в прекрасную вибрацию далекой музыки. Да, Мартин – это проблема, но любую проблему можно решить. Главное – подойти к ней с правильной стороны.

– Мартин смирится, – сказал он. – Не забывай, нас двое, а он один. Как только узнает о нашем плане и поймет, что на Землю уже не вернуться... Никуда он не денется. Какой дурак откажется от Эдема?

– Ну да, у нас тут будет рай для лодырей, – кивнул Уайт. – То что надо. А по камушкам заструятся вискарные ручейки. Но все равно хотелось бы доставить груз домой.

– Зачем? Пустое дело.

– Не факт. Может, и не пустое. Я к тому, что неплохо бы дать кораблю под зад и запульнуть его в сторону Земли.

– Ну и как он вернется без робота? Рулить-то некому будет, – терпеливо объяснил Дайсон, расслабив взгляд и сосредоточившись на растущей энергии шлема. Коснулся его осторожным пальцем, склонился к зеркальной панели в стене, разглядел отражение циферблата, встроенного в переднюю часть шлема, и пробормотал: – Еще чуть-чуть... Не забывай, Бенджи, нам понадобится этот робот. Если только ты не намерен пахать как вол.

– Я всю жизнь пашу как вол, – откликнулся Уайт, – да и кормят одним сеном. Нет, Джонни, я тебе верю, но как подумаю о Моське...

– Тюрьма – самое подходящее место для таких размышлений.

– Ну наверное. Знаешь что? Может, мы найдем способ отправить груз домой. Если построим еще одного робота – дело небыстрое, но если справимся, то посадим первого на корабль и пошлем на Землю.

– Почему бы и нет? – с готовностью согласился Дайсон. – Позже разберемся. Времени будет предостаточно.

– Вот-вот. Надо же чем-то заниматься, когда на Марсе будут яблони цвести. Просто... – Он глупо улыбнулся. – Ну, не знаю. Наверное, не хочу сдаваться без боя.

– А кто сдается? – обиделся Дайсон. – Какой смысл в борьбе, если нет шансов на победу? Будь такой шанс, я бы сдался последним, Бенджи. Бился бы до самого конца. Но Землю уже не спасти, и... короче, заткнись. Хватит об этом думать.

Но он видел, он чувствовал, как громадная планета содрогается под ногами, как она прогибается над пустотой, как вздымается к небу чудовищный гриб ядерного взрыва. Кто в этом повинен? Человек? Да, человек по собственной воле взял в руки этот смертоносный клинок, но кто дал ему это оружие? Бог? Ядерная энергия – плод от дерева познания, и отведать его – значит умереть. Стало быть, в том вина Бога, а не Адама.

– Ладно, начинаем, – приказал Дайсон. – Времени в обрез. Где робот?

– На складе. Джонни, ты не думал, как к нашим делам отнесутся в суде?

– Примерно так же, как к твоей краже, – ответил Дайсон, вывел пульт управления за дверь и тихонько повел его по коридору, слыша, как за спиной топчется и бормочет предупреждения встревоженный Уайт.

К счастью, проходить мимо двери Мартина не пришлось. Дайсон добавил скорости, и подставка с коробочкой споро заковыляла вперед, точно пес на поводке – что-то вроде пухлого скотчтерьера с лапами грейхаунда. Дайсон зажал кнопку на конце поводка, и скотчтерьер перешел на бег.

Период полураспада его батареи из радиоактивного натрия – три года, после чего ее можно перезарядить, но лишь с помощью ядерного реактора, способного произвести нужный изотоп. На Марсе, однако, нет ядерных реакторов. Нет и не будет. На корабле уйма запасных батарей, но даже совокупной их мощности не хватит, чтобы стартовый модуль одолел марсианскую гравитацию. Нет, Марс прижал корабль к своей груди так крепко, что не вырваться, словно заботливый отец, оберегающий чадо от глупых поступков – например, рывка к планете, которую ждет неминуемая гибель. Уже скоро Марс надежно укроет топливо, и чадо навеки останется в отцовских объятиях.

Хотя батареи пригодятся, чтобы обеспечить экипажу привычный комфорт. Этот мир, твердил себе Дайсон, непременно превратится в Эдем, идеальный рай со всеми удобствами.

Он отпустил кнопку, чтобы пульт остановился, развернул его и открыл дверь. Вот он, робот, дремлет на складе, будто в колыбели, чуть покачиваясь на упругих стропях, компенсирующих перепады равновесия в блестящем сером корпусе. Гигант, несколько не похожий на человека, сегментированный, будто муравей, грудная клетка и живот связаны между собой универсальным сочленением, и множество специализированных конечностей. Вот он какой, робот. В живот встроены глаза-лампочки, чтобы видеть под водой, а над грудной клеткой вздымается турель с еще одной мозаикой глаз, некоторых для тьмы, а других для света.

Эти глаза, по-львиному желтые, взирали на Дайсона.

Управляя мобильным пультом, он быстро вошел на склад и вжался в стену, пытаясь спрятаться от немигающего взгляда. Разумеется, это невозможно: всегда найдутся фасетки, чьи зрительные оси пересекаются с твоим положением в достаточной мере, чтобы ты видел темный пигмент вокруг датчиков визуального сенсора. На такой фокус способен любой паук, но Дайсон не на шутку разнервничался, чувствуя на себе пристальный взгляд фальшивых глаз.

Он потянулся к колесу на пульте управления. Оставшийся у двери Уайт взволнованно шикнул: «Осторожнее!» – и Дайсон судорожно стиснул зубы. В конце концов, он не надевал передатчик уже больше месяца, а при падении робот нашумит так, что мертвого разбудит.

Дайсон повернул колесико. Для начала совсем чуть-чуть. Музыка у него в голове обрела глубину, а робот царственно пошевелился и приподнял грудь, скользнув промасленной сталью о промасленную сталь. Блестящий великан степенно выбрался из колыбели строп и направился к двери походкой, даже отдаленно не напоминавшей человеческую.

Дайсон встретил его в центре комнаты, где стоял штурманский стол. Отправил вперед шустроное контрольное устройство, после чего человек и робот склонились над столешницей. Грудная секция робота, увенчанная фасетчатой митрой зрительного блока, глыбой нависла над плечом Дайсона. Великан распрямылся, подался ближе и всмотрелся в карты.

Дайсон вращал переключатель, пока на столе не появился трехмерный образ искомого рельефа, вобравший в себя электрический свет и отбросивший долговязые тени на крошечные равнины – точные копии тех, что раскинулись вокруг корабля. Идеальная миниатюра, безупречный дубликат, воспроизводивший каждое плато и все склоны холмов. Дайсон прищурился. Да, действительно: здесь была и микроскопическая копия корабля, тупоконечного овального предмета, в котором они сейчас находились.

У него закружилась голова. Он почти поверил, что в этом холмике на винилитовой карте существует кукольная комнатка, где кукла по имени Джонни Дайсон стоит над кукольных размеров картой...

Над головой что-то скрипнуло. Робот добросовестно рассматривал винилитовый рельеф. Дайсон отогнал иллюзию о бесконечной веренице Джонни Дайсонов, редуцированных до отсутствующе малых размеров, и коснулся карты осторожным пальцем, прокладывая курс от корабля к склону холма и одновременно посылая в передатчик мысленные приказы. Робот смотрел и, еле слышно пощелкивая, запоминал маршрут, а Дайсона накрыла новая иллюзия: неисчислимое множество громадных Джонни Дайсонов, один больше другого, наблюдают за ним из макрокосма, и тут в комнате отчетливо зазвенел бесплотный голос, похожий на голос самого Бога.

– Дайсон! – сказал голос. – Дайсон!

Потрясенный Уайт негромко охнул. Дайсон вскинул глаза. Сердце ушло в пятки, ведь он не слышал, как щелкнуло переговорное устройство. Никакого предупреждения не было. То есть – возможно! – все это время интерком был включен, и они с Уайтом считай что плели свой заговор прямо в кабинете у Мартина, а тот внимательно слушал.

– Дайсон, явитесь ко мне в каюту. Немедленно!

Едва не задохнувшись, Дайсон взглянул на Уайта, покачал головой и настороженно поднял палец. Если микрофон интеркома включен, осторожничать нет смысла... но, раз уж Мартину известен их план, зачем тратить время на разговоры? Капитанская каюта находится не так уж далеко, в другом конце коридора, а у Мартина проворные ноги и заряженный револьвер.

– Слушаюсь, сэр, – хрипло отозвался Дайсон.

– У меня все.

Но за словами не последовало щелчка, извещающего, что Мартин выключил интерком, поэтому Дайсон не опускал пальца, а Уайт хотел сглотнуть, но не мог.

Если не медлить, шанс еще есть, причем неплохой. Дайсон вновь склонился над картой и прочертил маршрут для робота – быстро, аккуратно, – и его приказы, отданные с почти механической педантичностью, достигли самой сердцевины робота и впились в мозг педантичного механизма. На все про все ушло не больше тридцати секунд.

Робот отступил от стола, его громадная грудь опустилась на тихо заурчавшем сочленении, и он то ли выбежал, то ли выскользнул, то ли выкатился из комнаты. В человеческом языке нет слов, способных описать движения такого конструкта, быстрые, грациозные, беззвучные, если не считать легких щелчков, когда механизмы подстраивались под текущую задачу. Пощелкивая извилинами металлического мозга, робот удалился.

Теперь его путь лежал в топливозапаснике. Разум Дайсона опережал блестящего гиганта с муравьиным телом, прокладывая тот же курс, что недавно был обозначен на карте: прочь из корабля и вперед по лику Марса, пересечь равнину, взобраться на склон, проникнуть в пещеру, обнаруженную Дайсоном несколько недель назад и примеченную для сегодняшнего саботажа. Раз за разом, ходка за ходкой, пока на корабле не останется ни унции топлива, и никто, кроме Джонни Дайсона, не будет знать, где оно спрятано, – если, конечно, вовремя стереть роботу память.

Когда металлическая громадина исчезла в коридоре, Уайт перехватил взгляд Дайсона и провел пальцем по горлу.

Дайсон усмехнулся. Одной рукой он убавил мощность передатчика, а другой схватил планшет и написал:

«Все готово. Робот получил приказ. Не выключай передатчик. Робот даст сигнал, когда закончит. Сотри ему память». Последнее предложение он подчеркнул дважды, после чего сунул планшет Уайту под нос.

Из пустоты вновь донесся безапелляционный божий глас:

– Дайсон! Ну сколько можно?

– Да-да, сэр, уже иду.

Надо поторопиться. Он нетерпеливо – и в то же время неохотно – ждал, пока не стихнет музыка сфер, а когда ее отзвуки еще звенели в мозгу, снял шлем и надел его на голову Уайта. Оба не сказали ни слова.

Дайсон развернулся и побежал.

У закрытой двери Мартина он остановился, и его воля дала слабину. Что будет дальше – допустим, если Мартин с ходу начнет его обвинять?

Ничего страшного. Взлет запланирован на завтра. Чтобы взлететь, нужны все трое. В худшем случае Мартин наговорит Дайсону неприятных вещей. Быть может, чрезвычайно неприятных, если все это время интерком был включен.

Гораздо важнее, чтобы не подвел Уайт. Он полон сомнений, и это еще мягко сказано, а робот теперь в его власти. Уайт запросто может отозвать его, вернуть топливо на место, а события – на прежний губительный курс, ведущий к обреченной Земле, если у него сдадут нервы. Если Дайсон надолго оставит его в одиночестве. То есть от Дайсона много чего зависит. До ужаса много чего.

Пару секунд его обуревало желание сложить с себя это бремя. Если просто стоять и молчать, наверняка что-нибудь да случится...

Вот-вот. Из-за таких настроений, вдруг понял он, Земля катится по проторенной дорожке к ядерному холокосту.

Дайсон заставил себя постучать в дверь.

Мартин сидел с расстегнутым воротником. Он снял туфли; скрещенные ноги в старательно заштопанных шерстяных носках покоились на столе. Джонни Дайсон в изумлении смотрел на капитана. До сей поры он видел шефа только в форме, придававшей Мартину собранный и молодежавший вид. Теперь же Мартин напомнил Дайсону деактивированного робота. И он понял почему, когда увидел на столе бутылку.

Впервые он заметил, какое у Мартина вялое и обрюзгшее лицо.

Свинья свиньей, только пяточка не хватает, с торжеством думал Дайсон. Значит, проблема решена: у Мартина все же есть выключатель, и позже не придется его убивать. Теперь я справлюсь с чем угодно, а он получит столько виски, сколько пожелает. Устроим здесь винокурню, а потом надо будет лишь следить, чтобы на столе у Мартина не переводилось девяностоградусное марсианское *vin du pays*¹⁷ домашнего изготовления, чтобы было чем залить глаза. Нет, лучше дистиллят. Хотя какая разница? Спиртное можно гнать из чего угодно. Главное – брожение, а сейчас брожений на корабле предостаточно.

Дайсон хотел плюнуть Мартину в лицо и объявить о своих намерениях, но сдержал этот безумный порыв. Не стоит напрашиваться на пулю, ведь в столе у шефа револьвер. Поэтому Дайсон стоял по стойке «смирно» и ждал, пока тупо глазевший в потолок Мартин не обратит на него внимание.

– Ах да. Вольно. Присядьте, Дайсон.

– Есть, сэр, – сказал Дайсон с уважением, которого больше не чувствовал. Трудно было не выдать ликования. Надо было раньше понять, что Мартин, как и Уайт, не семи пядей во лбу. Будь оно иначе, его не отправили бы в эту командировку. – Спасибо, сэр.

Мартин указал на стол, где рядом с бутылкой и полным стаканом стоял еще один – пустой.

– Утощайтесь, Дайсон.

Не поверив своим ушам, Дайсон шагнул вперед. С его места можно было видеть переключатель интеркома. Пока виски лилось в стакан, Дайсон подался чуть ближе и заметил, что тумблер все-таки стоит в положении «выкл.» – то есть Мартин ничего не слышал и все сложится наилучшим образом, если Уайт не напорочит.

– Мягкой посадки, сэр, – сказал он, поднимая свой стаканчик.

– Мягкой посадки, – откликнулся Мартин, вдыхая аромат виски.

Но их слова имели разный смысл. «Мы уже приземлились, – думал Дайсон, – и будем жить долго и счастливо до скончания веков, аминь». Совсем не так, как на Земле. «*Вот как кончится мир...*» Что там дальше, в этой затасканной фразе с неприятным концом? Он не помнил. «Так пришел конец вселенной... не с громом, а... а...»¹⁸ Ладно, черт с ней, с цитатой.

– Расслабьтесь, – сказал Мартин, – вы не на дежурстве.

– Спасибо, сэр.

– Мы славно потрудились, – удовлетворенно продолжил Мартин. – Полгода в полевых условиях, втроем, с оборудованием, которое на ладан дышит. Большая ответственность. Пойди что-то не так... – Он глотнул виски. – Что ж, руда на борту, документы отправлены на Землю полчаса назад, и все уже сделано – все до мельчайших, вроде бы пустяковых, но жизненно важных деталей. Завтра будет новый рабочий день, но наше задание выполнено.

¹⁷ Местное вино (*фр.*).

¹⁸ «Так пришел конец вселенной, – / Да не с громом, а со всхлипом». Заключительные строки стихотворения Т. С. Элиота «Полюе люди». Перевод Н. Берберовой.

– Несмотря на всю его бессмысленность, сэр, – сказал Дайсон и тут же велел себе заткнуться. Опустил глаза на свой стакан и с удивлением увидел, что тот пуст. Осторожнее, Джонни, осторожнее!

– Что вы хотите сказать?

– Ну, не знаю. В конце концов, физики-ядерщики давно уже работают над этой проблемой, и безрезультатно. Не понимаю...

– У вас есть диплом физика-ядерщика?

– Я чуть было не получил эту специальность, – ответил Дайсон, и Мартин изумленно взглянул на него:

– И что же случилось?

– Как сказать... – пожал плечами Дайсон. – Наверное, я понял, насколько это безнадежно. На мой взгляд, все сложилось как нельзя лучше. Получи я ученую степень, сидел бы дома и работал над оборонными проектами, как остальные компетентные ребята, хотя бы они того или нет. В этой отрасли считайте что военное положение.

– Значит, так надо. – Мартин как-то странно посмотрел на него. – Нельзя же просто взять и сдать!

Он повторил слова Уайта, и Дайсон вышел из себя. Слепцы! Хотел было выпалить гневное возражение, но толку-то? Слеп тот, кто видеть не желает, подумал он, а вслух сказал:

– Люди не меняются, сэр. В том-то и корень зла. В массе своей люди... ну, мерзавцы. К сожалению. Толкают планету к взрыву, и никто не сумеет их остановить, как ни старайся.

– Вполне может быть, – устало согласился Мартин. – Вы пейте, не стесняйтесь.

– Спасибо, сэр. – Вновь наполняя стакан, Дайсон задумался, почему он продолжает называть Мартина «сэр». Он вдруг понял то, чего не понимал раньше. Не важно, рассердит он Мартина или нет. Главное – тянуть время, пока робот не спрячет топливо. После этого Мартин автоматически перестанет быть капитаном корабля. (Хотя револьвер по-прежнему у него в столе, так что лучше не наглеть.)

– А где Уайт? – спросил Мартин. По всей очевидности, ему скучно было выпивать с Дайсоном. Быть может, Уайт окажется более интересным собеседником.

– Он... отдыхает, – наобум брякнул Дайсон.

– Ах да, заряжает работа перед взлетом. Ну, раз вы уже приложились к бутылке, может, смените его? Ему, наверное, тоже хочется выпить.

Дайсон понимал, что надо переключить внимание шефа на себя, сказать что-нибудь – без разницы что; что угодно, что в голову взбредет, – чтобы Уайт без помех закончил начатое. Вдруг он преисполнился уверенности, что Уайт, как и обещал, управляет роботом. Никаких сомнений. Главное теперь, чтобы он довел работу до конца. Главное – дать ему время и предотвратить любое вмешательство.

– Сэр, – сказал Дайсон, – вы же опытный человек. Разрешите узнать ваше мнение? Если я ошибаюсь, так и скажите, но почему мне кажется, что наше поколение обманули? Что нас лишили человеческих прав?

Мартин зевнул. Протянул руку за спину, щелкнул тумблером магнитофона (из динамика полилась бесконечно слащавая «Лили Марлен») и с неприязнью спросил:

– Думаете, общество вам чем-то обязано?

– Нет, сэр. Хотя, с другой стороны, да. Общество должно обеспечить мне право на жизнь, только и всего. Я хочу остаться в живых. Неужели это слишком много? А грядущий взрыв...

– Дайсон, у вас атомофобия. Не забывайте, что на Земле перед вами откроются новые перспективы. Понимаю, эти полгода – не увеселительная прогулка, но мы выполняли задание. Теперь же...

– Были у меня перспективы, – сказал Дайсон. – С самого детства. Моего отца, сэр, звали доктор Джеральд Дайсон.

– Да вы что? – раскрыл глаза Мартин. – Значит, вот как вы попали на этот корабль. А я-то думал... Конечно, вы прошли техническую подготовку, но тем не менее...

– О да, я прошел подготовку. По настоянию отца. Как вы помните, он разрабатывал одну из первых бомб. Был в числе тех, кто сказал: «Ой, извините». Провел остаток жизни, пытаюсь найти способ взять атомную энергию под контроль. Но такого способа не существует. Отец попросту поджег динамитную шашку и вручил ее мне, и я держал ее, пока не повзрослел, пока не понял, что пора послать все к черту и бороться за свои права. Родители воспитывают детей так, чтобы компенсировать свои неудачи. Но мне наконец удалось сбежать с Земли. Впервые в жизни я вырвался из-под тени... – Он опустил глаза на стакан, вздрогнул и продолжил: – Из-под тени облака, сэр. Вернее, громадной черной тучи. И она разрастается. Я вырос под этой тенью. Отец постоянно смотрел киноленты, внимательно их изучал, а мне снилось, как ядерный гриб заполняет все небо. Отец мог бы оставить мне рай на Земле, рай под управлением мирного атома, мог бы передать мне волшебную палочку, избавить от тяжких трудов, ведь у человека, живущего в атомную эпоху, не должно быть никаких проблем – просто по праву рождения. Неограниченный запас энергии – это ключ к всеобщему благополучию, но вместо него мы получили планету, которая вот-вот взорвется.

– Что ж вы никак не уйметесь? – разгневался вдруг Мартин. – По-вашему, Земли считай что нет, но это не так! Ничего не произошло и, возможно, не произойдет. У нас есть неплохой шанс взять ядерную энергию под контроль. Или хотя бы попытаться это сделать.

– Неужели вы не понимаете, что эти слова – лишь мотивирующая речевка для галерных рабов?

– Если ваш ненаглядный взрыв все же произойдет, – строго сказал Мартин, – то по вашей вине. Потому что вы и вам подобные... – Он умолк и пожал плечами. – Ладно, хватит. Вы тоже на стрессе. Лучше подмените Уайта... хотя нет, минутку. Совсем забыл. – Мартин бросил на Дайсона недоверчивый взгляд. Наверное, вспомнил, что случилось в прошлый раз, когда Уайт отдал ему шлем-передатчик.

Дайсон представил, как робот спускается в пещеру, как буйствует Мартин, и с трудом сдержал ухмылку. Больше всего на свете шеф, наверное, боялся, что робот выйдет из строя. На его создание ушло семь лет, и робот был такой же неотъемлемой частью корабля, как запас топлива. Горючее – это мускулы, но робот – это мозг, благодаря которому сложный организм транспортного судна способен функционировать в космическом пространстве. Поначалу Дайсон хотел испортить робота, но вскоре отбросил эту мысль. Во-первых, он не знал, как это сделать, ведь у робота имеются защитные механизмы – аналоги человеческого эго, компенсирующего ид, – а во-вторых, позже без такого ценного помощника не обойтись.

Когда будет построен рай на Марсе, робот станет идеальным исполнителем, ведь он умеет делать что угодно – ну, почти. Мартин считал, что его основная функция – управление кораблем и что робот ценнее членов экипажа, но отношение капитана к роботу было не лишено нарциссизма, подумал Дайсон. Не исключено, что всякий раз, когда Мартин смотрится в зеркало, он видит там обобщение, синтез Мартина и робота.

Позже, когда робот нарубит дров и начерпает воды...¹⁹ Дайсон сдержал очередную ухмылку. Мартину это не понравится. Совсем не понравится. Но в итоге он смирится с положением вещей. Мартина можно купить – так же, как Дайсон купил Бенджи Уайта. Главное – найти монету правильной чеканки.

Мартин сел ровнее, опустил ноги на пол и поелозил ступнями в поисках сброшенных туфель.

– Пожалуй, отнесу Уайту глоточек виски.

---

¹⁹ Ис. Нав. 9:21.

Спиртное разлилось по телу Дайсона приятным теплом, сняло напряжение в мышцах; теперь же нервы вновь натянулись струнами, и он услышал беззвучную музыку, чьи далекие аккорды вибрировали у него в голове, когда на ней был шлем-передатчик, но теперь этой музыке не доставало благозвучия. Он должен – нет, обязан – остановить Мартина.

Тот уже встал, сунул ноги в туфли, притопнул, наклонился к пряжкам. Сунул бутылку под мышку и взял два чистых стакана.

– Сэр!

– Да?

– Я... я сменю его, сэр. Я знаю, как обращаться с передатчиком. Сейчас пришло к вам Уайта, и...

Мартин (он уже стоял на пороге) коротко мотнул головой, вышел и хлопнул дверью.

Взглянув на часы, Дайсон испуганно понял, как ничтожно мало прошло времени, и с ужасом осознал, что его план, несмотря на все усилия, висит на волоске. Дайсон всегда был уверен, что в последний момент сообразит, как перехитрить Мартина, найдет способ завершить то, что так хорошо начиналось...

Звуки удалявшихся шагов Мартина сменились тишиной. Переслащенные гармонии «Лили Марлен» клонились к финалу. Словно метроном, Дайсон качнулся к двери и обратно, лихорадочно думая, как быть. Наконец последние ноты песни растворились в свете электрической лампы, а Дайсон обнаружил, что дрожащими руками открывает стол Мартина.

Но револьвера в нем не было.

То есть Мартин перехватит Уайта, прежде чем робот закончит работать с топливом, и корабль вернется на Землю, а смелые планы Джонни Дайсона, пожелавшего создать новый мир, канут в небытие. Конечно, он может сбежать, спрятаться, и корабль, пожалуй, улетит без него – но в конечном счете Дайсон проиграет. Рано или поздно над алыми равнинами взвоят в разреженном воздухе другие корабли, полные инспекторов, которым приказано будет отыскать Джонни Дайсона и вернуть его на Землю, дабы он не отлынивал от работы...

На пороге склада Дайсон остановился. Колыбель робота была, конечно же, пуста. Бенджи Уайт горестно заламывал руки над длинноногим пультом управления, но это ничего не меняло: Мартин уже надел шлем-передатчик и, судя по выражению лица, ознакомился с командами активации. Теперь он все знал.

Его взгляд встретился со взглядом Дайсона.

Дайсон вновь развернулся и побежал.

Кукольный Джонни Дайсон мчался по контурам кукольного рельефа, с каждым шагом удаляясь от кукольно-винилитового корабля, и боялся поднять глаза, чтобы не увидеть, как с неба на него смотрит гигантский Джонни Дайсон. Время откатилось на пятнадцать минут, и Дайсон угодил в микрокосм, где в недрах непостижимо громадного корабля раз за разом прокручивалась вся эта сцена, начиная с того момента, когда бесплотный голос Мартина сухо велел Дайсону явиться к нему в кабинет.

Невидимый палец гигантского Джонни Дайсона – того Джонни, которым Дайсон был пятнадцать минут назад, – заранее проложил курс, и теперешний Джонни Дайсон прекрасно знал, куда бежать – по маршруту, которым проследовал робот, – но ему неведом был фактор времени.

Быть может, топливо уже надежно спрятано в пещере. Даже если так, все пошло прахом, ведь Уайт не успел стереть память робота, и теперь Мартин проникнет в металлический разум и проследит за каждым шагом механического создания.

Вот и он, Мартин, бежит следом, а за ним Уайт, думал Дайсон, но не оглядывался. Он убегал не только от Мартина, не только от людей, он убегал от тирании самоубийственной и смертоубийственной Земли, под ногами у него гулко звенел Марс, словно подземный дворец рукотворного Эдема уже возведен и ждет, чтобы его унаследовали.

На склоне холма в лунном свете блеснул металл, и в бледно-серой ночи проступили контуры робота, бездумно тащившего к пещере свою горючую ношу.

За спиной что-то крикнули, и этот крик тонко зазвенел в холодном воздухе. Оглянувшись, Дайсон увидел, что его по-прежнему преследуют карликовые фигуры. Корабль казался кукольным. Иллюзия прогрессировала. Все сжалось. Игрушечного Уайта обогнал марионеточный Мартин с блестящим передатчиком на голове, кукла, управлявшая еще одной куклой, длинноногим мобильным пультом, гротескно галопирующим по равнине; из-за марсианской гравитации все они – и беглец, и преследователи – двигались с неестественной легкостью и кошмарной медлительностью.

Дайсон знал, что его фора (он сразу выскочил из корабля, а остальные какое-то время искали его в коридорах) совершенно бесполезна, но не мог отказаться от призрачной надежды, что в критический момент он хоть как-то, хоть каким-то образом найдет выход из положения.

Потом была белая вспышка во тьме и щелчок револьвера за спиной. Должно быть, предупредительный выстрел, поскольку Дайсон не слышал свиста пули. Задрав голову, он встретился со взглядом двух лун, похожих на два асимметричных глаза на лице гигантского Джонни Дайсона. В небе разгорался конфликт. Орион занес дубину, Телец набычился и выставил рога, Андромеда билась в цепях, Сириус превратился в оскаленный клык, и посреди всей этой вакханалии светилась сине-зеленая непорочно-мирная планета...

По головокружительной спирали водоворотов времени и пространства зрение Дайсона устремилось вперед, к самому центру этой воронки, где находился сине-зеленый мир и Джонни Дайсон, каким он был десять, пятнадцать, двадцать лет назад, невежда Джонни Дайсон, которому ничто не грозило в те золотые времена, когда ответственность за мир лежала не на нем, а на его родителях. Ах, молодость, молодость, утраченная пора блаженного неведения...

Мартин выстрелил снова.

Здесь и сейчас Джонни Дайсон мчал вдогонку за роботом, исчезавшим в темном устье пещеры, словно то была не пещера, а муравьиный ход, и робот был не робот, а тускло поблескивавший муравей с закушенной в мандибулах песчинкой. Подобно остальным законам природы, пространственные размеры утратили всякую важность. Лишь во сне можно взмыть в воздух, оттолкнувшись от земли, и бежать от опасности столь медлительно, будто тебя погрузили в вязкий кисель.

Перед ним была груда экранированных канистр с защелкнутыми замками. Замедлившись, Дайсон изучающе взглянул на них и попытался прикинуть, сколько в них футофунтов или тонн подъемной силы. Недостаточно, чтобы оторвать от поверхности целый корабль. Канистр было всего лишь восемь. Если робот успел спрятать остальные, то отцовские объятия навсегда удержат корабль у груди старика Марса. Если... если... Ну конечно! Если остальное уже в пещере и Дайсон доберется до нее прежде остальных, то ответ до смешного прост. «Как же я не просчитал этот вариант?» – думал он, задыхаясь от кипучего ликования.

Слыша, как выкрикивают его имя, он ускорил бег, пригибаясь при каждом прыжке, чтобы тот отправлял его вперед, а не вверх, перпендикулярно поверхности Марса и параллельно вектору его незначительной гравитации.

Он достиг устья пещеры в тот момент, когда из нее появился робот, в чьей грудной клетке сверкнули отражения обеих лун. Робот не остановился, но фасетчатые глаза обследовали Дайсона, радиоатомный мозг принял его за мобильное препятствие, и громадный рабочий муравей двинул прямо на него. Дайсон уступил дорогу, и робот величаво направился вниз по склону к остаткам горючего.

Остановившись у входа, Дайсон заглянул в пещеру. Хоть глаз выколи. Мгновение он медлил, понимая, что во тьме кроется решение проблемы, но чувствуя странное нежелание входить в эти сумрачные пределы.

Он оглянулся. Мартин и Уайт заметно приблизились, они бежали молча, а робот двигался им навстречу, опережая сдвоенную тень муравьиного тела, и люди тоже отбрасывали не одну тень, но две: тени-близнецы, одна черная, другая серая на пурпурно-мшистом всхолмье. В космической пустоте вращались Деймос и Фобос, оставляя за спинами бегущих светло-серебристые образы, но направлял их Фобос, чье имя означает Страх.

Дайсон повернулся к ним спиной. Они были еще довольно далеко и казались настолько крошечными, что протяни руку над винилитовой картой – и выхватишь двумя пальцами из-под ног у Мартина мобильный пульт...

Но вместо этого Дайсон достал из кармана химический светильник, потряс его, чтобы тот загорелся, и шагнул в пещеру – с неприятным чувством, будто оскверняет храм. У скалистой стены выстроились ряды канистр с горючим.

Здесь был вход в Эдем. Дайсон выбрал это место для своего подземного дворца, надежного убежища на случай, если с Земли все-таки пришлют спасателей. Но в этом Дайсон сильно сомневался. Облако детских воспоминаний разрослось до таких размеров, что Земли уже не было видно. От нее осталась лишь тень, отброшенная перед финальным взрывом.

Ловко действуя обеими руками, он стал расстегивать защелки на канистрах, а через несколько минут выскочил из пещеры и бросился вниз по склону, навстречу приближавшимся людям и эскорту дерганных теней, и в голосе его звенел триумф.

– Входи! – летел над равниной его крик. – Оно там, Мартин! Все топливо в пещере! Войди и забери!

А затем грянул гром.

Реальной опасности не было. Главное – не входить в пещеру. Топливо взрывалось не сразу, а канистра за канистрой, поскольку эти контейнеры были сконструированы со всеми мерами предосторожности, известными человечеству. Период полураспада каждой канистры составлял шестьдесят пять секунд, и Дайсон активировал их не одновременно, ведь у него было лишь две руки.

Взорвалась первая канистра. Восемью секундами позже – вторая. Сила, способная поднять корабль в воздух, превращалась в свет, звук и радиацию – незначительную, а потому не опасную на вид. При желании человек мог войти в пещеру, приблизиться к этим контейнерам, а после выйти наружу.

Но что станет с его клетками, костным мозгом, костями и кровью? Это уже другой вопрос. Человеческий организм можно очистить от радиума, но от невидимых ядов – никогда. Прокказа гамма-излучения неизлечима, и теперь она заполняла пещеру, то крошечно-темную, то озаряемую белой вспышкой.

Перед лицом этой угрозы суть конфликта между людьми переменялась.

Но не сразу. Какое-то время ушло на перестройку картины мира, когда гнев сменялся ужасом, а торжество – осознанием проигрыша.

Наконец Мартин вышел из ступора и поднял револьвер:

– Ступай обратно. Деактивируй контейнеры.

– Нет, – ответил Дайсон.

– Считаю до трех!

– Лучше уж сдохнуть.

На мгновение Мартин задумался, а затем окликнул Уайта. Тот смотрел, как вспыхивает и гаснет устье пещеры. Облизнув пересохшие губы, ответил:

– Нет, сэр.

– Сам иди, – усмехнулся Дайсон, глядя, как лицо немолодого уже Мартина озаряет очередная вспышка, а когда отгремел новый раскат грома и перестала дрожать земля, добавил: – Проще простого. Застегни защелки, только и всего. В любом случае ты проиграл. Останешься

здесь – перестанешь быть нашим командиром. Войдешь в пещеру – вернешься на Землю с грузом и, быть может, получишь еще одну звезду на погоны, вот только у тебя не будет плеч.

– Заткнись! – прикрикнул Мартин.

Снова грянул гром.

Тяжело дыша, Мартин дернул за провод, и мобильный пульт подбежал к хозяину, точно пес на худосочных ножках. Мартин повернул рычаг. Металл звякнул о камень, и в поле зрения медленно вошел робот. Стало быть, Мартин задал новую программу, тем самым стерев из металлической памяти команды Дайсона – но поздно. Слишком поздно.

Робот послушно направился к пещере.

– Вот молодец! – язвительно обронил Дайсон. – Да, он спасет топливо. Но, разумеется, погибнет. И некому будет пилотировать корабль. Ну и что с того? Марс – великолепное место для жизни!

Мартин стал осыпать его бранью.

– Заткнись уже, – отмахнулся Дайсон. – Все кончено. И для тебя, и для Земли. Когда она взорвется, мы будем здесь, в нашем ковчеге, и посмотрим на конец света с безопасного расстояния.

Раскатился гром.

Мартин допустил ошибку. Он начал спорить. Голос его был тверд, но сказал он вот что: – Земле нужен наш груз...

Пользуясь сомнительным шансом, Дайсон ударил его. Револьвер выплыл из руки Мартина и глухо ткнулся в мох у ног Бенджи Уайта. То есть палец Мартина не лежал на спусковом крючке, а это значило... Это много чего значило.

– Наш груз? – эхом отозвался Дайсон, привстав на цыпочки и пристально глядя на Мартина, готовый пресечь любое его поползновение к револьверу. Подумал, не схватить ли оружие самому, но в этом случае конфликт перейдет в физическую плоскость, а Дайсон знал, что на моральном уровне он уже победил.

Но почему Уайт не поднял револьвер? Зачем он прибежал сюда? На чьей он стороне? Наверное, он сам того не знает. Дайсон бросил на него свирепый взгляд и продолжил:

– Наш груз – не панацея от взрыва, Мартин. Ее не существует. По единственной причине. Все дело в людях. В мужчинах и женщинах. Люди – это зло, Мартин, и поэтому они обречены на смерть. Все без исключения. – Он кивнул на громящую пещеру. – Вот каким будет конец света.

Подняв глаза, Мартин прислушался к грохоту. Он не шевелился. Ему было нечего сказать. Глядя на него, Дайсон понял, что ему плевать, поднимет ли Уайт лежащий у его ног револьвер: он одержал победу без оружия.

– Ладно, Мартин, – сказал он почти дружелюбно, – давай сюда шлем. Отныне передатчик тебе не понадобится.

Пауза. Раскат грома. Дайсон взглянул на Уайта. Тот, словно под гипнозом, смотрел в бледное око пещеры. Дайсон наклонился и подхватил револьвер.

– Джонни... – Уайт не отводил глаз от пещерного ока.

– Что?

– Слышишь?

Грянул гром.

– Слышу, – кивнул Дайсон, а Мартин не шевельнулся и не произнес ни слова.

– Конец света в миниатюре, – продолжил Уайт. – Настоящий будет гораздо, гораздо хуже.

Почему же я раньше о нем не подумал? Такой шум...

– Мы его не услышим.

– Зато увидим. Я его увижу. Знаю, что увижу. – С мучительным трудом он отвел взгляд от сияющего устья пещеры и заглянул в черноту небес – туда, где светилась сине-зеленая Земля.

– Моська... – нерешительно сказал он. – Она всегда боялась грома.

У Дайсона засосало под ложечкой. Почему? Этого он пока не знал, но чувствовал приближение опасности и понимал, что инициатива уже не у него, что он больше не контролирует ситуацию; с каждым словом Уайта, с каждой мыслью, обретавшей форму в его сознании, опасность маячила все ближе.

– Я же рассказывал про Моську? – спросил Уайт. – Когда-то она была мне женой. И не боялась ничего, кроме грома. При каждом раскате прижималась ко мне...

Грянул гром.

– Бенджи, – сказал Дайсон. Во рту у него пересохло. – Бенджи...

– Выходит, я спятил, – продолжал Уайт. – Знаешь, приятель, чужая душа – потемки. Да и своя тоже. Если Земля взорвется, я должен быть рядом с Моськой, чтобы она могла прижаться ко мне, если захочет.

Он побрел к пещере.

– Бенджи! – окликнул дрожащим голосом Дайсон. – Через полгода ты умрешь. Зачем? Наш груз бесполезен. Земля все равно взорвется.

– Как знать? – отозвался Уайт, не оборачиваясь. – Этого мы знать не можем. Наша задача – не предотвратить взрыв, а привезти домой марсианскую руду. Если взял деньги, будь добр довести работу до конца.

– Бенджи, стой! Говорю же, ты не сумеешь остановить взрыв!

– Этот? Еще как сумею. – Уайт продолжал взбираться по склону.

– Бенджи, еще один шаг, и я буду стрелять!

– Нет, Джонни, – оглянулся Уайт. – Не будешь.

Дайсон попробовал спустить курок.

И не смог.

Он сосредоточился на силуэте Уайта, на его спине, и мозг отдал команду указательному пальцу, но сообщение не достигло адресата.

Мартин оказался быстрее. Сделав длинный шаг вперед, он ударил ребром ладони по запястью Джонни. Револьвер выстрелил, уже кувыркаясь в воздухе.

Грянул гром.

– Бенджи! – крикнул Дайсон, но крик обернулся хриплым шепотом. Он должен остановить Бенджи. Обязан. Нельзя, чтобы Бенджи вошел в пещеру. Все это неправильно, совсем неправильно, ведь если кто-то и войдет в пещеру, этим «кем-то» должен быть Джонни Дайсон. Он шагнул вперед, но Мартин преградил ему путь и поднял револьвер. Мартин, гроза бунтовщиков, готовый схватить Дайсона и уволочь его обратно на Землю, обратно к работе, дисциплине, ответственности...

Работа. Дисциплина. Ответственность...

– О нет, только не это, – шептал Джонни Дайсон. Перед его внутренним взором предстал хрупкий марсианский Эдем в сиянии двух лун, чьи роскошные дворцы и сверкающие башни растворялись в воздухе, будто мираж.

В голове у него защелкал счетчик Гейгера.

Быстрее и громче.

Оглушительно громко.

Затем он почувствовал вспышку, почувствовал ее так, словно взрывом новой звезды ему снесло верхушку черепа, голова разошлась по швам и наполнилась черным облаком, громадным облаком уже знакомой грибовидной формы, несущим смерть всему живому. Запрокинув голову, Дайсон увидел в черном небе сине-зеленую планету под названием Земля, а потом увидел, как ее не стало.

Наверное, подумал он, взрыв у меня в голове был лишь слабым отзвуком далекого, грандиозного, всепоглощающего взрыва планеты. На мгновение полнеба заполнило белое сияние взорвавшейся Земли. Дайсон видел, как она взорвалась, видел собственными глазами.

Затем сияние сжалось и померкло. Земля вновь обрела форму, но теперь это была не сине-зеленая непорочно-мирная планета, но жуткая, дрожащая, нестабильная звезда.

Вот как кончится мир.

Не взрывом, но всхлипом.

Дайсон услышал собственный смех и вслед за Уайтом припустил вверх по склону, крича: – Бенджи! погоди! Все уже произошло! Разве не слышал? Глянь на небо! Все уже произошло!

Не оборачиваясь, Уайт тащился вперед. Дайсон догнал его, схватил за плечо. Уайт остановился и недоверчиво заглянул ему в глаза. Дайсону не стоялось на месте. Не в силах сдерживать хохот, он стал пританцовывать и наконец пустился в древний победный пляс, а когда к ним присоединился Мартин, Дайсон исполнил перед ним такой же первобытный танец.

– Что случилось? – крикнул ему в лицо Мартин.

– Конец света! – радостно хохотал Дайсон. – Да, сэр, конец света – он такой! Разве сам не слышал? Нет, ты не мог не слышать, как взорвалась старушка Земля! Теперь мы в безопасности! И в раю! Гляньте на небо, дурни, на небо гляньте!

Двое мужчин взглянули к небу, а третий продолжал плясать и посмеиваться. Он еще смеялся, когда Мартин и Уайт с подозрением взглянули на него.

– Дайсон, – осторожно произнес Мартин, – послушай меня. Ничего не произошло. Наверное... тебе померещилось. Посмотри на небо. Вон она, Земля.

Джонни послушался. Да, вон она, Земля, дрожащее белое марево в небесах, и он расхохотался пуще прежнего.

– Дайсон... – начал Мартин, но Уайт покачал головой и взял Джонни за руку, чтобы остановить его пляску.

– Все хорошо, Джонни. Теперь ты в безопасности. Все нормально. Не волнуйся. Подожди немного, я скоро вернусь. – Шепнув что-то Мартину, он направился вверх, к пещере.

Джонни смотрел ему вслед.

– Бенджи!

Нет ответа.

– Бенджи, ну что с тобой такое? Зачем спасать топливо? Земли больше нет. Мы в безопасности. Не надо никуда возвращаться. Разве ты не понимаешь...

– Тише, тише, – перебил его Мартин, – все хорошо.

Уайт продолжал идти к пещере, подавшись вперед и нахлыв плечи, словно шел против ветра, хотя ветра не было; он становился все меньше и меньше, удаляясь в пределы микрокосма, а Джонни Дайсон, моргая, смотрел в белое око пещеры. Наконец Бенджи растворился в раскатах грома.

Через какое-то время они вернулись на корабль и приготовились к взлету, а после этого Мартин и Уайт вели себя так, словно в самом деле покинули Марс и отправились – куда? Ясное дело, не на Землю, ведь Земли больше не было, это и дураку понятно. В таком случае куда?

Джонни никак не мог этого понять. Когда спрашивал, ответы были столь нелогичными, что приходилось переводить их на нормальный язык, но вскоре он нашел удовлетворительное решение: произнося слово «Земля», Мартин и Уайт имели в виду некий абстрактный символ. Как видно, они собирались найти еще одну планету, пригодную для жизни, планету получше Марса, планету, где они создадут свой Эдем.

Джонни это устраивало. Подумав, он пришел к выводу, что строить рай на Марсе, даже с помощью робота, было бы весьма непросто. Это трудная работа и большая ответственность.

Пусть ее возьмет на себя человек постарше – и по возрасту, и по званию.

Понятно, взрыв Земли стал для Мартина и Уайта потрясением, с которым трудно смириться. Ничего страшного, пусть притворяются. Название не имеет значения. Они называли еще не открытую планету Землей, а когда найдут ее, может, и впрямь назовут Землей – Новой Землей в память о Старой Земле, скверной планете, сгинувшей в ядерном взрыве. Сгинувшей навсегда и забравшей с собой всех этих бесполезных паразитов, двуногих гадов, чье вымирание не вызывало у Джонни ни малейшей жалости.

Короче, его спутники слегка рехнулись. Джонни был к ним снисходителен, но странно было осознавать, что он единственный здравомыслящий человек на корабле.

Он ждал. Временами видел яркие путанные сны, в которых он снова был на Земле, но эти сны быстро заканчивались, и по большей части Джонни спал как убитый.

* * *

...Его корабль продолжал бороздить просторы Вселенной.

Иногда он думал: где же пункт назначения? Он устал от череды искусственных дней и ночей, от визипортов с их до боли яркими изображениями несуществующих предметов и пейзажей. Скрывать черноту космоса за проекциями на окнах, за анимированными образами Старой Земли, попросту бессмысленно, но еще глупее маскировать робота под человека в белых одеждах, приносящего еду и принимающего приказы.

Как-нибудь, когда будет настроение, Джонни перепрограммирует робота и вернет ему металлический облик. Но сейчас настроения нет. Джонни устал. Ему надо отдохнуть. Нельзя брать на себя лишнюю ответственность, ведь близится тот день, когда корабль опустится на пригодную для жизни планету и придет время поработать.

Джонни сделает работу на совесть. Нет, он не сдался. Джонни Дайсон не сдается.

Хотя нельзя отрицать, что его отец бросил работу. Другими словами, сачканул. Сперва хотел передать эстафету Джонни, а когда не вышло, попросту рехнулся, ведь сумасшествие – это полный отказ от любой ответственности. Пожалуй, это самый страшный грех. Останься отец на работе, глядишь, и нащупал бы решение. В конце концов, доктор Джеральд Дайсон был блестящим ученым.

Но он сдался. Закончил карьеру в психиатрической лечебнице. Не исключено, что он был совершенно счастлив в своем уединении – даже в тот миг, когда взорвалась Земля.

Будь у меня такой шанс, как у отца, я бился бы не на жизнь, а на смерть, думал Джонни. Но теперь мне предстоит другая работа. Еще не поздно. Корабль вот-вот сядет на подходящую планету, и я тут же приступлю к делу.

Он бросил взгляд на визипорты с картинками мира, который сдался и погиб, быстро и безболезненно.

Джонни улыбнулся.

Он был так счастлив в своей каюте космического корабля, что даже не заметил, как Земля взорвалась по-настоящему.

Сплошная иллюзия

Не стоило заходить в ту подозрительную таверну. Еще с порога Бертрам Мур должен был сообразить, что там творятся странные вещи. Он ведь был ирландец. Хотя... держи он себя в руках, не влип бы в неприятности. Всего-то и требовалось, что увильнуть от спора с воинственным пышнобородым карликом.

Рослый, неповоротливый и рыжекудрый парень был наш Бертрам, а лицом походил на глубокомысленную лошадь – впрочем, не самую безобразную. Подобных Бертрамов читатель видит на улице каждый день: чуть за сорок, уже не в расцвете сил, но еще и не развалина. Приятный малый, хоть и язык без костей.

По сути дела, во всем были виноваты часы. Ничем не примечательные, самые заурядные, но они принадлежали Бертраму и стали для него чем-то вроде объекта религиозного поклонения: он педантично заводил сей механизм и сверялся с его бесстрастным циферблатом при всякой необходимости. Но в тот вечер произошло недоразумение: стрелки часов показывали половину девятого, хотя на самом деле было семь тридцать, и в результате столь вопиющего несоответствия Мур явился на вокзал «Юнион депо» ровно за час до прибытия своей сестры Коррин; та, прожив четверть века в Нью-Йорке, оглянувшись по сторонам, совладала с сильнейшим приступом тошноты и решила, что пора бы проведать брата.

Не склонный к импульсивным поступкам, Мур сверил свой хронометр с циферблатом на башне вокзала, с парочкой других часов и, наконец, дабы поставить точку во внутреннем споре, уточнил время у носильщика. Половина восьмого, ровно час до прибытия поезда. Мур обвел глазами надраенный до зеркального блеска вокзал, после чего поспешил в сторону бара – но, бросив единственный взгляд за стеклянную дверь, передумал, поскольку у стойки было не протолкнуться, а Мур, как человек цивилизованный и культурный, предпочитал совершать возлияния в относительном комфорте.

Поэтому он вышел на тротуар и осмотрелся. Напротив был участок, пустовавший уже много лет из-за драконовских налогов, людоедской арендной платы и всеобщей экономической депрессии. Теперь же, к удивлению Мура, на пустыре возвели новое здание.

В нашем неугомонном мире новинки имеют склонность возникать с головокружительной скоростью, подумал Мур, не представляя, насколько он близок к истине, и направился к высокой куполообразной конструкции, напоминавшей здание ресторана «Браун дерби» – то есть бетонную шляпу-котелок, только без полей и окон. Из-за пендельтюра валили клубы дыма и доносился оживленный шум. Мур прошествовал внутрь и сразу согнулся в приступе кашля.

Здесь было так накурено, что поначалу Мур ничего не разглядел: огромное помещение заполнял едкий серый дым ароматизированного табака. Постепенно сквозь пелену стали проступать очертания предметов.

Диванов в заведении не имелось. Расставленные в произвольном порядке столики таяли в табачной дымке. За столиками сидели люди. Ближе всех к Муру отдыхал пожилой лысый толстяк с таким избытком сверкающих перстней, что за ними не было видно пальцев. Он курил наргиле: мерно затягивался, после чего выдыхал невообразимые, по мнению Мура, клубы дыма. Невообразимым был и его наряд: козья шкура, которая прикрывала лишь то, что негоже демонстрировать публике, и лавровый венок на безволосой голове. По всей видимости, маскарадный костюм или атрибуты рекламы.

Пожилой толстяк громко икнул, осушил оловянную кружку, беспечно помахал Бертраму и произнес что-то на языке, которого Мур не знал, после чего выразительно ткнул пальцем в сторону соседнего столика.

Мур приблизился, сел и увидел, что почти все остальные места оккупированы разношерстной публикой. Рассмотреть что-либо сквозь дымовую завесу оказалось непросто, но Мур

пришел к выводу, что все в зале одеты побогаче лысого старика и тем не менее в равной мере странно. Повсюду виднелись шляпы с высокой тульей, остроконечные колпаки, белые туники, черные халаты и другие не менее экстравагантные предметы гардероба.

Подошел официант. На вид вполне нормальный: бледный как мертвец и облаченный в строгий смокинг. Болезненное лицо было на редкость невыразительным, а глаза стеклянно смотрели в одну точку. В петлице смокинга он носил лилию, а передвигался одеревенелой походкой зомби.

– Что будете пить, сэръ? – осведомился официант скрипучим басом.

– «Виски сауэр», – ответил Мур.

Официант ушел, но вскоре вернулся и поставил на столик оловянную кружку. Расплатившись, Мур пригубил напиток и пришел к однозначному выводу: это не «Виски сауэр». Но он так и не понял, что пьет: в кружке булькало нечто хмельное, крепкое, с пикантными нотками и на удивление сладким послевкусием. Пары спиртного мигом ударили в голову. Мощная штука.

Мур всегда знал меру в выпивке, к тому же люди обычно не напиваются допьяна с одной кружки, но к тому времени, когда в зал явился воинственный пышнобородый карлик, сознание Мура затуманилось самым радикальным образом.

Сперва Мур увидел одну лишь бороду, ошеломительную лавину белоснежных курчавых волос, что перемещалась по таверне, словно перекасти-поле. Борода устроилась на стуле напротив. Из нее вынырнула крохотная ручонка, сложилась в кулачок, стукнула по столу, и пара блестящих глазок уставилась на Мура с некоторой долей сардонического веселья.

Официант принес две полные до краев кружки, и карлик затеял разговор.

– Гнусный скряга, – хрипло заявил он, уставившись на Мура.

Тот демонстративно проигнорировал ремарку соседа, но карлик не унимался. Выудил из недр бороды длинный кинжал, проверил остроту его кончика большим пальцем и добавил:

– Не привык я к такому обхождению.

Мур оглянулся в поисках официанта, но тот исчез в клубах серого дыма. Поэтому Бертрам деликатно произнес:

– Прошу прощения, не расслышал...

– Ага, – сказал карлик, – так-то лучше. Лучше для тебя. За медяк я тебе трахею распорол бы.

Несносный коротышка или пьян, или безумен, решил Мур и посмотрел на дверь.

Карлик расхохотался, после чего влил содержимое кружки в недра бороды и грозно приказал:

– Пей до дна!

Мур подчинился.

Напиток был крепкий. Чрезвычайно крепкий. Мур почувствовал, как страх отступает и на смену ему приходит негодование. Неужели он намерен сносить угрозы этой мелкой куклы, этого таракана, которого способен сокрушить одним шлепком?

– Ну вас к черту, – с расстановкой выговорил Мур, удивляясь сам себе.

Он что, нарывается на пьяную драку? Мур вздрогнул. Человек тонких вкусов, он не питал пристрастия к потасовкам. К тому же ему вовсе не хотелось связываться с этой тошнотворной бородой, спутанной, шерстистой, полной репьев и пожухлой листвы.

– Кого к черту? Меня? – вызывающе уставился на него карлик.

Мур кивнул.

– Ты что, колдун? – с некоторым сомнением спросил карлик. – Нет? Ну тогда ладно. Просто фигура речи. Выпей со мной, дружище.

С удивительной скоростью появились новые кружки и были немедленно опрокинуты, и Мур сделал удивительное открытие: у него рассосался позвоночник, его место занял столб

огненной жидкости, которая то поднималась, то опускалась, словно ртуть в термометре, но не сказать, что ощущение было неприятное. Глаза застил дым; прокашлявшись, Мур взглянул на толстяка с наргиле и вполголоса произнес:

– Странное местечко.

– А чего ты хотел в канун летнего солнцестояния? – удивился карлик.

Мур не понял, о чем речь. Должно быть, в донесшихся из глубин бороды словах был какой-то смысл, но...

Толстяк встал и направился вглубь зала. Проходя мимо Мура, он глянул по сторонам и добродушно произнес:

– Кругом сплошная *майя*. Иллюзия.

Он икнул, величаво выпрямился, продолжил свое шествие и вскоре скрылся в дыму.

– Истинная правда, – кивнул карлик, – и ничего, кроме правды. Кругом сплошная иллюзия.

Мур возжелал полемики. Отнял от губ кружку, причмокнул и заявил:

– Вздор.

– Судя по этой реплике, – сказал карлик, – рискну предположить, что ты настроен скептически. Но с чего бы? В таких вопросах я признанный авторитет, и уверяю тебя, что все вокруг сплошная иллюзия.

– Докажите! – потребовал Мур и подбросил в топку разногласий презрительный смешок.

– Но это очевидно, разве нет? Все, что мы видим, нам лишь мерещится. Иначе откуда взяться магии?

– Вы пьяны, – заявил Мур оскорбительным тоном.

– Это я-то пьян? Батюшка Посейдон и Кронос в придачу! Сколько тыс... сколько лет я не слыхивал в свой адрес подобного обвинения! Сам ты пьян, а будь ты трезв...

– Докажите, – повторил Мур.

Он чуял, что за ним преимущество, и не желал его упускать.

Борода сердито задергалась. Крохотная коричневая ручонка указала на кружку Мура:

– Думаешь, это выпивка, да?

Мур засомневался, но все равно кивнул.

– Вовсе нет, – довольно просиял карлик. – Это вода. Попробуй, и убедишься.

Мур послушался. Увы, он был уже не в том состоянии, когда можно отличить спиртное от керосина. На вкус напиток и правда оказался водянистый, но Мур ни за что бы этого не признал. Просто заявил, что в кружке никакая не вода.

– А вы псих, – добавил он, вспомнив про кинжал и осерчав на себя за то, что поначалу испугался этого лилипута. – Подите прочь, пока я не раздавил вас ботинком. Сплошная иллюзия! Ага, как же! – Он неучтиво фыркнул.

– Ты что, полагаешься на свои органы чувств? – осведомилась борода. – Небось думаешь, что и луна круглая?

– О господи, – проворчал Мур и сделал еще один глоток.

– В твоих глазах она круглая, – продолжил карлик, – но выглядит ли она круглой для всех остальных? Ведь то, что ты считаешь круглым, для другого может оказаться квадратным. Откуда тебе знать, как я вижу луну?

– Если вам интересно, как выглядит луна, ступайте на улицу да посмотрите, – ответил Мур.

– Откуда тебе знать, как видят меня другие? – не унимался карлик. – И как ты сам выглядишь в моих глазах? Пять человеческих чувств не аксиоматичны, они иллюзорны, и все вокруг – сплошная иллюзия!

– Значит, так. – Мур потерял терпение, а еще у него разболелась голова. – Ваша борода – это иллюзия. Моя рука – еще одна иллюзия. А теперь смотрите. – Он энергично подергал карлика за бороду. – Что, тоже иллюзия? Попробуйте-ка отщутиться!

Началась сумятица. Карлик вопил, верещал и вырывался. Через некоторое время Мур опустился обратно на стул, сжимая в ладони прядь курчавых волос.

– Во имя Кроноса и Аида! – прошипел карлик голосом, не предвещавшим ничего хорошего. – Теперь, мой друг, тебе не поздоровится. Если думаешь... хр-р-р! – Борода грозно ощерилась. – Я тебе покажу, где иллюзия, а где не иллюзия! – Карлик откопал в бороде короткую тонкую палочку полированного черного дерева, направил ее на Мура и продолжил: – Накладываю на тебя проклятие иллюзии! Чума на все твои пять чувств! Укутайся в вуаль Протея!

Мур нерешительно отмахнулся от палочки и вдруг понял, что протрезвел. Почему? Непонятно. Но теперь ему хотелось лишь одного: поскорее уйти из этого прокуренного притона для умалишенных. Не сказав больше ни слова, он встал и нетвердо направился к двери, преследуемый зловещим хохотом пышнобородого карлика. Тот стих, лишь когда Мур перешел дорогу и ступил на противоположный тротуар.

Обернувшись, он увидел, что таверна исчезла, оставив после себя голый пустырь.

На мгновение Бертран растерялся, но потом сообразил, в чем дело. Он и правда хватил лишку: должно быть, таверна находилась в нескольких кварталах от вокзала и он, сам того не заметив, прошагал внушительное расстояние. Недовольно хмыкнув, Мур взглянул на часы.

Двадцать минут девятого. В самый раз, чтобы выпить чашечку кофе до прибытия поезда. Мур вошел в здание вокзала и направился к ресторану, но, осененный внезапной мыслью, свернул в аптеку, где приобрел цитрат кофеина и немедленно проглотил несколько таблеток, после чего заглянул в ресторан и взял кофе, чтобы развеять хмельное марево.

Погруженный в рефлексию, он сидел у прилавка и не сразу понял, что окружающие бросают на него удивленные и даже насмешливые взгляды. Вскоре он услышал громкое шмыганье и поднял глаза. Мужчина слева – здоровенный загорелый джентльмен, – сдерживая улыбку, поспешно устался на собственные ботинки.

Но это было лишь начало. Вскоре Мур понял, что притягивает внимание окружающих словно магнит. Он разволновался и украдкой обследовал одежду. Все в норме. Глянул в ближайшее зеркало и остался скорее доволен, чем наоборот. Лицо, бросающееся в глаза. Не самое красивое, но с характером. Как у Гэри Купера. Заметив, что мысли отбиваются от рук, Мур взял еще кофе.

Громкоговоритель объявил о прибытии поезда. Мур заплатил за кофейные возлияния и, уклоняясь от летящих отовсюду взглядов, вышел на платформу, где стал дожидаться Коррин. Наконец увидел ее в толпе: хрупкую блондинку с пытливым взглядом и волевым подбородком. Она почти не изменилась. Молодая, деловитая, циничная и уверенная в себе.

После коротких возгласов и неловких объятий Коррин принялась, отпрянула и осведомилась:

– Кто облил тебя духами?

– Духами?

– От тебя разит фиалками. – Коррин твердо взглянула на него. – Так сильно, что не продохнуть.

– Странно, – заморгал Мур, – я ничего не чувствую.

– Значит, у тебя заложен нос, – решила Коррин. – Твои фиалки я еще в поезде почувяла. Берт, надо тобой заняться. Тебе не хватает материнских наставлений. Капля одеколона? Ладно, если тебе так нравится. Только не с ароматом фиалок. Мужчине он не подходит. Ты что, искупался в этих духах?

– Ну... – растерялся Мур, – рад тебя видеть. Выпить хочешь?

– Хочу, – сказала Коррин, – и очень сильно. Но не настолько, чтобы пойти с тобой в коктейль-бар. Люди подумают, что это от меня так воняет.

Раненный в самое сердце, Мур вывел сестру на улицу, после чего занялся укладкой багажа. Вскоре он уже катил в своем седане по бульвару Уилшир. Рядом сидела Коррин. Девушка высунула голову в окно, а Мур мрачно смотрел на дорогу. Он пришел к выводу, что Коррин изменилась к худшему.

Вдруг Коррин повернулась к Муру, коснулась его руки и спросила:

– Что с машиной, Берг?

– Хм? – Мур убрал ногу с педали газа. – Была в полном порядке. А что не так?

– Шумит.

Мур прислушался.

– Ну да, двигатель шумит.

– Я не про двигатель, а про этот свист...

– погоди, погоди, – попросил Мур и добавил после паузы: – Нет, это у тебя в ушах свистит... наверное...

Коррин окинула брата внимательным взглядом и вдруг упала к нему на колени. Мур машинально ударил по тормозам, но тут же понял, что сестра всего лишь прижимает ухо к его груди. Наконец Коррин выпрямилась и с любопытством воззрилась на брата:

– Свист исходит от тебя. Это ты свистишь. Точь-в-точь как...

– Как что?

– Полицейский. Ну, полицейский свисток. Перестань, пожалуйста. Понимаю, ты хочешь меня развеселить, но это не смешно.

– Я не свищу, – отрезал Мур.

– То есть ты не контролируешь этот свист?

– То есть нет никакого свиста!

– Ты, наверное, что-то проглотил, – вздохнула Коррин и подумала, что жители Нью-Йорка ведут себя более предсказуемо. Ты хотя бы знаешь, чего от них ожидать. Девушку обдало запахом фиалок, и она закрыла глаза.

В этот момент их нагнал полицейский. Он махнул рукой, веля Бертрану прижаться к обочине, после чего слез с мотоцикла, поставил ногу на подножку седана и открыл было рот – но тут же сжал губы и сердито уставился на Мура. Его ноздри слегка подрагивали.

– В чем дело? – осведомился Мур. – Я не превышал.

Не ответив, полицейский заглянул в салон, рассмотрел Коррин, проверил заднее сиденье и наконец спросил:

– Кто свистит?

– Это мотор, сэр, – вмешалась Коррин, не дожидаясь, когда заговорит Мур. – Клапан верхнего сальника прохудился. Мы как раз едем в автосервис, чтобы починить.

– К... клапан верхнего сальника?

– Да, – с железной уверенностью кивнула Коррин. – Клапан сальника. Верхнего. Ну, вы поняли.

После недолгой паузы полицейский почесал в затылке и произнес:

– На вашем месте я устранил бы эту неисправность, и как можно быстрее. Вы нарушаете общественный порядок.

– Спасибо. – Девушка мило улыбнулась. – Мы все починим. Прямо сейчас. Сами знаете, как оно бывает с этими клапанами.

– Ну да. – Полицейский проводил взглядом отъезжающий седан, не спеша оседлал мотоцикл и задумчиво пробормотал под нос: – Проклятье, а где он вообще находится, этот клапан верхнего сальника?

В пути Коррин заметно разнервничалась.

У Мура был двухэтажный дом в пригороде, окруженный газоном с двумя-тремя деревьями, и еще у него был Банджо – здоровенный пес, не осознававший своих размеров. Однажды он увидел пекинеса и укоренился в заблуждении, что сам он тоже диванная собачка. В одном из колен его покрытой мраком родословной отметилась колли, а посему Банджо был чрезвычайно шерстист и в совершенстве владел уникальной способностью линять круглый год. Это монструозное создание галопом выбежало из-за дома, углядело седан и мгновенно просчитало все ходы наперед.

У Банджо имелись собственные представления насчет автомобилей. Они двигаются; *эрго*, они живые, и теперь его хозяин, очевидно, стал пленником одного из этих диковинных существ. С отвагой, достойной поистине великих целей, Банджо бросился вперед и вонзил зубы в автомобильную покрывку.

Шина отозвалась грозным шипением, и Банджо, вмиг растеряв всю храбрость, поджал хвост и ретировался под сень крыльца, где и остался лежать, свернувшись в клубок, подрагивая и поскуливая.

Негромко и монотонно ругаясь, Мур выбрался из машины, которую оставил у тротуара, после чего переместил багаж на крыльцо и препроводил Коррин к парадному входу. Дверь им открыл скелет, нашедший где-то лист пергамента и бессистемно завернувший в него свои дряхлые кости. Скелет откликнулся на фамилию Питерс, а его имя – если у него вообще имелось имя – затерялось во мгле десятилетий. В хозяйстве Мура Питерс исполнял функции дворецкого, слуги, разнорабочего и мастера на все руки, а последние сорок лет только и делал, что старился, причем самым неопрятным образом. По меньшей мере двадцать лет из этих сорока его с нетерпением ожидали на том свете, и Мур не без оснований подозревал, что по выходным Питерс прогуливается под окнами похоронных контор и корчит потешные рожи их владельцам.

– Ха, – сказал Питерс не без злорадства, – вижу, у вас колесо спустило.

Коррин с удивлением уставилась на него, но старик явно обращался не к ней.

– Да, – ответил Мур, – спустило. Чертов пес прогрыз.

– Я почию, – пообещал Питерс, а затем взглянул на девушку и внезапно сошел с ума: впалый беззубый рот затрясся, морщинистое лицо с негромким похрустыванием разъехалось в ужасающей ухмылке, и дворецкий звучно закудахтал по-куриному: – Ну и ну! Мисс Коррин! Глазам не верю, вот это сюрприз!

– Сюрприз? В смысле? – холодно осведомился Мур. – Вы же знали, что она приезжает в гости.

Но Питерс, чьи скелетные кости содрогались от старческого веселья, проигнорировал столь грубую попытку остудить его пыл.

– Ха! – приговаривал он. – Давненько не виделись, мисс Коррин, давненько, и вы совсем не та, что раньше!

– А вы, – ответила Коррин, – ни капли не изменились.

Сокрытый в ее реплике юмор едва не добил старика. Вконец обезумевший, он эксцентрично заплясал вокруг чемоданов, то и дело присвистывая и всплескивая руками. Оставив Питерса наедине с его восьмидесятилетними причудами, Мур проводил Коррин в комнату, прилегавшую к прихожей.

Супруга Мура – миниатюрная Сьюзан, все еще красивая, но несколько склонная к полноте и истерии, – рассеянно раскладывала пасьянс. Она утверждала, что ничего не смыслит в алгоритмах, на которых зиждится мир, хотя в совершенстве овладела алгоритмом приготовления пищи; однако по-настоящему многосложные концепции – вроде пылесоса, радиоприем-

ника или пасьянса – никогда не укладывались у нее в голове. Но сегодня, несмотря на карточную неразбериху, Сюзан не сплеховала и поприветствовала Коррин гостеприимной улыбкой.

Когда обмен любезностями подошел к концу, Сюзан принялась и радостно воскликнула:

– Ой, фиалки! Это мне?

– Хочу тебя кое о чем спросить, Сюзан, – сказала Коррин. – Ты слышишь что-нибудь необычное?

– Необычное? Нет, – помотала головой Сюзан, – ничего необычного. А что?

– Даже свиста не слышишь?

– А, свист, – просияла Сюзан. – Свист я слышу. Но что в нем необычного? Самый заурядный свист.

Коррин закрыла глаза, отдышалась и наконец сумела выговорить:

– Тебе известно, откуда он исходит?

– Нет. А тебе?

Мур, недовольный таким поворотом беседы, хотел было вмешаться, но обернулся, когда за спиной у него раздалась пренеприятнейшие щелчки и похрустывания. Стоя на пороге комнаты, Питерс манил хозяина рукой.

– Вы не могли бы хрустеть потише? – раздраженно спросил Мур, приблизившись к дворцовому. – Такое впечатление, что где-то неподалеку петарды взрывают.

– Да-да, именно такое впечатление, – согласился Питерс, с довольным видом созерцая узловатые костяшки пальцев. – Я набрал для вас ванну.

На мгновение Мур озадачился: какую еще ванну? Но тут его осенило.

– Ах, ванну, – обтекаемо сказал он. – Но разве я просил набрать мне ванну?

– Еще и соли добавил, – соблазнил его Питерс. – Для ванн. Очень много соли.

– Господи боже, ну с какой стати я сейчас полезу в ванну? – спросил Мур.

– С такой, что от вас сильно пахнет, – ответил Питерс, окончательно разрешив спор.

Стараниями Сюзан ужинали в приличном обществе: супругу Мура всегда беспокоил незамужний статус Коррин, поэтому она, пользуясь случаем, пригласила к столу молодого человека по имени Стив Уотсон, вполне подходящего на роль жениха. Этот выдающийся образчик американской молодежи с его раскатистым сердечным хохотом и слабостью к зеркалам никогда не вызывал у Мура особенно теплых чувств.

Кто-то впустил Банджо в дом. Спустившись вниз, вымытый и выбритый Мур столкнулся с мастодонтовой псиной; в припадке слепой любви Банджо набросился на ошалевшего хозяина и едва не сбил его с ног.

– Лежать, черт тебя дерит, – злобно пробурчал Мур. – Взял бы уже да сдох. Брысь!

Но Банджо не понял намека. В мохнатую тварь как будто вселился демон: пес гарцевал вокруг Мура на задних лапах и принялся изо всех сил, пока хозяин не схватил его за ошейник и не вышвырнул в ночную тьму под громкий протестующий скулеж.

После этого Мур привел в порядок свою одежду и отправился к остальным. Коррин и Стив Уотсон вели оживленную беседу, а Сюзан с блаженным видом сидела в углу и любовалась этим зрелищем.

– Вы только гляньте, кого ветром принесло! – вскочил Стив. – Ну, здравствуйте. Как пожи...

Вдруг он умолк, и комната погрузилась в мертвую тишину.

– Какой душок своеобразный, – заметила наконец Сюзан. – Разве у нас на ужин рыба?

Мур принялся, но не учуял ничего подозрительного. Коррин же рассматривала брата с крайне скептическим выражением лица.

– Рыба? – переспросила она. – На ужин? Сомневаюсь, Сюзан. Настолько дохлую рыбу вы бы подавать не стали.

Сюзан позвала Питерса. Через некоторое время он, шаркая ногами, явился в гостиную.

– У нас что, рыба на ужин? – спросила Сюзан.

– Нет, – твердо ответил Питерс. – Но у кого-то рыба. Хоть и не на ужин. – Обернувшись, он уставился на Мура и с укором произнес: – Как вижу, вы не стали принимать ванну.

– Откройте окна, Питерс, – велела Сюзан, и окна были открыты, но это не помогло.

В комнате стоял явственный запах рыбы, давным-давно умершей от старости.

– Говорю же, ветром принесло, – восстановил самообладание Стив и с улыбкой шагнул навстречу хозяину дома. – Давненько не виделись, старина!

Мур с неприязнью посмотрел на протянутую ладонь и молча пожал ее. В тот же миг Стив издал пронзительный вопль, отпрыгнул и неистово затряс рукой. В горле у него забурлили проклятия, и лишь ценой нечеловеческих усилий он не дал им выплеснуться наружу.

– Боже мой, что с вами, Стив? – спросила Сюзан.

– Ха-ха! – Стив попробовал изобразить улыбку. – Что, Берт, ни дня без шутки? Как вы это устроили? Чуть пальцы мне не сожгли. – И он подул на пальцы.

– О чем вы? – сварливо осведомился Мур.

Ему не нравились розыгрыши, особенно бессмысленные. Но Стив, как видно, вознамерился довести шутку до победного конца. Стремительным движением он схватил Мура за руку и проинспектировал его ладонь.

– Странно, – сказал он после паузы. – У вас что, провода в рукаве?

– Зачем мне провода в рукаве? – спросил Мур.

– Ой, да ладно. – Стив сделал обиженное лицо. – Как хотите. Но шутка была не очень смешная.

– Рад, что вы это поняли, – едко ответил Мур, поглядывая на озадаченные лица Сюзан и Коррин.

В гостиной появилась иссохшая фигура Питерса.

– Ужин подан, – объявил дворецкий и удалился, бормоча что-то насчет соли для ванн.

Нельзя сказать, что ужин увенчался безоговорочным успехом. Возможно, чайка проглотила бы его с большим аппетитом, но не следует забывать, что чайки питают слабость к рыбе во всех ее ипостасях. Сидевшие за столом, однако, оказались разборчивее чаек: Сюзан и Коррин крепко прижимали к дрожащим ноздрям носовые платки, а ничем не защищенный Стив ел очень мало и все сильнее бледнел.

Вдобавок ко всему где-то рядом – буквально рукой подать – завывала сирена. Коррин бросила изумленный взгляд на живот Мура, зажмурилась, глубоко вздохнула и поняла, что вздох был неуместен. Сюзан, к счастью, не обратила особого внимания на сирену, поскольку привыкла к тому, что время от времени отовсюду доносятся разнообразные звуки, а концепция радио выходила за пределы ее понимания.

Несчастный Стив вскоре откланялся, условившись, что завтра проведает Мура на работе. По крайней мере, он на это надеялся. Инфернальная сирена продолжала оглушительно улюлюкать, и Стив был почти уверен, что ответственность за этот звук лежит на хозяине дома. Он пришел к выводу, что Мур то ли сходит с ума, то ли приобрел неукротимое пристрастие к розыгрышам.

Коррин и Сюзан отправились спать пораньше. Сюзан решила лечь в одной комнате с золовкой, и та, исполнившись сочувствия, не стала возражать. Что касается Питерса, его застукали, когда он тайком обрызгивал спальню Мура лизолом. Мур велел ему проваливать к чертовой матери, после чего сердито разделся. У него уже начиналось похмелье, к тому же он пытался ответить на несколько загадочных вопросов. По всей видимости, кто-то рехнулся:

то ли он, то ли весь остальной мир. Кроме того, Мура изводило неприятное воспоминание о бородатом карлике, который грозил ему – чем? Каким-то проклятием Протея? «Чума на все твои пять чувств»?

Мур принял таблетку аспирина и завалился спать. В доме наступила тишина, прерываемая оглушительными завываниями агонизирующей сирены.

На следующее утро Мур дал деру, пока не проснулись Сьюзан и Коррин. Провел краткую воспитательную беседу с Банджо (тот был озадачен резким жужжанием, исходившим из хозяйского живота). Чарующий аромат тухлой рыбы сменился сильным запахом персиковых цветков, не вызывающим к утонченным собачьим вкусам. Банджо нерешительно обвил языком протянутую руку Мура, после чего ускакал прочь.

Заметно взбодрившись благодаря холодному душу и ресторанному кофе, Мур вошел в юридическую контору и даже улыбнулся секретарше, опасно красивой брюнетке с непростыми глазами. Аморальные у нее глаза, иной раз думал Мур.

– Доброе утро, – оживленно поздоровалась секретарша. – Как поживаете?

– Прекрасно, мисс Брендон, – ответил Мур. – Что у меня по расписанию?

– Через полчаса встреча с мистером Уотсоном. Он звонил...

– Ах да. – Муру вспомнились прощальные слова Стива.

Опечаленный тем, что вскоре предстоит лицезреть крупную и оскорбительно пышущую здоровьем физиономию мистера Уотсона, он вошел в кабинет, плюхнулся за стол и стал разбирать почту.

Дела шли небыстро. Мур размышлял над какими-то юридическими бумагами, когда зажужжал интерком и секретарша возвестила, что явился мистер Уотсон.

– Пусть войдет, – разрешил Мур.

Дверь отворилась. Стив встал на пороге и улыбнулся – дескать, что было, то прошло. Протянулась его ладонь, готовая к сердечному рукопожатию. Он открыл рот и тотчас закрыл.

– Что ж, – сказал Мур, – входите. Присаживайтесь.

Стив послушался, но не до конца. Он осторожно вошел в кабинет, а садиться не стал. Вместо этого пригнулся, налег здоровенным туловищем на стол и недоумевающе уставился на Мура.

– Ну а теперь-то в чем дело? – осведомился Мур.

Стив едва заметно вздрогнул. Обвел глазами кабинет, отступил к двери и окликнул мисс Брендон. Та появилась в дверном проеме:

– Да?

– Вы сказали, что мистер Мур у себя.

– Ну да, у себя. Я...

– Его тут нет, – решительно заявил Стив. – Тут никого нет. Только гусь.

Мур разразился чередой проклятий, в которых широко фигурировало имя Стива.

– Слышали? – спросил Стив. – Он на меня гогочет.

Распахнув глаза, мисс Брендон вошла в кабинет и посмотрела на Мура. Тот ответил ей свирепым взглядом.

– Ой, и правда гусь! – воскликнула мисс Брендон. – Наверное, в окно залетел.

– Он домашний, а домашние гуси не летают, – возразил Стив. – Где же мистер Мур?

– Должно быть, вышел на минутку, – ответила сбитая с толку мисс Брендон. – Не желаете ли его подождать?

– Вы уволены! – выкрикнул Мур. – Что касается вас, Стив, сделайте одолжение, ступайте ко всем чертям! А я отправляюсь выпить. – В гневе он вскочил, промаршировал между застывшими фигурами Стива и мисс Брендон и открыл дверь, после чего захлопнул ее у себя за спиной и отбыл из конторы.

Оставшиеся с тревогой переглянулись, и Стив провел языком по пересохшим губам.

– Дверь, – сказала мисс Брендон. – Она открылась сама собой.

– Ну да, – кивнул после паузы Стив. – Когда к ней подошел этот гусь. Здесь творится что-то очень странное. Пожалуй, я не стану ждать мистера Мура. Как бы он льва с собой не привел. Или гориллу. До свидания, мисс Брендон.

Гусь тем временем проковылял по коридору и остановился перед лифтом. Дотянуться до кнопки вызова он не мог, но та все-таки вжалась в стену под давлением невидимого пальца. Вскоре прибыла кабина, открылась дверь, и цветной парнишка удивленно завертел головой, после чего возвестил:

– Ехаем вниз!

Мур вошел в лифт и понял, что лифтер смотрит на него, выпучив глаза.

По шахте зловещим эхом прокатился саркастический гогот. Недоумевающий парнишка закрыл дверь, опустил решетку и доставил пассажира в фойе, где гусь покинул лифт и чинно направился к ближайшему бару.

По неизвестной причине Мур то и дело вспоминал бородатого карлика. Он понял, что бесчисленные прохожие вновь бросают на него любопытные взгляды. Проклятье, что же с ним не так? Еще вчера вечером он вел разумную и упорядоченную жизнь, но теперь...

В голову постепенно закрадывалось подозрение, что дело плохо.

В баре он столкнулся со значительными трудностями. Бармен не желал принимать его заказ. Более того, он полностью игнорировал Мура, несмотря на лаконичные требования, произносимые тоном, способным пробудить любого бармена от самой глубочайшей апатии. Наконец Мур в сильном раздражении отошел от стойки и уселся за столик, но не успел собраться с мыслями, как по обе стороны от него разместились двое крупных подвыпивших джентльменов.

– В зале полно свободных мест, – резко произнес Мур. – Зачем садиться сюда? Этот столик занят.

Мужчины переглянулись, и один спросил:

– Джимми, ты это слышал?

– Да, – ответил Джимми, – слышал. И надеюсь, что больше никогда не услышу.

– У тебя что, несварение? – с надеждой спросил его приятель.

– У меня – нет, – помотал головой Джимми. – И у тебя тоже нет. Такой звук, наверное, мог бы издать слон. Или... или... – Он никак не мог нащупать нужное слово.

– Дюгонь? – пришел на выручку приятель.

Джимми обдумал этот вариант.

– Джо, – сказал он наконец, – а что такое дюгонь?

– Что-то вроде тюленя, – объяснил Джо.

Джимми смерил его долгим недовольным взглядом, покачал головой и торжественно заявил:

– Нет, это был не дюгонь. Смотри, вон официант. Официант, принесите скотч. Два скотча.

Завидев официанта, Мур решил обострить ситуацию. Ему не хотелось сидеть за одним столиком с двумя пьяными. И это был его столик. Его право на этот столик было приоритетным. Поэтому он потребовал...

Но официант не стал его слушать. Изумленно взглянув на Джимми и Джо, он в спешке удалился.

– Снова этот шум, – тихо сказал Джо, сдерживая тревогу.

– Я слышал, – ответил Джимми. – Надо сохранять спокойствие. Если есть шум, значит есть и его источник.

– Если? – переспросил Джо. – Ты же прекрасно знаешь, что этот шум не выдумка.

– Ну ладно, – миролюбиво сказал Джимми, – шум не выдумка. Он...

– Никудышные горькие пьяницы, вот вы кто, – с досадой проворчал Мур.

Словно по команде Джимми и Джо посмотрели на стул между ними. Какое-то время они хранили молчание, а потом Джо безжизненно произнес:

– Это гусь.

– Откуда тебе знать, что это гусь? – поинтересовался Джимми, на которого нашла охота поспорить. – Гуси по барам не ходят.

– Откуда мне знать, что это гусь? – иронически повторил Джо. – Сам посмотри. Если это не гусь, то кто?

– Вполне может быть гусыня, – поддался Джимми приступу вдохновения.

Мур решил, что с него хватит. Не дожидаясь своей выпивки, он вскочил со стула и пустился в бегство, а Джимми и Джо погрузились в бесплодный спор о гусях и гусынях.

Он чуть не столкнулся с Коррин и Сюзан: те возвращались из юридической конторы Мура, не застав его на рабочем месте.

– Ой! – сказал он, затормозив перед дамами. – Здравствуйте.

И получил болезненный пинок в живот. Сюзан пронзительно взвизгнула и глянула вниз. Под ногами у нее оказался гусь, судорожно хлопающий крыльями.

– Господи боже! – воскликнула Сюзан. – Бедняжка! Я на него чуть не наступила.

Мур едва не задохнулся от гнева. Кое-как перевел дух и с горечью произнес:

– Сюзан, это не смешно. Ни капли не смешно. Да что с тобой такое?

– Ему больно, – сказала Сюзан. – Только послушай, как он разгоготался.

И тут она сотворила нечто ужасное: нагнулась, взяла ошеломленного мужа на руки и стала укачивать, как младенца. Сознание Мура хрустнуло и надломилось; он вцепился в остатки рассудка, но тщетно. Проявив невообразимую ловкость рук, эта фокусница подняла мужчину весом сто шестьдесят фунтов и теперь укачивала его на углу Бродвея и Седьмой улицы.

Мур попробовал вырваться. Бесплезно.

– Поставь меня на место! – попросил он, едва не сорвавшись на крик. – Проклятье, Сюзан, хватит дурачиться! Поставь меня, а не то...

– Ой, бедняжка так перепугался, – мурлыкала Сюзан. – Может, он голодный? Коррин, чем питаются гуси?

– Не знаю, – ответила Коррин, наблюдавшая за действием со смешанными чувствами. – Если судить по виду, конкретно этот питается своими гусятами. Или человечиною. Будь осторожнее.

Но совет запоздал. Завидев в соблазнительной близи пухлую часть обнаженной руки своей супруги, Мур поступил не по-джентльменски. Проще говоря, укусил ее. Вскрикнув, Сюзан выпустила мужа, и тот тяжело шлепнулся на тротуар.

– Пришли гуси – пощипали, – сказала Коррин. – Сильно болит?

– Нет, – ответила Сюзан, инспектируя укушенное место. – Но должна сказать, что у тебя странное чувство юмора.

– И у гуся тоже, – подхватила Коррин. – Ты погляди на этого негодника – ишь как припустил!

Мур мчался по улице в панической попытке отделаться от жены. «Франкенштейнов монстр, а не женщина, – лихорадочно думал он. – Что же в нее вселилось? Откуда взялись эти невероятные силы? Надо же, пятнадцать лет прожил под одной крышей с этой амазонкой!»

Мур вздрогнул и удвоил скорость.

* * *

Вдруг у него на пути возник Стив Уотсон – он возвращался в контору Мура, проглотив для храбрости порцию ржаного виски. Стив всегда быстро соображал, а посему вник в ситуацию с первого взгляда. Прямо на него несся гусь – тот самый гусь, которого он видел раньше, – а в десяти футах от него стояли Сьюзан и Коррин.

Очевидно, гусь был домашний: должно быть, из хозяйства Муров. Стив не знал, что Муры занимаются разведением птицы, но предположил, что Бертран купил эту особь в качестве сюрприза для жены. А что, некоторые так поступают. Стив и сам однажды приобрел аллигатора, которого отправил почтой другу в подарок. Увы, получатель так и не набрался храбрости, чтобы отплатить дарителю доброй оплеухой.

Стив проворно изловил гуся и повернулся к дамам, сверкая улыбкой.

– Поймал! – торжествующе воскликнул он. – Видите, я всегда появляюсь вовремя! – Он приблизился к Сьюзан. – Это ваш гусь, верно?

В этот стратегически важный момент заклятие, наложенное бородатым карликом, временно выветрилось и к Муру вернулся облик, принадлежавший ему по праву рождения. Стив с ужасом понял, что падает под весом крупного и оказывающего энергичное сопротивление мужчины.

Мур не стал тратить время на пустые раздумья. Он сидел верхом на Стиве – тот распротерся на тротуаре и боялся шевельнуться, – и сейчас было самое время совершить убийство, и Мур сделал все, что мог: погрузил пальцы в горло и стал душить...

...Но тут Сьюзан узнала своего мужа. Да, его появление было в какой-то мере неожиданным, однако Сьюзан решила, что Бертрам выпрыгнул из ближайшего окна и налетел на Стива в припадке безумной ревности. Громко протестуя, она бросилась вперед и попыталась оттащить благоверного от задыхающейся жертвы.

– Уйди, – бросил Мур через плечо. – Через минуту я освобожусь.

Коррин предупреждающе свистнула и выкрикнула:

– Бежим! Казаки!

Сквозь растущую толпу протолкалась тучная фигура в синей форме. Мур почувствовал, как его отрывают от лежащего на асфальте Стива. Тот никак не мог отдышаться. Прибыли новые полисмены.

– Вам, – сказал первый полицейский, – необходимо пройти со мной.

Из толпы указали на Сьюзан:

– Она ему помогала!

Сьюзан и Стива тоже взяли под стражу. Коррин, чувствуя себя слегка чокнутой, попробовала выволить пленников: дернула первого полисмена за рукав, соблазнительно улыбнулась и с чувством объяснила:

– Совсем не обязательно их арестовывать. Они мои друзья. Просто... э-э-э... дурачились.

– Ах, вот как, – сказал полисмен. – Друзья, говорите? А вы, помнится, обозвали меня казаком? Что ж, судья Стюرم будет счастлив с вами познакомиться.

Горацио Стюرم – непогрешимый судья и записной щеголь, одетый с иголки, – сидел за судейским столом и рассматривал ногти. Уже много лет он украшал своим присутствием этот зал; не счесть нарушителей закона, повидавших это добродушное лицо с тонкими чертами и обманчивой улыбкой.

Теперь Горацио Стюرم поднял голову и не слишком любезно воззрился на четверых новопривывших:

– Доброе утро. Чем могу помочь?

– Обвиняются в нарушении общественного спокойствия, ваша честь, – объяснил полисмен, производивший задержание.

– Тише, тише. – Судья Стюм грозно поднял палец. – Какая необходимость вести разговор на столь неприятных тонах? Давайте лучше мило побеседуем. Зачем упускать такую возможность? В конце концов, мы не скоро увидимся с этими нарушителями. Очень, очень не скоро, – повторил он с некоторым злорадством.

– Ваша честь, – сказал без обиняков Стив, – на меня напали. Я...

– На вас? – Судья Стюм изумленно вскинул брови. – Немыслимо. Если бы эти слова исходили от присутствующих здесь очаровательных дам, я бы охотно поверил. Хотите сказать, что на вас напала одна из этих очаровательных особ? Или сразу обе?

– Нет, ваша честь, – возразил Стив, ошарашенный предположением судьи. – Это он на меня напал. Вот этот человек.

– То есть нападающей стороной были вы? – Судья Стюм перевел заинтересованный взгляд на Мура. – Мистер Мур, вы же адвокат, и вам известно, какими бывают последствия столь опрометчивых поступков. Не далее как на прошлой неделе вы защищали клиента, обвинявшегося в оскорблении действием.

– Мои действия были оправданы, – сказал Мур. – Он... взял меня на руки.

– Это ложь, – отрезал Стив. – Я взял на руки гуся.

Судья Стюм прищурился, внимательно обследовал ногти, снова поднял глаза на четверку перед судейским столом и негромко произнес:

– Прошу прощения. Пожалуй, я становлюсь глуховат. Что неудивительно, ведь мне приходится выслушивать массу лживых рассказов. – Он сделал многозначительную паузу. – Хотите сказать, что вы приняли мистера Мура за гуся? Или наоборот?

– Он выпрыгнул из окна. – Сьюзан решила внести в дело хоть немного ясности.

Судья устремил пытливый взгляд на супругу Мура.

– Ваши речи двусмысленны, – заявил он, – а показания неоднозначны. В этой загадке фигурируют трое действующих лиц: мистер Мур, вот этот джентльмен, ставший объектом нападения, и некий гусь. Вы хотите сказать, что один из них выпрыгнул из окна? И если да, то кто именно?

– Бертрам, – уточнила Сьюзан. – Мой муж. Мистер Мур.

– О каком окне идет речь? – спросил судья Стюм после долгих раздумий.

– Не знаю. – Сьюзан озадаченно развела руками. – Я не видела. Сперва Бертрама там не было, а потом он взял и появился.

Судья глубоко вздохнул и повернулся к Коррин:

– Юная леди, вы до сих пор не произнесли ни слова. Подозреваю, что вы единственный здравомыслящий участник сего квартета. Не соблаговолите ли изложить вашу версию этих постыдных событий?

Коррин провела языком по губам. Ей нездоровилось. Она истосковалась по тишине и спокойствию Таймс-сквер и нью-йоркской подземки. Однако, взяв себя в руки, она выпалила:

– В общем, мы с миссис Мур гуляли по Бродвею, и она наступила на гуся. Взяла его на руки, а гусь ее ущипнул. После этого появился мистер Уотсон. Он тоже подхватил гуся на руки, потому что тот удирал...

– Стоп! – перебил ее судья. – Достаточно. Более чем достаточно. Скажите, Хорган, действительно ли было необходимо задерживать этих людей?

– Я свои обязанности знаю, ваша честь, – флегматично произнес Хорган.

В этот момент Мур решил, что дело зашло слишком далеко. Он шагнул вперед и тихо обратился к судье:

– Позвольте объясниться, ваша честь. На самом деле все очень просто. Я вышел из себя. В этом не виноват никто, кроме меня, и я признаю свою вину.

– Так-то лучше, – удовлетворенно хмыкнул судья. – Похоже, вы по-прежнему в своем уме. Но почему вы вышли из себя? Все еще настаиваете, что этот человек взял вас на руки?

– На самом деле все началось раньше, – объяснил Мур. – Когда меня взяла на руки моя жена.

Судья Стюрм справился с зарождающимся приступом кашля, схватил судейский молоток, задумчиво посмотрел на него и промолвил:

– Можете отойти от моего стола, мистер Мур. И отойдите подальше. Не хочу, чтобы вы стояли рядом. От этого может пострадать моя репутация. Вы действительно хотите сказать, что эта молодая дама... предположу, что она ваша супруга... Нет, я не желаю об этом говорить.

Настороженный взгляд судьи на мгновение задержался на Сьюзан, а потом медленно переместился влево, где и остановился. Глаза Стюрма подернулись тусклой пеленой, он вмиг осунулся и постарел.

– Хорган, – тихо спросил он, – а где мистер Мур?

– Мистер Мур, ваша честь? Так вот же он, перед вами.

– Нет, Хорган, – прошептал судья, – мистера Мура здесь больше нет. Одно из двух: или он превратился в козла, или, проявив невероятную ловкость рук, поставил на свое место упомянутое животное, а сам скрылся от правосудия. Как бы то ни было, в зале суда сейчас находится самый настоящий козел.

– Ваша честь! – возмутился Мур. – Я протестую! И отказываюсь выступать в роли объекта розыгрышей!

– Вот, теперь он на меня блеет, – прошептал судья Стюрм тише прежнего. – Вы только послушайте.

– Козлы не блеют, ваша честь, – возразил Хорган. – Блеют овцы.

Судья долго разглядывал Хоргана, и того бросило в пот. Наконец Горацио Стюрм поднялся из-за стола и направился к двери.

– Ваша честь! – потрясенно воскликнул Хорган. – Вы что, уходите?

– Да, ухожу. А что, вас это не устраивает?

– Но как же подсудимые? – спросил Хорган с ноткой отчаяния.

– Хорган, – сказал судья вежливым и даже благожелательным тоном, – вы же слышали, как мистер Мур признал свою вину. И добавил, что все остальные невиновны. Теперь же, как мы видим, мистер Мур превратился в козла. Я назначаю ему штраф: десять долларов, включая судебные издержки. Вы, Хорган, можете взыскать с него эту сумму.

Едва заметно пошатываясь, судья Стюрм удалился к себе в кабинет, где долго и жадно пил из коричневой бутылки. В тот день он больше никого не судил – пожалуй, к лучшему для обвиняемых.

Тем временем Мур, бормоча проклятия, приблизился к Хоргану и попытался вручить ему десять долларов, но, вместо того чтобы взять деньги, полицейский стал толкаться и восклицать:

– Уходи! Кыш!

Наконец Мур оставил напрасные попытки уплатить штраф. Сьюзан, Коррин и Стив уже удалились, Мур уныло последовал за ними. Вышел из мэрии и вдруг понял, что находится в одном квартале от вокзала «Юнион депо».

По какой-то необъяснимой причине Мура потянуло на пустырь. Прохожие держались от него на почтительном расстоянии, и им овладело непривычное одиночество. Он зорко высматривал полисменов, но, по счастью, не увидел ни одного человека в синей форме.

Добравшись до вокзала, Мур перешел дорогу и стал бродить по пустырю. Неужели тут действительно была куполообразная таверна? Конечно нет. Это невозможно.

К его ногам, подмяв траву, прибилось перекасти-поле с парой блестящих злобных глазок. Мур подумал, что спутанный клубок белоснежных завитков выглядит знакомо, и утвердился в этой догадке, когда увидел заскорузлую коричневую ручонку.

– Козел из тебя неважный, – проворчал карлик. – Я бы даже сказал, шелудивый. Что теперь скажешь про иллюзии?

Мура затошнило, голова закружилась от жаркого солнца. Наверное, все это ему мерещится.

– Ну? – спросил карлик. – Прав я был или нет?

– Да, – ответил Мур после паузы. – Вы были правы. Или же я начисто спятил.

– Успокойся, ты не спятил. Это обычная магия. Чары иллюзии, вуаль Протея. А я волшебник – ну, в каком-то смысле.

– А вы... можете снять проклятие? – сорвался вопрос у Мура с языка.

– Ясное дело. Я же не собирался всю жизнь тебе испортить. Просто захотелось проучить. На, держи. – Карлик протянул ему хрустальную бутылочку. – Просто выпьешь, и все. Нет-нет, не сейчас. Подожди, пока не примешь свой обычный вид. Это *эликсир потентис*. Проглоти, и снова будешь в норме.

– Ага. – Мур забрал у карлика склянку. – Спасибо.

– Не за что. Главное, не спеши. Если выпьешь эликсир прямо сейчас, на всю жизнь козлом останешься. Он же не меняет тебя, а просто замораживает в нынешней форме. Прежде чем откупорить бутылочку, убедись, что другие тоже видят в тебе человека. Будь осторожен. Это тебе не игрушки, а... иллюзии.

Последнее слово превратилось в дуновение ветерка, карлик исчез, и по пустырю закувыркалось самое обычное перекасти-поле.

Какое-то время Мур разглядывал бутылочку, потом сунул ее в карман и побрел прочь. Теперь надо ждать, пока он не примет свою обычную форму. Но когда же это произойдет?

Он кое-как добрался до дома. Завидев хозяина, Банджо взвыл от ужаса и пустился в бегство. Мур потихоньку вошел через заднюю дверь и оказался на кухне.

Там его приветствовал Питерс. Стариковское лицо оставалось невозмутимым, но Мур знал, что Питерс с одинаковым стоицизмом лицезрел бы хоть человека, хоть козла, хоть кашалота. Поэтому существовал только один способ во всем убедиться.

– Здравствуйте, Питерс, – осторожно сказал Мур. – Моя супруга... Она уже дома?

– О да, – ответил Питерс. – Делает себе коктейль. А мисс Коррин уезжает. Возвращается в Нью-Йорк. Жаль, что она так недолго у нас погостила.

У Мура словно гора с плеч свалилась. Он схватил Питерса за руку:

– Скажите, я нормально выгляжу? То есть как обычно?

Питерс подтвердил, что Мур похож на самого себя, после чего удалился из кухни. Со вздохом глубочайшего облегчения Мур извлек из кармана виал с эликсиром и вытащил пробку.

– Бертрам! – позвала Сьюзан из глубин дома. – Это ты?

На мгновение Мур растерялся, после чего проглотил эликсир, бросил пустую склянку в мусорное ведро под раковиной и повернулся к двери.

Та распахнулась. Вошла Сьюзан. Замерла на пороге и выронила бокал, который разлетелся вдребезги.

– Не пугайся, это всего лишь я, – улыбнулся Мур.

Но Сьюзан, не слушая его, развернулась и выбежала из кухни. Ее вопли эхом прокатились по коридору и отозвались у Мура в ушах:

– Питерс! Коррин! Спасите! Вызывайте полицию! У нас там лошадь!

Допуск на ошибку

У Фергюсона уже возникало это чувство, но таким сильным оно не бывало никогда. Прежде он не раз ощущал, как в сознании сквозит легкая тревога, но та исчезала быстрее, чем ее удавалось распознать. Однако раньше он не разговаривал с Бенджамином Лоусоном.

Теперь же тревога задержалась, собралась с силами, пробила броню сознания и достучалась до самой сути Фергюсона. Пора освободить ее и дать ей имя.

Имя? У подобных тревог не бывает имен.

Был когда-то в ходу афоризм: социальный кризис порождает человека, способного преодолеть этот кризис. Или не было такого афоризма? Пару секунд Фергюсон нащупывал гипотетический колышек, желая повесить на него смутные подозрения, но попытка не увенчалась успехом. Отринув замешательство, он с подозрением посмотрел в глаза Бенджамину Лоусону, и тревога послушно унялась. Ее заметили. Теперь можно подождать.

Из недолгой экскурсии в подсознание Фергюсон не вынес почти ничего полезного – разве что рассмотрел в Лоусоне нечто неблагонадежное и укрепил веру в свою интуицию. Разум не имел здесь права голоса. Фергюсон попросту знал – по-настоящему знал, – но понятия не имел, что именно он знает.

Он сообразил, что уже много лет ждал этой встречи... с кем?

С Бенджамином Лоусоном.

Он помнил, как все началось.

В одном из кабинетов СЛП телевизор назойливо зажужжал, и экран вспыхнул ярко-красным. Мистер Грег Фергюсон, чьей квалификации с избытком хватало для должности вице-президента, машинально включил дешифратор и подмигнул посетителю. До эпохи контроля за атомной энергией Фергюсона непременно сочли бы правонарушителем, но здесь, в СЛП, он стал неотделимой и весьма полезной шестеренкой общественного механизма. Его вовсе не беспокоил тот факт, что в компании служат еще четыреста девяносто девять вице-президентов.

Что касается аббревиатуры СЛП, она расшифровывалась как Федеральное бюро страхования, лотерей и попечительства.

– Рядом с именем мистера Фергюсона стоит метка «свободен», – сообщил голос. – Требуется рассмотреть предполагаемый акт мошенничества.

– В неведении сей глупый инструмент, – заметил Фергюсон. – Нашу контору не обманул бы сам Калиостро. Но да, попытки случаются.

На экране появился желто-голубой символ воспроизведения.

Мистер Дэниел Арчер радостно улыбнулся. По профессии он был посредником, то есть адвокатом, социологом, секретарем и рекламным агентом в одном лице. Арчер работал на политика по имени Хайрам Рив. Именно поэтому он уже полчаса сидел в кабинете у Фергюсона, выслушивая его малоубедительное бахвальство о безупречности СЛП.

– Вагнер... – начал телевизор.

– Передайте роботу, что ему пора в отпуск, – велел Фергюсон. – Не Вагнер, а Бен Лоусон. Я прав, мистер Арчер?

– Совершенно верно, – кивнул тот. – Разумеется, сигнал может оказаться ложным, но мы предпочитаем не рисковать. За всех не скажу, но лично для меня риск неприемлем.

Фергюсон задумался, а экран озадаченно порозовел, после чего замигал всеми цветами радуги в поисках записи с Беном Лоусоном.

Посредники не впервые консультировались с Фергюсоном. По своей природе все они были педантичными дознавателями – в ином случае их шефы не удержались бы у власти. Вопрос «казенной кормушки» не играл для них особой роли, поскольку услуги хорошего посредника пользовались неизбывным спросом и любой человек этой профессии был вправе

переметнуться от одного патрона к другому, случись тактическим решениям шефа разойтись с принципами здоровой социологии. Арчер был невысоким толстяком с циничной ухмылкой и умным взглядом.

– Дело Вагнера, – заговорил Фергюсон, пока они ждали. – Простое дело, если не сказать простейшее. Тогда я действовал по плану «Самоубийство». Вагнер все просчитал. Разве что не был уверен, что ему выдадут полис...

– Думаю, в этом сомневается любой нечистый на руку клиент.

Фергюсон решил, что Арчер валяет дурака. Ну и пусть. Сам Фергюсон любил поговорить о принципах СЛП и специфике своей работы. Ему не приходило в голову, что эта любовь произрастает из желания очистить совесть.

– Вот именно. В общем, когда заявление одобрили, Вагнер изрядно удивился. Двойная компенсация в случае самоубийства, совершенного любым способом. Предположу, что с тех самых пор он пытается перерезать себе горло. Кстати говоря, теперь Вагнер хочет купить страховку от несчастных случаев и гражданской ответственности. Похоже, боится случайной смерти – ведь от нее он не застрахован.

– И ему продадут этот полис?

– Почему бы и нет? Я же озвучил усредненную процентовку. На несчастном случае мы не проиграем, мистер Арчер. Это исключено. А вот и запись с Лоусоном. Давайте посмотрим.

Арчер подсел к телевизору. В его спокойных глазах загорелся огонек. На экране появился захолустный офис СЛП. Клерк – самое заурядное «лицо компании» – вставал из-за стола, приветствуя вошедшего клиента. Фергюсон тронул рычажок на вспомогательном мониторе и бегло просмотрел материалы дела, собранные и отсортированные служебными роботами:

«Мозговое излучение в норме... подозрительные сигналы glandулярного аппарата отсутствуют... надпочечники работают в нормальном режиме... температура тела стабильная, 37,1, что приемлемо для клиента после легкой физической нагрузки...»

– Уверен в себе, – сказал Фергюсон. – Все просчитал, замыслил идеальное преступление, но ему так только кажется. Это он?

Арчер кивнул, и оба стали рассматривать Лоусона, самого обыкновенного юношу, напоминавшего штамповку, на чьей матрице значилось бы «Идеальный образчик молодежи, здоров душой и телом», крепкого голубоглазого блондина с приятной улыбкой и, предположительно, полным отсутствием забот.

– Мистер Лоусон? – спросил клерк на экране.

– Он самый. Бен Лоусон.

– Присядьте, пожалуйста. Чем могу помочь? Как понимаю, вы не по вопросу попечительства. Или уже женаты?

– Я? Женат? – улыбнулся Лоусон. – Нет, и пока не собираюсь. Как только запланирую детей, незамедлительно поставлю вас в известность.

Клерк исполнительно посмеялся.

– Стало быть, страховка или лотерея. Могу предложить «Пимлико», квинслендский «Королевский синий», ирландский...

– Я не играю в азартные игры, – отказался Лоусон. – Мне нужна страховка с покрытием этих условий. – Он выложил на столешницу лист бумаги.

– Страховыми у нас считаются любые случаи, кроме антиобщественных, – сказал клерк. – Пожар, провал, подлог, преступление, паника, припадки, порицание, порча... – То была стандартная комическая реприза СЛП. Однако, просматривая список, клерк запнулся, а потом и вовсе умолк. Нахмурил брови, бросил взгляд на Лоусона и спросил: – Значит, в азартные игры не играете?

– Ну... Если не считать страхование азартной игрой. Что не так? В списке значится что-то антисоциальное?

– У нас гибкие правила насчет антиобщественных поступков, – нерешительно сказал клерк. – К примеру, убийство, безусловно, является таковым, но мы боимся от убийства и от большинства других преступлений, за исключением случаев «плохого риска». Как понимаете, мы проведем всестороннее обследование...

– Насколько мне известно, я полностью здоров.

– Дело не только в здоровье, сэр. Мы проверим вашу биографию, условия жизни, круг общения...

– Как все непросто, – заметил Лоусон.

Клерк сглотнул, опустил взгляд на список и тихо проговорил:

– Лягнуть полисмена... И это, как вижу, самый скромный из ваших запросов.

– В своде правил бюро такой поступок расценивается как антисоциальный?

– С ходу не скажу. Однако все эти... случаи... весьма маловероятны. Советую обратить внимание на другие полисы. После всестороннего изучения личности мы с радостью подберем идеальный вариант – думаю, более уместный, чем...

– Как знаете, – сказал Лоусон. – Но мне нужна именно такая страховка. Если не получу ее здесь, пойду к вашим конкурентам. Я составил целый список вариантов – на тот случай, если какие-то из пунктов не устроят СЛП, – и он далеко не исчерпан.

– Растворить фенилтиомочевину в городском водохранилище, – пробормотал клерк. – Вы хотите застраховаться от... собственноручного растворения фенилтиомочевины в городском водохранилище?

– Ага, – энергично кивнул Лоусон.

– Хм. Эта фенилтиомочевина, она токсичная?

– Не-а.

– И вы намерены растворить ее в городском водохранилище?

– От этого я намерен застраховаться, – объяснил Лоусон, устремив на собеседника невинный взгляд голубых глаз.

– Понятно... – Клерк пришел к какому-то умозаключению. – Вы не могли бы заполнить стандартный опросник? Мы все проверим и назначим следующую встречу.

– Насчет взносов... Надеюсь, они будут достаточно низкие, чтобы я не разорился?

– Взносы будут разные.

– Денег у меня немного, – сказал Лоусон, – но что-нибудь да придумаю. – Он помолчал и улыбнулся. – Итак, опросник.

– Прошу к визору. – Клерк поколдовал над устройством. – Как закончите, будьте добры подать сигнал. Просто нажмите на эту кнопку...

Он вышел, и визор принялся делать фотографии Лоусона, количественные и качественные, стереоскопические и рентгеноскопические, после чего сказал – живенько, но по-механически грубовато и даже заносчиво:

– Представьтесь полностью, пожалуйста, начиная с фамилии.

– Лоусон, Бенджамин.

– Возраст?

– Двадцать один год.

– Дата рождения?

– Девятое апреля две тысячи...

В местной штаб-квартире бюро Фергюсон нажатием пары кнопок вывел на экран выдержку из «Британской энциклопедии», изучил ее и кивнул Арчеру. Тот спросил:

– Что за?..

– Пишут, химическое вещество, производное углерода, водорода, азота и серы. Семеро из десяти человек скажут, что оно чертовски горькое, а остальные трое сочтут его безвкусным. Восприятие зависит от наследственности – доминантного или рецессивного гена.

– Оно токсичное?

– В больших дозах любое вещество токсично. Даже аш-два-о: ведь люди то и дело тонут в воде. Но зачем растворять фенил... фенилтиомочевину в городском водохранилище? Почему не мышьяк, если Лоусон хочет кого-то убить?

– А он хочет?

– Пока не знаем. Ведется проверка. Очень странно. И слегка нелепо. Вознамерившись перехитрить СЛП, человек действует с позиций логики и тщательно скрывает истинные намерения, а этот Лоусон буквально признается во всем, что планирует сделать. Только не спрашивайте, возьмем ли мы такого клиента. Все зависит от результатов проверки.

– Лягнуть полисмена... – мечтательно повторил Арчер, чей взгляд оставался пронзительно-острым, а лицо безмятежным. – Что еще перечислено в списке?

– Вот он, на экране. Требования весьма своеобразные. Лоусону нужно не только финансовое покрытие, но и оговорка насчет безнаказанности, исключая любые юридические последствия.

– Как федеральное бюро, СЛП предоставляет такие гарантии, верно? Допустим, он лягнет полисмена...

– Если мы выдадим такой полис, – строго заметил Фергюсон, – у Лоусона не будет никакой возможности лягнуть полисмена. За этим я прослежу. Пусть мальчишка думает, что в его силах обмануть СЛП, но меня ему не одурачить.

– Принимаете близко к сердцу? – пристально взглянул на него Арчер.

– Естественно. Ведь я, как социально интегрированная личность, умею направлять побуждения в конструктивное, а не деструктивное русло. Я горжусь своей изобретательностью, мистер Арчер, и горжусь нашим бюро. Где еще я нашел бы применение своим способностям? Разве что в роли посредника.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Арчер. – Буду рад, если развеете мои тревоги насчет этого Бена Лоусона. Пока что он видится мне парнем с причудами – что называется, блаженным, – но по опыту знаю, что всякий альтруист стремится извлечь из своего альтруизма личную выгоду.

Что касается Фергюсона, тот уже считал Лоусона врагом СЛП.

– Фенилтиомочевина, значит? – сказал он. – Что ж, я вправлю ему мозги!

Принципы бюро были заложены в Чикаго, Аламогордо и Хиросиме – из необходимости, поскольку основывались на нестабильности атома. Ядерная война разразилась в самый неудачный – и в самый удачный – момент. Взорвись глобальная боеголовка в середине сороковых, все закончилось бы катастрофой и багряным пепелищем. Но этого не случилось. Начнись война после того, как атомную энергию довели до совершенства, а методы ее производства ускорили и улучшили самым радикальным образом, грядущая цивилизация, вероятно, переселилась бы на соседние планеты, а Земля стала бы вторым Солнцем. Грубо говоря, разница примерно такая же, как между двумя пистолетами: первый с единственным патроном в патроннике, второй с полным магазином. Не успело глобальное мышление вернуться к привычному послевоенному уровню – то есть к восторженно-оптимистичной надежде, что следующий нырок на этих американских горках или чрезвычайно далек, или не состоится вовсе, – как была достигнута точка предела. На фоне обострения международной политики и спада национальных экономик буйным цветом расцвела атомная энергетика. К счастью, падение оказалось болезненным, но не смертельным. Случилась ядерная война – не умеренный катаклизм, коим она была бы в 1946 году, но и не всепоглощающая катастрофа, какой она стала бы десятилетием позже. Эта война всего лишь истребила большую часть населения планеты.

Что, разумеется, было неизбежно.

Как и последующее восстановление цивилизации. Главным преимуществом глобального упадка стала невозможность узкой специализации и необходимость агрегирования. В силу очевидных причин биологи, психологи, физики и социологи были вынуждены объединить усилия. На почве физической децентрализации произрос федерализм мысли и действия. Словно по волшебству, выжившим удалось создать вполне стабильное мировое правительство. Поначалу средоточием человечества стала небольшая область к северу от города Мак-Чанк, что в штате Пенсильвания, но затем цивилизация разрослась, чему в немалой мере способствовали сохраненные технологические знания. Реконструкции, однако, не было видно ни конца ни края.

Острее прочих встал детский вопрос. Сиюминутным решением могло бы послужить детоубийство, но при мысли о будущем человечества такой вариант не выдерживал критики. На фоне растущего бесплодия, обилия мутаций и снижения нормального воспроизводства деторождение поощрялось, но необходимо было решить жизненно важную проблему всеобщей незрелости.

Иными словами, мало кто продолжал взростеть после того, как дал потомство. По меньшей мере один из родителей застревал в развитии, так и не достигнув полной психологической зрелости.

В отличие от горилл.

По непонятной причине Фергюсон занервничал и пустился в пространные объяснения, в то время как Арчер слушал его со всеми признаками крайнего интереса – должно быть, потому, что теперь вице-президент стал новой переменной в не решенном пока уравнении. Как бы то ни было, Арчер слушал, а Фергюсон говорил:

– Человек инфантилен. Это докажет любой естествовед или биолог. Или социолог, если уж на то пошло. – Он благополучно забыл, что у его гостя имеется ученая степень по социологии. – Наши черепные швы не срастаются, поведенческие привычки остаются детскими, а пропорции наших тел... ну, физически мы сложены как недоразвитая горилла и ведем себя примерно так же. Мы социальный вид, нам нравится физический контакт, нравятся состязательные игры; мы обожаем шумную возню... не все, но подавляющее большинство. Признаю, что именно эта незрелость вынуждает нас шевелиться. Мы не уверены в себе и потому экспериментируем. Но взрослому самцу гориллы не нужно экспериментировать. Он идеально вписывается в окружающую среду. У него есть кормовая территория и личный гарем, а единственная опасность исходит от молодых самцов, положивших глаз на его самок. У гориллы скверный нрав и полная самодостаточность. А у нас все наоборот, это как Бог свят, иначе мы не закатывали бы столько вечеринок!

– Цель СЛП – форсировать взросление человечества, – сказал Арчер.

Непонятно было, вопрос это или утверждение.

– В нашем обществе дети являются помехой, – продолжил Фергюсон. – Самец гонит подросших детенышей прочь, и они, имея все средства для выживания в джунглях, могут о себе позаботиться. Но цивилизация создала еще более смертоносные джунгли, и выжить в них мог далеко не всякий взрослый. Обеспечение детей всем необходимым ложилось на плечи индивидуума, и в результате сформировалось общество, где мужчина доминировал, а женщина занимала подчиненное положение. Конечно, я утрирую, но в доатомных городах воспитание детей считалось работой на полную ставку. Представляете, как это невыгодно?

Арчер облизнул пересохшие губы.

– Выпейте, – предложил Фергюсон. – Заодно и мне закажите скотч с содовой.

Ожидая, он повернулся к огромному окну со скругленной рамой. Взмахнул рукой, и по этому сигналу медленно пульсировавший цветовой узор собрался в складки, будто занавес, водопадом сбежал по стеклу и исчез, открывая вид на улицу. Город был малолюдным, но с учетом всех его парков занимал огромную площадь.

«Так и должно быть, – подумал Фергюсон. – Безопасность прежде всего».

Это был исцеляющийся мир, организм по существу уже здоровый, но восприимчивый к множеству метафорических болезней. Людям с восприимчивостью к раку следует избегать непрерывного раздражения тканей, ведь рак – это неконтролируемый и патологический рост клеток. С другой стороны, контролируемый рост приемлем и даже благоприятен. С атомной энергией все точно так же.

Избегай раздражения.

По сути дела, при СЛП люди жили в свое удовольствие. Понятно, нельзя получить все и сразу. От невроза не избавишься за пару дней. Но ядерная война была эквивалентом электрошоковой терапии. В общем масштабе СЛП воплощало в жизнь паллиативный план, а в индивидуальном порядке предлагало гражданам страховку.

Застраховать можно было не все, ведь утопий не бывает и даже у суперменов имеются суперпроблемы. СЛП правило железной рукой, но в бархатной перчатке, чье прикосновение так обожают кинестетики. Атомный рак обуздали бескомпромиссной хирургией, но он успел просочиться в кровоток. Поэтому, за неимением лучших вариантов, бюро избегало раздражения и ограждало выздоравливающий мир от новых болезней, провоцирующих нежелательную ирритацию. Пробудить латентный рак могла любая социологическая инфекция, но пока люди были здоровы, они оставались в относительной безопасности.

Это касалось и Грега Фергюсона.

За него отвечало СЛП, гарантируя своей доктриной, что вице-президент бюро не станет источником вредоносного раздражения. Фергюсон играл роль пресловутого болта с нестандартной резьбой, найденного под хитрую гайку. Возможно, он был менее зрелым – вернее сказать, более незрелым, – чем другие. Возможно, он нуждался в чувстве безопасности, стабильности, уверенности в будущем и видел все это в логотипе СЛП.

На самом деле он не просто нуждался в этом чувстве. Фергюсон жить без него не мог.

В одночасье мир не перестроить. При обилии технологических знаний в мире ощущалась острая нехватка людей. Другими словами, работы непочатый край, и поэтому СЛП купировало факторы, замедлявшие взросление. Для поддержания исследовательской деятельности, не дающей мгновенных результатов, требуется достаточно большая популяция, а если один человек из каждой пары занят воспитанием потомства, потенциальную рабочую силу придется делить надвое. Поэтому детей отдавали в попечительские ясли. Взяв за образец детенышей гориллы, способных выжить в дикой природе, для человеческих малышей создали безопасные джунгли, чтобы избавить родителей от груза ответственности и предоставить им условия для дальнейшего взросления.

Это стало возможным благодаря Федеральному бюро страхования, лотерей и попечительства. Финансировать ясли из налоговых сборов было нельзя: правительство стремилось не стимулировать раздражение, а избегать его. Лотереи приносили немалую пользу, но главным и окончательным решением проблемы стало страхование. Именно страховка позволяла выпустить пар, давала ответ на все тревожные вопросы и пресекала зарождавшиеся неврозы, из-за которых в основном и обращаются в страховую контору, – как известно, в старые добрые времена на то имелось множество причин. Теперь же СЛП предлагало страхование на любой вкус.

Человек покупает страховой полис либо из опасений, что случится нечто нежелательное, либо в надежде на то, что случится нечто желанное. Зачастую это вопрос социальной или персональной патологии.

Взрослая горилла, однако, обходится без страховки.

– Вот вам пример клиента с потенциальным психозом.

Фергюсон повернул к гостю экран визора. На нем появилось лицо вполне обычного человека.

Арчер поднял брови.

– Хочет застраховаться от инфекционных заболеваний, – объяснил Фергюсон. – Как понимаете, взносы довольно высоки. Мы еще не извели всех мутировавших насекомых, хотя после биологических баталий у человечества выработался стойкий иммунитет к инфекциям. Но давайте посмотрим отчет по этому клиенту.

На экране замелькала информация. Арчер ждал.

– Итак?

– Не вижу ничего необычного, – признался посредник.

– Да ну? И не понимаете, почему впоследствии этот парень захочет купить страховку от самоубийства?

– Хм... Самоубийство? С какой стати? Он полноценный член общества. Приносит пользу, доволен жизнью...

– Что насчет необычных покупок? Загляните в аптечный список.

– Так... Калийное мыло, бактерицидные вещества, ультрафиолетовый стерилизатор для входа в помещение...

– Два стерилизатора. Один для работы, другой для дома. У этого парня развивается хрестоматийный случай молизофобии. Нет-нет, это не боязнь моли, это страх перед загрязнением. Остальное – шаблонная задача для нашей психкоманды. Думаю, с первоначальным раздражителем клиент столкнулся, когда приезжал домой из ясель. Испачкал сестру какой-то грязью, сделал ей больно, родители, не подумав, подняли шум, и вот вам комплекс вины. Рано или поздно парень услышит за деревянной облицовкой стен голоса, обвиняющие его во всех смертных грехах. Теперь понятно?

– Ах вот как... И что, этому потенциальному молизофобу выдадут полис? – спросил Арчер.

– Конечно. Почему бы и нет? Главный фокус мы провернем, когда клиент явится на последнее собеседование.

– О да, гипноз! Об этом хотелось бы узнать во всех подробностях.

– Что ж, – сказал Фергюсон, – в страховании есть понятие рисков: «хорошего» и «плохого». С помощью гипноза мы превращаем «плохой» риск в «хороший», исцеляя клиента и вместе с тем направляя его неврозы в нужное русло. Если исключить случайные совпадения, СЛП останется в прибыли. Иного быть не может, ведь подсознательно этот клиент стремится к смерти. Рано или поздно он, сам того не желая, намеренно заразится какой-нибудь болезнью. Он ищет наказания. Вот вам и вся молизофобия.

– Отчет по Бенджамину Лоусону, – объявил телевизор.

– Отлично, – сказал Фергюсон. – Выводите на экран.

Неделю назад Лоусону исполнился двадцать один год. Абсолютно нормальный парень. Даже незначительные отклонения, замеченные за ним во время учебы, укладывались в привычные рамки; отсутствие подобных мелочей выглядит подозрительно и влечет за собой отдельное расследование. Все дети подсаживают лягушек в учительский стол, а за неимением лягушек в ход идут грызуны, насекомые или пресмыкающиеся.

В свой двадцать первый день рождения Лоусон мог выбрать одно из нескольких мест работы, соответствующее его подготовке. Сферой компетенции Лоусона была общая интеграция: он изучал все подряд, но весьма поверхностно. Однако вместо трудоустройства он взял месячный отпуск, предоставляемый по желанию выпускника. Почти весь месяц Лоусон просидел в родительском доме (его приезд вызвал у матери с отцом умеренную радость), где прочел множество новостных пленок, после чего связался с правительственным советником по имени Хайрам Рив и предложил тому вынести на рассмотрение властей законопроект о пенсии по инфантилизму. По этой причине в кабинете Фергюсона сейчас находился Арчер: как уже известно, он был посредником Хайрама Рива.

– Если подробнее, – сказал телевизор, – Лоусон предложил инвертировать пенсию по старости. Начиная с рождения дети будут получать пособие, пока не достигнут биологической зрелости. Советник Рив согласился представить такой законопроект...

– Но не сделает этого, – пробурчал Фергюсон себе под нос. – Перед выборами чего только не наобещаешь.

– Последние два года Лоусон изучал следующие дисциплины: биологию, мутацию, биологическое и энтропийное время, эндокринологию, психологию, патологию, социологию и философию юмора, причем не поверхностно, а весьма интенсивно. Предполагается, что...

– Покажите записи из дома. Последние несколько дней, – потребовал Фергюсон. – Что он читает?

Он склонился к экрану, хотя в том не было нужды: изображение уже встало на паузу. Улыбчивый мистер Лоусон, лениво развалившись в релаксере, штудировал книгу «Шутки Джо Миллера».

Несколько дней спустя Лоусона вызвали на собеседование в СЛП, где он повстречался с Грегом Фергюсоном – тот прилетел часом раньше, чтобы принять у клиента «выпускной экзамен». К встрече надо было подготовиться. В прошлом клиенту могли отказать в страховке от пожара, если в его здании не имелось пожарных выходов; теперь же в контракте оговаривалось, что «пожарные выходы» будут встроены в психику каждого страхователя. Более того, их конструированием занималось само СЛП.

– Надо понимать, мистер Лоусон, – сказал Фергюсон, – что полис будет аннулирован в случае отказа от дополнительного обследования – если мы решим, что таковое необходимо.

– Да, конечно. Меня это устраивает. Итак, я получу страховку?

– Вам нужен отдельный полис на каждый из перечисленных случаев?

– Да. Если, конечно, не разорюсь на взносах.

– Итого двадцать пять полисов, – сказал Фергюсон, – покрывающих изрядный диапазон происшествий. Естественно, по каждому будут разные взносы. Допустим, страховка от вывиха голеностопного сустава – это «плохой риск». Мы предпочли бы застраховать вас от дождя, поскольку научились управлять погодой. Что касается вашего списка, он попросту непомерный. Чего в нем только нет, от змеиного укуса до неурожая апельсинов во Флориде. Кстати говоря, неурожаев больше не бывает.

– Если речь идет о климатических условиях, – добавил Лоусон. – Помните, как несколько лет назад мутанты-долгоносики сгубили весь хлопок в Южной Каролине?

Фергюсон кивнул:

– То есть вы ставите на шанс, что подобная мутация уничтожит апельсины во Флориде?

– Вернее сказать, я ставлю против этого шанса, и некоторые из полисов непременно окупятся.

– Вы так думаете? – спросил Фергюсон. – Не забывайте, вам придется выплатить ощутимые взносы, и азартные игры против случайной вероятности весьма опасны.

– Можно? – Лоусон взял у Фергюсона листок с расчетами, просмотрел его и присвистнул. – На пятый пункт никаких денег не хватит. Почему?

– Вы о страховке от преднамеренного заражения окружающих сенной лихорадкой? Для начала, такой факт непросто доказать. Но, что гораздо важнее, мы видим, как вирусы то и дело мутируют. Аллергия – коварная штука. Да, вас можно застраховать, но это недешево. И зачем заражать кого-то сенной лихорадкой? Откуда такое желание?

– У меня нет такого желания, и я хочу застраховаться от него, мистер Фергюсон, – любезно ответил Лоусон. – Но, как вижу, этот пункт мне не по карману. Хотя остальные... – Он быстренько подсчитал в уме. – Пожалуй, на первый взнос наскребу.

Фергюсон внимательно наблюдал за молодым человеком. К тому времени он изучил Бена Лоусона вдоль и поперек, проверил его наследственность и поведенческие шаблоны, выяснил,

как устроен клиент и почему он устроен именно так, а не иначе. В Лоусоне не было совершенно ничего подозрительного, но интуиция Арчера подсказывала обратное.

Однако мнение посредника не являлось основанием для отказа, поэтому Фергюсон сказал вот что:

– Мистер Лоусон, я обязан вас предупредить. Если заплатите только первый взнос, в итоге потеряете и деньги, и страховку. Поэтому устройтесь на работу, чтобы раздобыть деньги.

– Разве кто-то обязан устраиваться на работу?

– Нет, если он намерен жить впроголодь. Даже тем, кто прозябает на пособие, приходится обрабатывать его человеко-часами.

– Вот как? – удивился Лоусон.

– Наша страховка безупречна. Мы обязуемся выплатить компенсацию и при необходимости выплачиваем ее, но так бывает лишь в случае, если ситуация развивается по неуправляемым законам непредвиденных обстоятельств. Если же речь идет о личном факторе, мы никогда не проигрываем, а в вашем случае я не вижу ничего, кроме личного фактора. Разве можно растворить фенилтиомочевину в городском водохранилище не преднамеренно, а случайно?

– А что, нельзя? Совсем никак?

– Такой шанс астрономически мал, если только вы не научились влиять на законы вероятности.

– Если бы научился, вы были бы в курсе, ведь я прошел всестороннюю проверку.

– Вы правы, – кивнул Фергюсон. – Чтобы попасть в водохранилище, требуется соответствующее решение, а вы не можете... вернее, не сможете его принять.

– Не смогу?

– Это практически исключено. Эффективность гипнотического вмешательства гораздо выше, чем кажется. Вы попросту не сумеете сделать то, от чего застрахованы.

– Что ж, меня это устраивает, – сказал Лоусон. – Кому же захочется растворять фенилтиомочевину в городском водохранилище?

Глядя на молодого человека, Фергюсон переживал необъяснимое дежавю. Это ему не понравилось. Он не шевельнулся и не сказал ни слова, но позволил потоку свободных ассоциаций – под которыми подразумевались ассоциации селективные – хлынуть в сознание и вскоре понял, что к чему, хотя для этого пришлось вернуться в годы нескладного пубертата. Нынешняя ситуация напоминала о старших яслях, когда он, незрелый, сидел перед полноценным взрослым человеком и чувствовал себя неуклюжим невеждой – ведь взрослый, в отличие от подростка, имел представление о правилах игры.

Фергюсон пристально смотрел на Лоусона, но не видел в нем ничего подозрительного, если не считать необъяснимого поведения, сравнимого с повадками собаки в ночную пору. Очевидно, Лоусон не замыслил мошенничества и не испытывал никакого дискомфорта. Да, гипнотическое вмешательство гарантировало результат (если пренебречь неизбежным допуском на ошибку), но левее и выше печени, в области солнечного сплетения, там, где крупный нервный узел функционирует в гармонии с управляющими механизмами мозга, Фергюсон ощутил сжатую пружину тревоги: безошибочное указание на прямую и явную угрозу. Эта тревога говорила о том, что Фергюсон стоит на краю бездны, ведь СЛП – краеугольный камень общества и единственной альтернативой принципам бюро остается бесконтрольное использование атомной энергии. То есть персональное проклятие человечества.

Но затем к Фергюсону вернулся рассудок, а с ним логическое мышление, в прошлом сыгравшее злую шутку со многими людьми, и он понял, что одиночке – в особенности простодушному юноше – не под силу изменить положение вещей.

Самоуверенный птенец, едва вылупившийся из яслей и, разумеется, убежденный, что ему все по плечу, ведь он всегда справлялся с проблемами, не выходящими за рамки его скорлупы. Но теперь Лоусон поймет, что эта скорлупа ограждала его от реальных неприятностей.

– И еще один момент, – сказал Фергюсон. – Ваши сны.

– Что с ними не так?

– Их проверили эксперты, уделив особое внимание гипнагогическим образам. До поры до времени зафиксированные сновидения развивались по одному шаблону – с некоторыми вариациями, – но три года назад...

– Что-то изменилось?

– О да. Шаблон сохранился, но вариации исчезли.

– Разве это не означает, что я образцово нормальный человек?

– Норма – это условная величина, – насутился Фергюсон. – Неужто вы намерены шутить?

– Простите. Я недооценил вас. Знаю, теоретический образец нормальности на практике превратится в нечто чудовищное, но это удобный семантический термин. Если и существуют образцово нормальные люди, они неминуемо утратят эту характеристику под давлением внешних обстоятельств.

– Итак, вы или солгали о снах за последние годы, или сказали правду.

– Еще никто не уличал меня во лжи.

– Разных людей интересуют разные вещи. В яслях обращали внимание на одно, мы же высматриваем другое.

– Если я нежелательный клиент, просто откажите мне, и дело с концом.

– О нет, – решительно ответил Фергюсон. – Мы редко отказываем клиентам. Существует такое понятие, как допуск на ошибку. В этом случае владелец полиса получает компенсацию. Мы занимаемся страхованием. Будь у нас возможность контролировать фактор неопределенности, всем выставляли бы одинаковый счет, а затем творили бы чудеса. В большинстве случаев платить не приходится, ведь у бюро есть собственная страховка – я говорю о гипнотическом вмешательстве, – но если система дает сбой, необходимо выявить его причину. У нас имеется закрытый статистический реестр, по которому проверяют всех и каждого. Вас нельзя назвать асоциальным человеком. Мы не выявили у вас латентных преступных наклонностей. Для своего возраста вы вполне нормальны. – Тут Фергюсон осекся, вновь ощутив необъяснимую тревогу. Он понял, что не верит в сказанное. Как ни странно, он твердо знал, что Лоусон вовсе не нормальный человек.

Знал, но не мог доказать этого за неимением улик. Доказательством не являлась даже приснопамятная пенсия по инфантилизму, из-за которой к делу подключился Арчер. Допустим, подумал Фергюсон, я спрошу у Лоусона: «Почему вы обратились к советнику Риву с таким предложением?» – и он ответит, но ответ будет неудовлетворительным, ибо Лоусон, как юридически, физически и психически зрелый человек, не получит этой пенсии. То есть его предложение продиктовано элементарным альтруизмом и к тому же лишено всякого смысла, поскольку в рамках нынешнего общественного устройства несовершеннолетние и без того получают некое подобие пенсии.

Отстраненно слушая собственный голос, Фергюсон заметил в нем новую нотку, и то была нотка раздражения.

– Бывает, людям кажется, что СЛП можно обвести вокруг пальца, – сказал он. – Но в этом никто не преуспел.

Вбросив ключевое слово, он стал ждать. Юноша усмехнулся:

– Уж извините, но вы излишне серьезны. Я говорю не конкретно о вас, а обо всем бюро. Допустим, если я изобрету безотказный способ подстроить несчастный случай, вы и бровью не поведете. Пока жизнь не выходит за строгие границы объективной реальности, вас все устра-

ивает. Но стоит добавить каплю юмора, и вам кажется, что из-за меня рухнет все мироустройство.

Фергюсон сжал губы, а секундой позже произнес:

– Ладно, рискнем. Какие полисы вам нужны?

– Пожалуй, об этих трех забудем. Взносы великоваты. А остальные двадцать два возьму. Договорились?

– То есть вы способны уплатить оба взноса по каждому полису – за исключением трех, от которых отказались? Может, возьмете поменьше, чтобы не просрочить выплату, пока будете искать работу?

– Допустим, я выберу два или три, – сказал Лоусон, – и они окупятся. В таком случае остальные полисы подорожают, верно?

– Само собой. Нам придется сделать поправку...

– В таком случае возьму все – за исключением трех, которых не могу себе позволить.

– Спасибо, – поблагодарил Фергюсон, но это «спасибо» не было искренним.

* * *

– Его намерения очевидны, – сказал Фергюсон. – Он постарается получить компенсацию по одному из полисов. Деньги пойдут на уплату остальных взносов, а когда иссякнут, Лоусон обналичит следующий полис. Например, лягнет полисмена. Кстати, у него скверное чувство юмора.

Прежде чем ответить, Арчер долго молчал. Закрыв глаза, он, должно быть, визуализировал ситуацию, после чего разомкнул веки и спросил:

– Скажите, сотрудники СЛП проходят психиатрическую проверку?

– Что, теперь я сумасшедший?

– Проще усомниться в вашем здравомыслии, чем поверить в способность одного человека нарушить работу целого бюро, причем вот так запросто. Зачем торопиться с сомнительными выводами, не рассмотрев более вероятные варианты? Насколько мне известно, СЛП уже выплачивало компенсации, и всякий раз в полном соответствии с законом средних чисел.

Сидя в кабинете у Фергюсона, они наблюдали за сеансом гипноза. Тот, если верить экрану визора, шел по расписанию. Заминок пока не было. Даже без медикаментов Лоусон довольно легко поддавался внушению и вполне нормально реагировал на проверочную катаlepsию. Подобно остальным клиентам, он выстрелил холостым патроном в психиатра: это могло означать, что, во-первых, он убийца; во-вторых, подсознательно понимает, что пистолет заряжен холостыми; а в-третьих, ненавидит психиатров. Перепроверка подтвердила второй вариант. Также ему велели стащить доллар у медбрата, и это тоже ничего не значило. В социально-экономических отношениях, основанных на товарообмене, деньги символичны, и выяснить, что этот доллар означал для Лоусона, не было никакой возможности.

Своей точностью и вместе с тем неточностью психиатрия напоминает математику. Стоит осознать, что при необходимости можно создать совершенно новую математическую систему, и вы поймете: обычная математика точна лишь при соблюдении ее правил. Но когда правилами системы номер один пользуются для решения задач, присущих системе номер два, могут возникнуть проблемы. Работавшие с Лоусоном психиатры были специалистами своего дела, но Фергюсон допускал, что в ином случае они не заметили бы своей ущербности.

К тому же единственной его точкой опоры была интуиция.

Хотя, если отбросить ложные представления, станет ясно, что интуиция – тоже точная наука. Так называемые вещие сны бывают вполне правдивы. Сон, в котором сбываются желания, определенно может оказаться вещим – как минимум с вероятностью пятьдесят на пятьдесят. Предчувствие Фергюсона зародилось в подсознании, где таились все надежды и тре-

воги прожитых лет. В двадцатом веке Фергюсон влачил бы жалкое существование и его шансы обрести нынешнее благополучие стремились бы к нулю. В его глазах СЛП символизировало безопасность, в которой он так отчаянно нуждался. Любой выпад в адрес бюро Фергюсон расценивал как личную угрозу и, подобно большинству людей, носил в себе глубокий кошмарный психоз: образ финальной цепной реакции.

В каком-то смысле СЛП обеспечивало статус-кво. Вне всякого сомнения, руководство делало поправку на стресс и переутомление под влиянием изменчивых обстоятельств, ведь фактор окружающей среды оказывает немалое влияние на точность измерений – к примеру, пластичности металлов. Если поместить человечество в вакуум, статус-кво будет достижим, но при нынешнем раскладе...

– Он меня нервирует, – запоздало признался Фергюсон. – Да, предчувствие ничего не доказывает, однако...

– Нервирует? Почему? Думаете, он сверхчеловек? – иронически усмехнулся Арчер.

– Шутите? – осведомился Фергюсон, рассматривая свои ногти.

– Не сказал бы.

– Я посвятил немало времени изучению этой ситуации, – напомнил ему Фергюсон, – и, бывает, задумываюсь... Какого черта вы так интересуетесь этим Лоусоном, если уверены, что он безобиден?

– Я не привык рисковать. Хороший посредник – все равно что барометр-анероид. Мы очень чувствительны. Я прошел специальную подготовку, обладаю весьма специфическими навыками и реагирую на любое происшествие, как барометр отзывается на изменение атмосферного давления. К тому же я люблю докапываться до причины такого происшествия. Да, зачастую это поиски ветра в поле, но... я не привык рисковать.

– Мы работаем над одной и той же проблемой не по случайному стечению обстоятельств, – сказал Фергюсон. – Вы отреагировали на результат, а я, пожалуй, заметил причину. Стрелки наших приборов указали на Лоусона, как на зарождающийся в Антарктике шторм. Что-то вроде крьюйс-пеленга: вы заметили падение барометрического давления в Висконсине, а я – повышение температуры на Южном полюсе. Итак, Лоусон вызывает у меня странные ощущения, и этот же Лоусон попросил вашего шефа выдвинуть законопроект, после чего к делу подключились вы, мистер Арчер. Вряд ли Хайраму Риву впервые предлагают продать сумасбродный законопроект.

– Альтруистичный? Впервые.

– То есть?

– В самом прямом смысле. Человек, вносящий подобные предложения, неизменно ищет какой-то личной выгоды, хотя докопаться до истины бывает непросто. Всегда существует некая компенсация – по крайней мере, психологическая. Вам любопытно будет узнать, что бескорыстные реформаторы не так уж бескорыстны. Достаточно лишь выявить их персональные особенности. Если кто-то желает спасти планету, мистер Фергюсон, не сомневайтесь: в дивном новом мире этот человек уже присмотрел для себя трон с мягким плюшевым сиденьем. Но предложение Лоусона – образчик альтруизма, и мне надо убедиться, что за идеей о пенсии по инфантилизму стоит эгоистичный мотив. Иначе я не успокоюсь.

– То есть для вас это просто работа?

– Мне она нравится. Поэтому я и работаю на Рива, самого дееспособного из всех политиканов, но если в поле зрения появится более достойный кандидат, я переметнусь к нему. Хотя в данный момент... Скажем так: я ищу в Лоусоне признаки соответствия норме, а вас интересуют отклонения от нее.

– Он нормальный, – сказал Фергюсон. – Обратите внимание на диаграмму реакций.

Оба уставились в экран. Лоусону ставили блок, запрещавший лягать полисменов.

– Это сработает? – спросил Арчер.

– Прогнозировать невозможно. Во многом успех зависит от внушения боязни последствий, хотя они покрываются страховкой. В смоделированной ситуации Лоусон, скорее всего, не станет лягать полисмена, подсознательно понимая, что в ином случае ему не выдадут полис. Но после страхования он получит защиту от последствий, а в подобных делах всегда существует допуск на ошибку.

Экран расчертила неровная зеленая линия, означавшая, что Лоусон не лягнул гипотетического полисмена.

Тремя днями позже он растворил фенилтиомочевину в городском водохранилище. Встал у одной из телефотолинз наблюдения, для надежности продемонстрировал ей ярлык на пузырьке, весело рассмеялся и ушел.

– Мне нужна защита от желания убить человека, – сказал Фергюсон психиатру СЛП. – Не исключаю, что у этого желания параноидальные корни. Меня допекает один клиент.

– Допекает, говорите? – осведомился психиатр. – Можно узнать, чем конкретно?

– Пока ничего особенного, – заключил Фергюсон, изложив всю историю. – По-моему, даже невроз еще не развился. Но этот парень не дает мне покоя. Он купил двадцать две страховки, и... я опасаюсь за свое будущее.

– Значит, отождествляете себя с бюро? Думаю, мы сумеем снять это чувство – к примеру, через сублимацию или устранение причины. Как известно, никто не становится алкоголиком от одного глотка виски. А вам, Фергюсон, мы поставим стандартный гипнотический блок.

– Из головы не идут взрослые гориллы. Мне бы съездить поохотиться на самцов... Вот это была бы терапия. Ну, не знаю... Не нажать бы клаустрофобию или агорафобию – в смысле, боязнь открытых пространств, а не большого скопления людей, не то проведу остаток жизни, уподобившись предсказателям погоды: они только и делают, что мечутся то в дом, то из дома. Как насчет обитой войлоком палаты и чтобы стены сдвигались и раздвигались?

– Как насчет успокоительного? – парировал психиатр. – У офисных ребят одна и та же проблема: вы боитесь, что из любой безделицы вырастет серьезный психоз, но психика умеет справляться с такими мелочами. У нас имеются подробные медкарты всех сотрудников с результатами последних обследований, поэтому мы знаем гораздо больше, чем кажется. С вами все в порядке. Ради вашего спокойствия мы, конечно, проведем стандартную процедуру и убедимся, что вы не оборотень, – но поверьте, не будь вы цельной личностью, не сидели бы в своем кабинете.

– Но как же Лоусон? – горестно спросил Фергюсон.

Конечно, с инцидентом разобрались. Естественно, СЛП вызвало Лоусона на повторное обследование. Тот явился весьма охотно: по-видимому, процедуры его забавляли, хотя он старательно делал серьезное лицо. В глубине души Фергюсон был убежден, что психиатры ничего не обнаружат. Все его былые тревоги упрямо напоминали, что особенности Лоусона не разглядеть под микроскопом, имеющимся в распоряжении у СЛП. Распознать его отклонения от нормы можно лишь по влиянию, оказываемому им на окружающий мир, – подобно тому, как астрономы заподозрили о существовании Плутона.

Но психологический шаблон Лоусона прекрасно укладывался в предельные рамки диапазона нормальности.

Подобно многим, он не афишировал высокую толерантность к гипнозу. Несколько доз тиопентала натрия не пробрили всех его барьеров, хотя этот феномен тоже не был уникальным. Обколотый препаратом, Лоусон лежал на кушетке и отвечал на вопросы. Что до Фергюсона, тот остался крайне неудовлетворен его ответами.

– Как вы себя чувствовали, растворив фенилтиомочевину? – спросили у Лоусона.

– Я чувствовал себя хорошо, – последовал ответ.

– Помните, мы условились, что вам нельзя растворять фенилтиомочевину в городском водохранилище?

Молчание.

Вопрос повторили.

– Нет, не помню, – ответил Лоусон.

– Вы могли бы лягнуть полисмена?

– Нет.

Почти все, что можно сделать, было уже сделано. Лоусона подвергли дополнительному гипнозу, дабы усилить прежние блокировки, но в его досье появилась пометка «Допуск на ошибку». Редкий типаж, но в пределах нормы. По крайней мере, психиатры не выявили нарушения этих границ.

Фергюсон считал, что проблема очевидна. Оставалось убедить остальных. У СЛП было не меньше доказательств, чем у него, если интуитивные догадки годятся в качестве улики. Очевидно, не годятся. Фергюсону нечем было подкрепить свои подозрения. Его улики оставались неосязаемы. Порой он терялся в сомнениях, но в итоге опять приходил к слепому и алогичному убеждению, накрепко засевшему в голове. Быть может, дело в гиперчувствительности? Уже не первый год Фергюсон интересовался теорией сверхчеловека, а временами, косо поглядывая на очередного клиента, задавался вопросом...

Но никогда еще не был уверен на сто процентов. Это убеждение зародилось в особом отделе его мозга, узкоспециальном и безотказном, будто радар. Подобной восприимчивостью не обладал никто, кроме него. Всем своим существом он понимал, всегда понимал, что рано или поздно теория перейдет в практическую плоскость. Теперь же ему казалось, что этот переход состоялся. Но как убедить других – тех, кто лишен подобной уверенности, порожденной внутренним ощущением, обозначить которое не способен сам Фергюсон? С таким же успехом можно объявить о втором пришествии Мессии. В лучшем случае от Фергюсона отмахнутся как от психа. Общественное неверие эффективно обесценит истину – если это действительно истина. Лишь один человек в истории имел право называть себя Наполеоном Первым, и даже его могли упечь в дурдом, не предоставив он исчерпывающих подтверждений своей личности. До Галилея, говорил себе Фергюсон, наверняка существовало множество безумцев, убежденных, помимо прочего, и в том, что Земля вращается вокруг Солнца.

Без достаточного числа людей, подпадающих под конкретную классификацию, не существовал бы допуск на ошибку. Выбрать произвольный случай? По мнению Фергюсона, такое смахивало бы на эксцентричность. У него не имелось доказательств, понятных остальным. Он был предшественником Галилея, убежденным, что Земля вращается вокруг Солнца, но у него не имелось телескопа, куда мог бы заглянуть обыкновенный человек.

Что он мог сделать?

Лишь то, что уже сделал.

Психиатры способны были помочь ему только в пределах видимости метафорических телескопов.

Фергюсон так и не рискнул озвучить свои подозрения: боялся, что его запишут в психопаты. В сущности, ему требовалось изучить собственную психику (а это, как известно, не самая простая задача), после чего обособить и проанализировать безымянное чувство, подсказывающее, кем на самом деле является Лоусон.

Тем временем Бенджамин Лоусон тихо-мирно занимался своими делами.

В результате выходки с фенилтиомочевинной он получил довольно крупную страховую выплату, передал ее инвестиционному брокеру и снял небольшой коттедж со всеми удобствами. Казалось, он не намерен брать на себя никаких обязательств. Вся его жизнь была напитана атмосферой игры. Раз в неделю ему доставляли запас готовой горячей пищи, и оставалось только сделать выбор, нажать на кнопку и поесть. Затем он нажимал на другую кнопку, и тарелки отправлялись в автоматическую посудомойку. Поскольку дом был утилитарным, в нем не имелось предметов, собирающих пыль, а кондиционер и другие электронные устройства

устраняли неизбежную грязь, имеющую свойство накапливаться везде, кроме высокого вакуума. В нескольких сотнях миль от коттеджа находился курорт для активного отдыха, и Лоусон часто летал туда, чтобы поплавать, покататься на лыжах, поиграть в теннис или хорошенько пропотеть за партией в скатч. Скупив тысячи книг (в бумажном виде и на катушках), он читал все подряд. Он обустроил несколько любительских лабораторий (в том числе химическую), где с огромным удовольствием варил мыло, и лишь благодаря хлорофилловым дезодораторам его дом не превратился в зловонную клоаку.

На работу Лоусон так и не устроился.

Годом позже, когда деньги подходили к концу, он лягнул полисмена.

Дела у Фергюсона шли вполне прилично. У него обнаружили нереализованный доселе психоз, основанный на несбыточной детской мечте; через тонкую цепочку ассоциаций, включивших в себя молодой сыр, хлеб и сливочное масло, этот психоз реализовался в образе отца – настолько типичном, что с ним справился бы самый недалекий психиатр. Фергюсон навестил отца, упрямого старикана, тратившего почти все время на расширение коллекции похабных лимериков, и не отметил никакой реакции, кроме легкой скуки, пока его престарелый родитель повторял каждый известный ему стишок по меньшей мере трижды. Уехал он с ощущением, что неплохо бы показать папашу психоаналитику, а на работу вернулся с ясной головой и осознанием собственной цельности.

И тут Лоусон лягнул полисмена.

– Но это произошло больше двух лет назад, – сказал телевизору Арчер. – Помнится, вы места себе не находили. И тем не менее минуло два года! И Лоусон не обналичил других полисов, верно?

– Дело не в этом, – сказал Фергюсон, у которого дергался глаз. – Все, кроме меня, и думать забыли об этом Лоусоне. Он превратился в один из множества страховых случаев, и его досье затерялось в архивах. Я позвонил, чтобы узнать: неужели вы тоже потеряли интерес к Лоусону?

Арчер промычал что-то неопределенное, и Фергюсон взглянул на него сквозь множество миль.

– Готов спорить, что имя Лоусона значится в вашем календаре, дожидаясь будущей проверки.

– Ну хорошо, – ответил после паузы Арчер. – Считайте, что выиграли спор. Но это обычная верификация раз в полгода, для галочки. И я проверяю не только Лоусона, но и множество других людей, – как помните, мне не нравится рисковать. К счастью, у меня есть штат компетентных сотрудников, так что времени хватает. Но это простая формальность.

– Формальность? В остальных случаях – возможно, – сказал Фергюсон. – Но в случае Лоусона? Извините, мне не верится.

– Я в курсе, что для вас он стал причиной фобии, – улыбнулся Арчер. – Узнали что-то новое?

Фергюсон задумчиво посмотрел на Арчера, прикидывая, какие соображения можно озвучить на этот раз, и решил придерживаться фактов.

– Мое мнение вам известно. Доказательств у меня нет. Лоусон очень осторожен, не совершает подозрительных поступков и не выдает своих намерений. А затем пользуется своей... силой. И я, похоже, узнал, почему он это делает.

– Не потому ли, что он нормальный человек без каких-то сверхспособностей? – мягко осведомился Арчер.

– Нет! Я скажу вам, кто он такой. Он еще ребенок!

– В двадцать три года?

– Хотите сказать, что в любом из множества стандартных случаев вы запоминаете возраст фигуранта? – с улыбкой спросил Фергюсон.

– Что ж, продолжайте, – пожал плечами Арчер.

– Я самым тщательным образом изучил его досье. Свел информацию в таблицы и графики. Показал их специалистам. Собрал мнения и провел сравнительный анализ. Лоусон ведет себя как двенадцатилетний ребенок – с некоторыми вариациями. Его интеллектуальное развитие соответствует биологическому возрасту, но в периоды развлечений – то есть когда поведением управляют не только мыслительные центры мозга – начинают проявляться важные особенности. Лоусон считает себя взрослым, но играет как ребенок. Вне всяких сомнений, мы имеем дело с задержкой в развитии.

– По-вашему, когда Лоусон вырастет, он превратится в супермена?

– Потому-то он и обратился к вашему шефу, как только вышел из яслей. Я про пенсию по инфантилизму. Вопреки вашему мнению, Лоусон не такой уж альтруист. Два года назад он был незрелым – по его собственным стандартам. Таким и остался. Он попросту ждет окончательного взросления.

– И что потом? Он завоеует мир?

– При желании – запросто. – Изучив лицо Арчера, Фергюсон спросил: – Ну?

– Что вы хотите услышать?

– Я жду, что вы вычеркнете имя Лоусона из своего списка. Если вас интересовал не сам этот парень, а его альтруизм, дело можно закрывать. Вы так и поступите?

Помолчав на секунду дольше нужного, Арчер ответил:

– Конечно.

– То есть ответ отрицательный. Вы чрезвычайно точный барометр и поэтому не считаете мое мнение бредом умалишенного.

– Мне нечего сказать, кроме как «продолжайте».

– У меня фобия, – признался Фергюсон, – причем довольно давняя. Мне это не нравится. Иметь фобию – все равно что жить с ампутированной ногой и без протеза. Да, привыкаешь, но окружающим от этого не легче. Я добьюсь от Лоусона доказательств, которые убедят и вас, и всех остальных, что он такой, какой есть. Мне понадобится ваша помощь. Лоусон сделал несколько выгодных инвестиций. Вот почему он не спешит обналичивать другие полисы. Мне начинает казаться, что он купил столько страховок, чтобы не внушать подозрений и оставаться в пределах допуска на ошибку, если придется нарушить пару-тройку условий. Он нарушил два. Попал под следствие. Если нарушит третье, я стану не единственным, кто задает тревожные вопросы. Поэтому я хочу, чтобы он это сделал. Пора бы и другим обратить внимание на Лоусона, и здесь в игру вступаете вы. Если с инвестициями Лоусона что-то произойдет, ему понадобится наличность. Я хочу, чтобы акции, которыми он владеет, обесценились. Это уже ваш профиль, а не мой. Что скажете?

– Зачем мне это? – спросил Арчер.

– Хотя бы затем, чтобы не беспокоиться насчет напоминки в календаре. Обещаю: если ничего не случится, я больше не потревожу вас.

Вот и все, что Фергюсон сказал вслух. А про себя добавил: «Потому что в этом не будет необходимости. Вас потревожит сам Лоусон!»

Ибо вряд ли он смирится с потерей инвестиций. Фергюсон не думал, что мальчишка захочет поквитаться (скорее всего, мелкая месть ниже его достоинства), но непременно примет меры, чтобы подобные выходки впредь не били по его карману.

Главное, чтобы он понял, что стал объектом преднамеренной атаки. И если Лоусон тот, кем его считает Фергюсон, он сделает все, чтобы сохранить свой исключительный потенциал в секрете. Если тебя взяли на мушку, сбей целящегося с толку, и дело тут не в мстительности, а в инстинкте самосохранения. Даже у незрелого супермена он должен быть не менее силен, чем у любого другого существа.

Далее случится одно из двух. Во-первых, Лоусон может обналечить еще один полис, после чего окажется в опасной близости к границам допуска на ошибку. Зароненное Фергюсоном зерно подозрения даст всходы, и СЛП начнет задавать неудобные вопросы. Вряд ли Лоусон пойдет на откровенное нарушение гипнотических ограничений в третий раз. Альтернативой станет неприкрытое отмщение противнику; Фергюсон отчасти надеялся на такой исход, считая его надежным способом доказать свои подозрения. Без Арчера тут не обойтись, хотя Фергюсон немного сожалел, что ему пришлось затащить посредника в эту игру. Сам он без колебаний вызвался бы на роль живца, будь в этом хоть какой-то толк, но нельзя забывать, что у барана, привязанного к жертвенному столбу, нет шансов одолеть тигра без сторонней помощи. Люди, обладающие правом голоса в СЛП, уже видят в Фергюсоне психопата, и, если он утащит за собой Арчера, посредник не сможет не дать отпор супермену (в ином случае он пойдет ко дну на пару с Фергюсоном), а подкрепляющие доказательства от человека вроде Арчера будут иметь какой-никакой вес для руководства бюро.

Фергюсон с волнением вглядывался в лицо Арчера, понимая, что будущее его затеи висит на волоске. Но через несколько бесконечных секунд посредник кивнул:

– Посмотрю, что можно сделать.

Фергюсон с огромным облегчением выдохнул.

Легкость, с которой Лоусон нашел третий вариант, была попросту возмутительной. Он не стал нарушать страховых условий и воздержался от мести. Вместо этого купил страховку от крушения «Нестора» – комфортабельного лайнера для путешествий на Луну и обратно. Поскольку многие торопились приобрести такие же полисы (ввиду эпидемии метеорных роев эта страховка была чем-то вроде лотереи), СЛП не почуяло подвоха. Более того, при оформлении полиса был сделан стандартный допуск на ошибку. Для большей безопасности «Нестор» стартовал тремя днями позже объявленной даты, и по этой причине десятки клиентов аннулировали страховку.

Избегав столкновения с метеорным роем, лайнер встретился с ядерной боеголовкой – та давно уже вращалась на орбите, дожидаясь фатального свидания.

«Нестор» работал на ядерном топливе. В мгновение ока огромный корабль расщепился на атомы и сгинул в белой вспышке.

С Фергюсоном произошло то же самое. Нет, не в буквальном смысле. Его коллапс нисколько не походил на зрелищную кончину межпланетного корабля.

Труднее всего ему далось ожидание. Он был почти уверен: Лоусон знал о грядущей катастрофе, о ее причинах и о том, кто несет за нее ответ.

За неимением мерил способностей Лоусона Фергюсон понятия не имел, чего ждать. Нельзя было исключать, что он, сам того не понимая, шагал напрямик к псевдослучайной гибели, такой же необратимой, как гибель «Нестора». Вне всяких сомнений, Лоусон предвидел randevу корабля и блуждающей боеголовки, но предстоит ли подобное randevу Фергюсону? Или Лоусон его игнорирует? И как понять, что хуже – первое или второе?

Работа валилась из рук. В те дни Фергюсон почти ничего не ел, и отсутствие аппетита могло послужить причиной головных болей. Он слышал, как секретарша жаловалась, что с недавних пор у шефа медвежий характер, но считал такое сравнение неуместным: Фергюсон ощущал себя не медведем, а взрослым самцом гориллы с типичной для него раздражительностью и жадой уединения, но прежде всего с недоверием, и это недоверие причиняло ему наибольший дискомфорт.

После третьей подряд грубой ошибки в конторских делах он попросился в отпуск. Когда заявление подписали, Фергюсон был скорее рад, чем огорчен. Не потому, что отпуск мог бы решить проблему (нельзя свести на нет факт существования Лоусона, просто не обращая на него внимания). Нет, наконец-то Фергюсон мог избавиться от назойливых подозрений, с недавних пор не дававших ему покоя.

Эти подозрения относились к новым клиентам.

Фергюсон из раза в раз вспоминал вызывающе нормальное лицо Лоусона, его поведение во время первой беседы, и в каждой заявке ему мерещился второй Лоусон.

Полгода он пробовал сбежать от кошмара, но гималайский спортивный курорт оказался бесполезен.

Не принесли пользы ни специализированная трудотерапия, ни путешествие на Луну. Спутник показался Фергюсону безрадостным и недружелюбным, и даже впечатляющее Море Облаков к северу от кратера Тихо не пробудило в нем никаких эмоций. Поднимая глаза на туманный диск Земли в небесах, Фергюсон не мог не думать, что эти массивы света и тени напоминают лицо Лоусона. Это лицо закрывало собой всю планету – так же, как тень Лоусона к тому времени накрыла всю жизнь Фергюсона, и немигающий Лоусон смотрел на него сверху вниз.

Время на Луне отличается иными качественными характеристиками, нежели на Земле, и Фергюсон иной раз погружался в трудоемкие подсчеты, желая понять, как давно он не переступал порога СЛП. У него имелась причина задаваться этим вопросом – ведь он ждал сообщения от посредника. Прежде чем покинуть Землю, он попросил Арчера прислать весточку о любых подвижках в деле Лоусона. Прошло уже немало месяцев (хотя на Луне они, пожалуй, летели быстрее обычного), но весточки не было.

Когда с полюса стали надвигаться тусклые зимние краски, Фергюсон вспомнил, что шестимесячный отпуск на исходе. Пришлось посмотреть правде в глаза: он боялся возвращаться, не получив новостей от Арчера. Наконец решил раскошелиться на персональный звонок, но в итоге не потратил ни цента, поскольку дозвониться до Арчера не удалось. Посредник исчез.

Выяснить, что случилось, было непросто, ведь Фергюсон находился на значительном расстоянии от Земли. По всей видимости, офис Арчера закрылся несколько месяцев назад и посредник не оставил номера для связи. Когда подошло время возвращаться, Фергюсон уже знал, что делать.

Отправься он домой без пересадок, все могло бы сложиться иначе, но в то время года лайнер с Луны приземлялся на южноафриканском космодроме, и застарелый идефикс, уже давно изводивший Фергюсона, не упустил своего шанса и вырвался из-под контроля.

Довольно долго Фергюсону страшно хотелось застрелить гориллу, и это желание было куда менее иррациональным, чем могло бы показаться. Фергюсон знал, что с психологической точки зрения все упирается в символизм и сублимацию, но душой понимал, чье лицо увидит в прицеле, когда найдет свою обезьяну. Его устроил бы только взрослый самец.

Свободного времени было хоть отбавляй, и Фергюсон без труда договорился об охоте, но позорная легкость, с которой телефотоанализаторы обнаружили искомую особь, простота, с которой угрюмое чудовище заманили в засаду с помощью сверхзвуковых сигналов, и комфорт, с которым Фергюсон застрелил добычу, не выходя из быстрого бронированного «хантера», оставили его совершенно неудовлетворенным. Люди и раньше убивали горилл. Это ничего не доказывало и не решало вопрос, мучивший Фергюсона.

Он хорошо запомнил посмертную физиономию гориллы. Для своего вида монстр был полностью взрослым, агрессивным и опасным – но опасным лишь для тех, кто вторгнулся в его владения.

Стоит супермену повзрослеть, думал Фергюсон, и человечество замрет в развитии. Сверхчеловек будет лишен ощущения опасности, этого хлыста, извечно подгонявшего цивилизацию. Он будет жить по собственным законам. Станет ли он вести себя как антропоморфное божество, протягивающее руку помощи человеку разумному, или сочтет людей чужеродным и незначительным племенем дикарей?

«Как варварских племен сыны, как многобожцы, чада тьмы...»²⁰

Но мир принадлежит человеку, а не Лоусону. СЛП диктует законы. СЛП – бастион цивилизации. Без присущей СЛП стабильности человечество останется без защиты. «Я больше не в безопасности, – думал Фергюсон. – В одиночку мне не выжить. Быть может, все дело лишь в незрелости вида? СЛП действительно выступает *in loco parentis*²¹, но когда было иначе? Человеку всегда требовался образ Всеотца...»

Винтовку Фергюсон сдал, но револьвер оставил себе.

Найти Лоусона было нетрудно: он жил все в том же коттедже, но выглядел чуть старше. Он приветливо кивнул Фергюсону, когда тот вошел к нему в дом, и сказал:

– Здравствуйте.

Фергюсон наставил на него револьвер.

Лоусон испугался. Или сделал вид, что испугался.

– Не надо! – выпалил он. – Не стреляйте. Я все объясню!

Лишь его очевидный испуг помешал Фергюсону нажать на спусковой крючок.

– Не надо меня бояться, – умиротворял его Лоусон. – Прошу, опустите пистолет.

– Я все про вас знаю. Вы опасны. При желании вы могли бы захватить весь мир.

– Сомневаюсь. – Лоусон зачарованно смотрел на дуло револьвера. – Я, знаете ли, не супермен.

– Но и не обычный *Homo sapiens*.

– Послушайте, я тоже кое-что про вас узнал, и после всего, что было, мой интерес вполне объясним, ведь если твои акции обесцениваются – все, разом, – нельзя не прийти к выводу, что против тебя манипулируют рыночной ситуацией.

– Так вот почему исчез Арчер! – повысил голос Фергюсон. – И со мной, пожалуй, произойдет то же самое – что бы это ни было.

– Арчер? А, вы о посреднике Рива. Насколько мне известно, он ведет обычную деятельность. – Лоусон с тревогой посматривал на оппонента. – В данный момент опасность для меня представляете только вы. Вместо того чтобы заниматься своими делами, вы суете нос в мои. Остановитесь, Фергюсон. Мне известно, что у вас на уме, но я совершенно безвреден, честное слово! Допускаю, что некоторые предположения насчет моих так называемых сверхспособностей не лишены оснований, но поверьте, в них нет ничего сверхъестественного. Это всего лишь...

Он осекся, и Фергюсон мрачно спросил:

– Всего лишь что?

– Скажем так: образ мышления. Думаю, это самое приемлемое объяснение моих особенностей. Дело в том, что я не ошибаюсь. Никогда.

– Но ошиблись, когда минуту назад впустили меня в дом – с револьвером в кармане.

– Нет, не ошибся, – сказал Лоусон, а после паузы продолжил: – Позвольте кое-что объяснить. В том, что вы говорите обо мне, есть крупица истины. Я действительно незрелый человек. В обычном случае я, достигнув двадцати одного года, так и не узнал бы о собственной незрелости, ведь стандартов для сравнения не существует, но на помощь мне пришла... назовем это психической особенностью. Не предвидение, а попросту образ мышления, его прецизионность и умение выбрать безошибочную тактику, способность разграничить личность и чистый разум. Видите ли, я умею отделять логику от эмоций, но это еще не все. Перед выпуском из яслей я уже знал, что мне потребуется много лет, чтобы повзрослеть по-настоящему.

– Вы не человек, и вам плевать на людей, – сказал Фергюсон. – Рассмотрим ваш случай под другим углом. Давным-давно, когда практиковался детский труд, в десять лет, а то

²⁰ Киплинг Р. Отпустительная молитва. Перевод О. Юрьева.

²¹ В родительской роли (*лат.*).

и раньше, детей отправляли в шахту или на завод. Разве могли они, лишённые нормального детства со всеми его атрибутами, повзрослеть по-настоящему? Я столкнулся с такой же проблемой. По сравнению с остальными мое взросление задержалось на несколько лет. Я не мог получить ни одну должность, и дело не в том, что я не справился бы с обязанностями – конечно, это не так, – но в том, что работа деформировала бы мою личность. Ещё до развития специфических особенностей что-то вроде защитного инстинкта указывало мне верный путь – ну, как правило. Благодаря такому инстинкту свежевылупившийся цыпленок бежит от опасности. Я нуждался в детстве – нормальном детстве с поправкой на мои особенности. Поэтому я и понял, кто вы такой.

– Потому что вы тот, кем являетесь, – вежливо подсказал Лоусон.

– Вы опасны для общества, – оторопело продолжил Фергюсон. – Это видно по вашему досюе. Вы подстроили гибель «Нестора».

– Вы знаете, что это не так, но пытаетесь увидеть во мне личного врага, вашего персонального злодея.

– Вы застраховали «Нестор», и он столкнулся с ядерной боеголовкой. Как насчет вероятностной логики?

– А как насчет обычной логики? – возразил Лоусон. – При необходимости я умею мыслить и действовать без эмоциональной предвзятости. Только и всего. Это было не предвидение, а результат напряженной работы, исследований в области истории и астрономии и умения свести данные воедино. Я узнал точное время отбытия «Нестора» и поднял боржурналы кораблей, где отмечен повышенный радиационный фон определенных участков над стратосферой. Выяснил, какими боеприпасами пользовались во время ядерной войны. Вряд ли у обычного человека хватило бы терпения или сноровки сопоставить эти данные, но это всего лишь напряженная работа плюс незадействованные ранее области человеческого мозга.

– Вы умеете предсказывать будущее?

– Прогнозировать результат на основании вводных данных? Да, умею. Но если вы о моем таланте... Затрудняюсь ответить. Скажу лишь, что у технологии имеются ограничения, а у человеческого мозга их нет. Технологическое развитие зашло чрезвычайно далеко. Настолько далеко, что человечество едва не погубило себя атомной энергией, не понимая, как грамотно пользоваться ядерным делением. Но любые мечи порождают людей, которые поднимут их – или перекуют на орала. Да, я мутант. Рано или поздно мы узнаем, как работать с атомом без опасности для человечества...

– Мы?

– Я лишь первый, но уже сейчас ясли полны мне подобных. Пока что они незрелы, однако мои братья повзрослеют...

Фергюсону вспомнилась горилла.

– Я умею думать, – говорил Лоусон. – Я первый человек на свете, способный пользоваться своим мозгом. Мне никогда не понадобится психиатр. Вряд ли я допущу хоть одну ошибку, ведь я умею мыслить обезличенно и беспристрастно, как прежде не мыслил ни один человек. Таков фундамент будущего – не технологии, которыми пользуются не так, как надо, но люди, умеющие пользоваться ими в правильном ключе. Прямо сейчас в яслях воспитываются более восьмидесяти детей с особой склонностью к логическому мышлению. Это доминантная мутация. Мы не хотим и никогда не захотим править миром. Власть нужна только диктаторам, объявляющим ту или иную группу «маленькими людьми», пигмеями, – и лишь для того, чтобы казаться великанами на их фоне. Моя нынешняя задача – обеспечить братьям-мутантам пенсию по инфантилизму, в которой они нуждаются. Я должен как-то раздобыть эти деньги, и это мне по плечу. Я продумал несколько способов...

– Все равно я вас застрелю, – перебил его Фергюсон. – Потому что боюсь, что вы захватите весь мир.

– Миром правят безумцы, – сказал Лоусон, – а разумные люди работают над решением проблем. Во-первых, атомную энергию необходимо взять под контроль. Для этого требуется ясное и здоровое мышление, а я первый по-настоящему разумный человек, когда-либо ступавший на поверхность этой планеты.

– Как убитый мною вчера самец гориллы? Он был цельным субъектом: злобным, раздражительным, ограниченным. У него было все, что нужно: гарем и кормовая база. Он не испытывал потребности в прогрессе и не желал его. Вот она, ваша зрелость. С остановкой прогресса остановится весь мир. Вы тупиковая ветвь, Лоусон, и через минуту вас не станет.

– Вы считаете, что сможете убить меня?

– Не знаю. Если вы сверхчеловек – вряд ли. Но попытаюсь.

– А если не получится?

– Тогда вы, наверное, убьете меня. Ведь в ином случае я буду рассказывать о вас на каждом углу, и рано или поздно вас линчуют. Поверьте, молчать я не стану. Ведь информация – это единственное оружие против вас и вам подобных.

– Убивают животные, – сказал Лоусон. – И люди. Я никого не убиваю.

– В отличие от меня, – произнес Фергюсон и спустил курок, но ничего не произошло.

Когда комната вновь обрела очертания, Фергюсон обнаружил, что сидит в уютном кресле, а револьвер лежит на полу. В тот момент Фергюсона не интересовало, почему он не сумел застрелить Лоусона. Важен был сам факт неудачи.

На протяжении всего разговора Лоусон был невыносимо любезен. У Фергюсона сложилось смутное ощущение, что хозяин дома отошел, чтобы налить гостю чего-нибудь крепкого. Фергюсона опять подвело чувство времени. Наверное, потому, что он совсем недавно вернулся с Луны. Как бы то ни было, Фергюсон уже никуда не спешил.

Затем он заметил на стене телевизионную панель, и чувство безотложности пробудилось с новой силой: ответ подскажет Арчер, если он еще жив.

Сам не понимая как, Фергюсон оказался перед экраном. Чтобы не упасть, оперся на панель управления и набрал знакомый номер офиса, где Арчер уже не работал. На коммутаторе сообщили то же, что и при звонке с Луны: офис закрыт, нового адреса не указано. Фергюсон позвонил Арчеру домой (с тем же отрицательным результатом), после чего набрал номер офиса Хайрама Рива – политика, на которого работал Арчер, – где и получил ответ на свой вопрос.

– Зет икс сорок семь шестьдесят восемь пятьдесят девять. Это частный номер, мистер Фергюсон. Надеюсь, СЛП сохранит его в секрете.

Фергюсон дал слово, после чего переключился на коммутатор и дрожащим голосом продиктовал номер, начинавшийся с «зет икс». С невероятной скоростью и потрясающей четкостью на экране возникла пухлая физиономия Арчера. Фергюсон, полагавший, что этот человек уничтожен утонченным способом, коих ему представлялось множество, даже потянулся к экрану, чтобы убедиться в реальности собеседника, хоть это и выглядело довольно глупо. Его пальцы коснулись прохладной гладкой поверхности, но Арчер отскочил, рассмеялся и шутливо вскинул ладонь к лицу, будто защищаясь от воображаемого удара.

– Зачем вы звоните? – осведомился он.

– Арчер, вы в норме? Где вы? Что случилось?

– Разумеется, я в норме, – ответил Арчер. – А вы? Вид у вас неважный.

– Под статью самочувствию. Но я собрал доказательства. Лоусон все признал!

– Минуточку. Давайте все проясним. Знаю, вы только что вернулись с Луны, но...

– Я дома у Лоусона. Выказал ему все, что думаю...

С немалым усилием Фергюсон направил мысли в нужное русло: слишком многое зависело от того, как он сформулирует несколько следующих фраз. Пока что он не мог позволить себе проявить слабость.

– Лоусон признал все, о чем я говорил. Все это правда. Какое-то время я был близок к мысли, что схожу с ума, но он подтвердил мои догадки. Повторяю, Арчер, он все признал! Вы должны мне помочь! Понимаю, я у вас на плохом счету, ведь я все понял, но не сумел никого убедить, а вдобавок едва не слетел с катушек. Да, я уже давно похож на человека с психическим расстройством, но к вам прислушаются, непременно прислушаются, потому что я хотел застрелить Лоусона, попробовал и не смог. Надо срочно принять меры. – Набрав полную грудь воздуха, Фергюсон решительно продолжил: – Таких, как он, еще восемьдесят человек. Слышите, Арчер? Они пока в яслях. А когда вырастут, подчинят себе весь мир. Понимаю, как это звучит, но вы обязаны мне поверить! Дайте шанс все доказать! Вы не могли бы приехать, и как можно быстрее? Где вы сейчас? Теперь все зависит от вас. Умоляю, Арчер, не подведите!

Посредник улыбнулся. До Фергюсона наконец дошло, что теперь он выглядит иначе. За последние полгода Арчер каким-то образом утратил настороженную скрытность, теперь он казался человеком совершенно расслабленным и полностью уверенным в себе.

Однако на это дружелюбное и умиротворенное лицо легла едва заметная тень, когда Арчер ответил:

– Могу подойти прямо сейчас. Не отключайтесь. – Он отвернулся от экрана, пересек комнату и открыл дверь в стене. Глядя на его затылок, Фергюсон услышал, как щелкнул замок. За дверью он мельком заметил крошечную далекую комнату, где стоял крошечный далекий человек – стоял спиной к двери, упершись взглядом в миниатюрный телеэкран с микроскопической копией человека, открывшего дверь в комнату, где лицом к телеэкрану стоял человек...

Лишь звук открывшейся двери уберег Фергюсона от падения в бездну уменьшения и бесконечных повторов. Этот звук он услышал дважды: тот донесся из телевизора и из-за спины. Обернувшись, Фергюсон увидел, что в комнату входит Арчер.

На сей раз комната тоже обрела очертания, но не так быстро.

– Простите, – сказал Арчер. – Не подумал, что надо бы вас предупредить. Ситуация развивается так быстро...

– Какая ситуация? Что случилось? Что вы здесь делаете?

– Работаю, – ответил Арчер.

– В каком смысле работаете?

– Я сменил шефа. Законом это не возбраняется, верно? Я работал на Рива, пока считал его лучшим из лучших, но теперь работаю на Бена Лоусона, ибо он самый перспективный из... людей.

Сперва Фергюсон онемел, а затем прорычал:

– Предатель!

– Кого я предал?

– Человечество!

– О да, вполне вероятно, – вежливо ответил Арчер, – но все же я знаю, как принести наибольшую пользу. И люблю ее приносить. К тому же судить – не наше дело, согласны?

– Нет, не согласен! Это наше, наше дело! Кому судить, как не нам? Я...

– Наше действие или бездействие не имеет никакого значения, – перебил его Арчер. – Вы же сами видели, что случилось при попытке выстрелить в Лоусона.

Фергюсон совсем забыл про револьвер. Нетвердо ступая, подошел к нему, поднял, заглянул в барабан и увидел холостые патроны.

– После сафари все охотники обязаны сдать оружие, – педантично объяснил Арчер. – СЛП старается избегать скандалов, поэтому в аэропорту Уганды револьвер не изъяли, но патроны подменили. Лоусон знал, как все будет. Потратив семь часов на быстрые подсчеты и логические выкладки, он определил единственно возможный исход с поправкой на психологический фактор, относящийся к вашим личностным реакциям, и теперь вы видите результат. Вы не можете его убить. Он всегда знает заранее, что произойдет.

– Н-неужели в-вы... – Фергюсон понял, что у него заплетается язык. Умолк, сделал такой глубокий вдох, что защемило в груди, и начал снова: – Неужели вы настолько глупы?! Да, я не сумел убить Лоусона в одиночку, но мы с вами вместе... и ресурсы СЛП... И все человечество объединится, чтобы уничтожить его, если узнает...

– Но зачем его уничтожать?

– Ради самосохранения!

– Этот инстинкт уже подвел нас, – спокойно возразил Арчер, – когда породил первую ядерную бомбу. Статус-кво – лишь полумера. Единственный ответ кроется не в новом способе контроля за атомной энергией, но в новой разновидности человека: в человеке зрелом.

– Зрелая горилла...

– Да, знаю, – вновь перебил его Арчер. – Вас уже давно терзает эта фобия. Но вы... вы рассуждаете, как детеныш гориллы, верно?

– Ну конечно! На этой стадии находится все человечество! Именно это меня и пугает. Вся наша культура основана на прогрессе, а его стимулируют конкуренция и кооперация. Если к власти придет по-настоящему зрелый человек, весь прогресс остановится.

– Вы действительно не видите решения этой проблемы?

Фергюсон хотел было ответить, но вовремя сообразил, что способен лишь повторить сказанное. Он не приближался к цели и не производил на Арчера никакого впечатления. Мог лишь из раза в раз повторять одно и то же. «Как ребенок, – лихорадочно думал он, – сплошные повторы и ноль логичных аргументов. Разве что...»

Они уже не могли общаться на равных, потому что не понимали друг друга. Казалось, Арчер переключился на новый, непостижимый стандарт мышления. Барьер между ним и Фергюсоном был не менее ощутим, чем поверхность телеэкрана. Они видели, но уже не могли коснуться друг друга.

Отказавшись от попытки наладить коммуникацию, Фергюсон понурил плечи и развернулся к двери, но, помедлив, бросил по-новому тревожный взгляд на человека, ставшего вдруг его врагом.

Интересно, подумал он, какие приказы Арчер получил от Лоусона? Ясное дело, ему, Фергюсону, не дадут уйти. Он тщетно подыскивал вразумительную параллель. В такой ситуации нормальный человек пристрелил бы Фергюсона на выходе из дома или надежно запер там, где он не причинит вреда. Но Лоусон никогда не действовал с позиции нормального человека. Его оружием было...

– Можете идти куда пожелаете, – сказал вдруг Арчер. – И еще один момент. Послушайте, Фергюсон. Сегодня Лоусон хотел оформить в вашей компании еще один полис, и ему отказали. Сочли «плохим риском». Я подумал, вам надо об этом знать.

Лицо Арчера было нечитаемым. Барьер оставался на месте. Фергюсон понимал, что за этой фразой скрывается недосказанность, но ему оставалось только ждать. Он вышел из дома и побрел по тропинке под ярко-желтым солнцем знакомого мира. Мира, чье спасение зависело от Фергюсона, но он не мог спасти этот мир, поскольку всем было плевать на его опасения.

В голове вспыхивали иррациональные огоньки надежды. Быть может, Арчер пытался донести до него, что Лоусон не так уж неуязвим? СЛП отказало ему в полисе, а это может означать, что он наконец-то попал под подозрение. Это может означать, что Фергюсон все же не проиграл этой битвы. Быть может, теперь к нему прислушаются. Он тут же начал подсчитывать, как быстро доберется до штаб-квартиры...

Но в эти подсчеты постоянно встревал образ «Нестора» в неизведанном космосе, идущего на сближение с бесхозной боеголовкой, на randevу, которого не предвидел никто, кроме Лоусона.

Двумя часами позже Фергюсон закрыл дверь своего кабинета за спиной у негодующей секретарши и со вздохом облегчения обвел глазами пустую комнатку. Он знал, что стреми-

тельность, с которой он пронесся по коридорам, отмахиваясь от приветствий, изрекаемых теми друзьями, что остались у него за последние два года, не сыграла ему на руку, но сейчас важнее всего на свете было одиночество, поэтому Фергюсон запер дверь на замок и повернулся к экрану персонального визора.

– Покажите актуальное досье Бенджамина Лоусона. Недавно он хотел приобрести полис, но ему отказали. Мне надо знать почему. – И он стал ждать, с нетерпением барабана по упругой пластмассовой панели непослушными пальцами.

– Здравствуйте, мистер Фергюсон, – оживленно сказал экран. – Рада, что вы вернулись. Сейчас пришло, но за время вашего отсутствия по Лоусону не было ничего нового.

– В таком случае не присылайте. Мне надо знать о последнем полисе. Нельзя ли побыстрее? – Фергюсон заметил, что говорит визгливым тоном, и усилием воли вернул голос в привычный диапазон.

После недолгого молчания девушка на экране смущенно произнесла:

– Простите, мистер Фергюсон, но эта информация засекречена.

– В смысле?! – вспыхнул он, но добавил, не дождавшись ответа: – Ничего страшного, спасибо. – И щелкнул тумблером.

Итак, ему впервые отказали в доступе к информации. Допуск к секретным данным имелся у троих высокопоставленных чиновников компании, хотя сотрудники уровня Фергюсона чаще нарушали, чем соблюдали эти правила.

«Нет, меня не проведешь, – повторял про себя он. – Нет, я не сдамся».

Через минуту он сообразил, что можно сделать. Существуют три человека, на чьи телеэкраны автоматически выводятся секретные материалы. После двух звонков он нашел пустой кабинет. Фергюсону повезло – был обеденный перерыв.

Он отпер дверь, прошагал по коридору к пожарной лестнице и поднялся на три этажа, по пути формулируя благовидную отговорку, которой ему так и не пришлось воспользоваться. По стечению обстоятельств, куда более счастливому, чем его прежняя удача, кабинет первого вице-президента оказался пустым. Фергюсон заперся, переключил экран на одностороннюю передачу данных и потребовал:

– Мне нужен последний секретный файл Бенджамина Лоусона.

– Ну вот и все, – сказал Арчер.

Развалившийся в кресле Лоусон поднес к губам духовую трубу и выдал долгую кристально чистую ноту. Это могла быть нота насмешки над человечеством, но Арчер предпочел не вкладывать в нее такой смысл, поскольку неплохо знал Лоусона – или считал, что знает.

– Жаль, – продолжил Арчер, – что пришлось так поступить, но он не оставил нам выбора.

– Вас это беспокоит? – косо глянул на него из-за раструба Лоусон.

Отраженный в меди Арчер увидел свое деформированное лицо, отмеченное тенью тревоги.

– Думаю, да, – признался он. – Немного. Но тут уже ничего не поделаешь.

– Мы ведь не заманили его в капкан, – указал Лоусон, – а лишь устроили так, чтобы он узнал правду.

– Это семантическая уловка, – усмехнулся Арчер. – Слово «правда» звучит вполне безобидно, но за ним скрывается самая жестокая сущность, с которой только может столкнуться человек. Или, если уж на то пошло, сверхчеловек.

– Прошу, перестаньте называть меня сверхчеловеком, – сказал Лоусон. – А то говорите прямо как Фергюсон. Надеюсь, вы-то не думаете, что я собираюсь завоевать мир?

– Я пытался объяснить Фергюсону, что это не так, но супермены уже мерещились ему за каждым деревом, и я никак не мог достучаться до его рассудка.

Съехав по спинке кресла, Лоусон исполнил серию коротких джазовых риффов, и на несколько секунд комнату наполнили тонкие послезвучия. Прежде чем они умолкли, Лоусон отложил трубу и сказал:

– Вряд ли такие объяснения воспримет человек, воспитанный в антропоморфном ключе.

– Знаю. Я и сам далеко не сразу понял. Пожалуй, не раньше чем отождествил свои интересы с вашими.

– Фергюсон пошел на крайние меры, но две вещи, которых он так боялся, – это выводы, к которым придет любой поборник антропоморфного мышления, знай он правду обо мне и восьми десятках ребят, еще не вышедших из яслей. Разумеется, Фергюсон был совершенно прав, проводя параллель между взрослением человека и гориллы. Прав, но по-своему. В естественных условиях незрелая горилла – коммуникативное и конкурентоспособное живое существо. Это часть ее взросления. Если вам угодно, прогресс. В яслях мы, дети, считали, что футбол, бейсбол и скатч важнее всего на свете и наша цель – победа, но истинный смысл был в физическом развитии и обучении психологической и социальной координации – то есть необходимым элементам взросления. Как видите, зрелые люди уже не так серьезно относятся к подобным играм.

– Да, – сказал Арчер, – но попробуйте заставить Фергюсона – или другого человека с антропоморфным складом ума – провести эту параллель!

– Прогресс человечества, – наставительно произнес Лоусон, – не самоцель, а средство в глазах любого школьника, увлеченного соревновательной игрой.

– Букварь новой расы, параграф номер один, предложение первое, – усмехнулся Арчер. – Но бесполезно объяснять все это Фергюсону. В этой части сознания у него огромное слепое пятно. Весь его интеллект основан на концепции состязания и прогресса. Эта концепция – его бог, и Фергюсон будет биться до последней капли крови, прежде чем признает, что его... его футбольный счет – не последняя надежда человечества.

– Он уже пролил последнюю каплю крови, – сказал Лоусон, – и увяз в ней. Про Фергюсона можно забыть. – Задумчиво взглянув на трубу, он продолжил: – Параграф номер один, предложение второе. По достижении цели средство утрачивает любую значимость. Мы знаем, что это так, но не пытаемся донести эту мысль до человеческих существ. – Он подмигнул Арчеру и вежливо добавил: – За исключением вас. Параграф номер один, предложение третье. Не вздумайте винить в этом человека. Нельзя ожидать от него признания, что вся его культура – не больше чем детская игра, обреченная угаснуть, дабы послужить какой-то цели. Не смотрите на людей сверху вниз, ибо они заложили фундамент для нашего здания и не хуже нас знают, какую оно примет форму.

По обыкновению, Арчер почтительно промолчал. Он знал, что к этим вопросам Лоусон относится крайне серьезно – в отличие от всех остальных вопросов.

– Параграф номер два, – продолжил Лоусон, хмуро поглядывая на трубу. – На человека можно нападать только ради самозащиты, и в этом случае его надлежит уничтожить стремительно и бесповоротно. Отличаясь аутистическим мышлением, люди всегда будут уверены, что вы хотите править их миром. Свойственный человеку эгоизм не позволит ему смириться с истиной. Мы не нуждаемся в человеческих игрушках и должны отринуть детские забавы.

– Этот букварь необходимо перенести на бумагу, – сказал Арчер после недолгого молчания. – И чем скорее, тем лучше. Без него нам не обойтись.

– Думаю, мы посвятим его Фергюсону, – язвительно предложил Лоусон.

Он взял трубу, нежно коснулся клавиш, и в комнате завибрировала очередная чистая нота.

– Вот смотрю на вас и вижу Иисуса Навина, – сказал Арчер.

– Гавриила, – лаконично поправил Лоусон и ухмыльнулся.

Фергюсон вглядывался в экран. Наконец тот мигнул и голос сказал:

– Извещение об отказе в страховке, выданное четвертого ноября Бенджамину Лоусону.

Голос не умолкал, и ошеломленный Фергюсон поначалу слушал его, но потом перестал. Вот она, цепная реакция, говорил он себе, держа разум под контролем и игнорируя вешавший с экрана голос. Вот оно, персональное зло, которого боялся всякий человек с тех самых пор, как упала первая бомба. Но не такой реакции мы ждали. Никто не предвидел подобного разделения на два человечества, старое и новое. Никто ничего не знает, никто, кроме меня и Арчера, и я не смогу предупредить остальных...

Это поражение. Продолжать борьбу бессмысленно. Фергюсон видел губительное крушение надежд. Видел, что люди теряют контроль над Землей и Лоусон правит всей планетой, как Нерон правил чернью. Видел, ибо до последнего цеплялся за аутистическое мышление. Он видел, как останавливается прогресс, и воспринимал эту остановку как самую последнюю бездну, в которой его ограниченный разум не различал ничего, кроме черной пустоты. Так пал последний рубеж обороны, и Фергюсон позволил себе услышать слова, что повторялись с экрана:

– Лоусон хотел застраховаться от вероятности, что сотрудник СЛП Грегори Фергюсон сойдет с ума. Поскольку следствие выявило, что Фергюсон уже вышел за пределы допуска на ошибку, приемлемого для вероятности параноидальных психозов...

В неизведанном космосе лайнер под названием «Нестор» вновь столкнулся с неприка-
янной боеголовкой, но теперь это произошло в сознании Грегори Фергюсона, и после белой вспышки его разум погрузился в бесконечную тьму.

Увольнение в детство

1. Джерри перекинулся

А если какой губошлеп рискнет обозвать меня пупсом, то получит по морде – да так, что улетит прямиком в категорию «Д».

Меня звать Джерри Кэссиди, я сержант морской пехоты США. На весах тяну ровно двести фунтов, а наружностью смахиваю скорее на Уоллеса Бири, чем на Бэби Сэнди, хотя бывали времена, когда это утверждение погрешило бы против истины.

Но тому олуху, который заведет разговор про пупса, лучше бы для начала обзавестись железякой вроде кастета. Не будь док Маккинли славный старикан, я бы шею ему свернул, ведь это из-за него я угодил в такую катавасию. Надо же, обмен мозгами!

В общем, расскажу, как все было. Но предупреждаю, рассказ выйдет закидонистый.

Детина я рослый и на вид беззлобный; потому-то, наверное, капитанская жена и решила, что, если доверить мне Поросенка Доусона, с ним не случится ничего дурного. С миссис Доусон я столкнулся на Парк-авеню, когда выруливал с Центрального вокзала, а миссис Доусон, доложу я вам, та еще фифа – аккуратненькая, блондинистая, и глаза с такой поволокой, что голова кругом идет. В общем, катит она коляску, видит меня и говорит «привет».

– Здравсьте, миссис Доусон, – отзываюсь я, – хочется верить, что вы в добром здравии.

– В добрейшем, Джерри, так что вечером мы с капитаном идем на танцы, – кивает она, а сама посмеивается под нос. – Как же хорошо, что он снова дома. А ты, Джерри? Ты тоже в увольнении?

– С полным на то основанием. Сами смотрите: вот она, увольнительная. – И я продемонстрировал ей бумагу. – Вечером тоже собираюсь на танцульки в «Радугу». Моя... э-э-э... подружка считает, что, если не филонить, рано или поздно из меня еще и танцор получится.

– Ну да, ну да. – Миссис Доусон с сомнением глянула на мои ноги. – Кстати, как тебе Нью-Йорк?

– Да черт его знает... Не сказал бы, что сильно похож на Нью-Джорджию. Моя Билли освобождается в пять, а до тех пор я, по правде говоря, просто убиваю время.

– На Парк-авеню? Тебе тут не скучновато?

– Скучновато, – признаюсь я. – Но где-то здесь квартирует мой знакомый эскулап, док Маккинли. Когда-то он жил в Киокаке, а сам я тоже из Киокака, вот и собрался его проведать.

Тут миссис Доусон пожевала губу, задумчиво так, и говорит:

– Джерри, не сделаешь ли мне одно громадное одолжение?

Я отвечаю, что непременно сделаю, а потом интересуюсь, о каком одолжении речь.

– Присмотри за Поросенком. Всего полчаса, не дольше. Присмотришь? Неловко тебя просить, но служанка сегодня выходная, и оставить его не с кем, а к вечеру мне обязательно надо купить новое платье, потому что мы с капитаном так давно не виделись, ну и... сам понимаешь.

– Это запросто. Я его покараулю, вашего... э-э-э... мелкого чувачка, – пообещал я, – а вы, миссис Доусон, ступайте себе и не спеша выбирайте платье.

– Вот спасибо! Я мигом. И... ага, точно! Куплю твоей Билли подарок. На той неделе я присмотрела восхитительный комплект дамского белья!

– Б-белья? – Под воротником у меня вдруг припекает, а шея, поди, раскраснелась сильнее обычного.

– Джерри, ну не глупи! Она будет в восторге. В общем, жди здесь, а если надоест, сбегай в ту аптеку и возьми себе попить. Например, колу. Договорились?

– Да, мэм, – сказал я, и она уходит, а я чувствую, что с ладонями у меня что-то не так, словно были руки как руки, а стали ручищи. Смотрю на них, а они тоже пунцовые. Дамское белье! Это ж надо! Вряд ли Билли придет в восторг от такого подарка. Хотя... как знать. Иной раз дамочкам импонируют самые парадоксальные штуки.

Я зыркнул на капитанского отпрыска. Он оказался упитанным младенцем самого дурацкого вида, слегка косоглазым и с такими огромными щеками, что они растеклись у него по плечам. Ладонки как морские звезды, пальчонки растопырились во все стороны, а еще он пытался сожрать свою ногу, и у него это неплохо получалось. Тут я подумал, что если малец пошел в папашу, то характер у него не сахар, поэтому решил не спорить с ним насчет пожирания ног, а вместо этого сунул в рот сигарету и стал смотреть на всякое.

В самом скором времени Поросенок начал подвывать: лежит на спине весь красный, сучит руками-ногами и таращит глаза, а голосина точь-в-точь как у родителя, когда тот устраивал мне выволочку в Сиднее, где я однажды принял на стаканчик больше нужного и слегка повздорил с какими-то матросами.

Я решил, что он истосковался по своей ноге. Поэтому сунул ее на прежнее место, но оказалось, что малец утратил к ней всякий интерес. Из красного он сделался фиолетовым и заорал пуще прежнего. На меня стали смотреть люди, я перепугался и хотел уже дать деру, но не бросать же парнишку на произвол судьбы.

Поэтому я заглянул в аптеку и спросил аптекаря, как быть, а тот ответил, что не знает. Сказал, что все младенцы время от времени орут и от этого им сплошная польза.

Но в нашем случае все было иначе. Я заметил, что на ногах у Поросенка недостает пинетки, и мне стало худо.

– О господи, – охнул я, – этот чертов страус все-таки ее сожрал!

Я поднял его за ноги и аккуратно встряхнул, но без толку, разве что он совсем разошелся. Вокруг собралась толпа, но в ней не оказалось никого из Женской службы Сухопутных войск, Чрезвычайной добровольческой службы или, на худой конец, Женского резервного отряда береговой охраны. Я в замешательстве гадал, что будет, когда миссис Доусон вернется и обнаружит, что карапуз преставился, заглотив собственную пинетку. А что будет? Военно-полевой суд, не иначе. Но меня волновал вовсе не суд: меня волновала судьба этого горемыки.

Тут я вспомнил про дока Маккинли. До его кабинета был один квартал, поэтому я вцепился в коляску; она оказалась хорошая, покатила по Парк-авеню не хуже быстроходного джипа – так, что в воздухе висели капли пота с моего лба, а Поросенок вопил, визжал, ревел и верещал на все лады. Короче говоря, никак себя не сдерживал.

– Что там у тебя, браток, переносная рация? – усмехнулся мне какой-то матрос, и я хотел было его стукнуть, но драться было некогда, так что я выхватил Поросенка из его экипажа, взмыл по ступенькам и забарабанил в дверь с табличкой «Док Маккинли». Мне открыла медсестра, и у нее был озадаченный вид.

– Доктора мне, живо! – потребовал я. – Карапет сожрал пинетку!

– Но... Но...

Тут открылась дверь напротив, и я узрел хорошо знакомую сморщенную физиономию с седыми патлами, торчащими наподобие петушиного гребня. Док кого-то выпроваживал, причем весьма настойчиво.

– Нет! – шумел он – Меня это не интересует! Ваши документы не внушают мне доверия, и я сию же секунду звоню в ФБР! Проваливайте!

Здоровяк с сонными глазами и щетинистыми усиками хотел было возразить, но тут же захлопнул свою крысоловку. Судя по виду, он был вне себя от ярости, однако спорить не стал: просто развернулся и двинул прочь, а проходя мимо, бросил в моем направлении свирепый взгляд.

– Док! – сказал я.

– Чего? Кто... Матерь божья, кого я вижу! Джерри Кэссиди! С каких это пор тебя прозвали в сержанты?

– У меня вопрос жизни и смерти. – Я сунул ему младенца. – Малец того и гляди задохнется! Он что-то сожрал. Подозреваю, что пинетку.

– Какую еще пинетку?

Я объяснил. Док кивнул медсестре, впустил меня в кабинет – довольно большой и со всевозможным оборудованием – и занялся карапузом, а я следил за его манипуляциями и леденел от страха. Прошло какое-то время, и док пожал плечами:

– По-моему, все с ним нормально.

– Тогда чего он так надрывается? Говорю же, обувкой подавился!

Тут вошла медсестра.

– Гляньте-ка, что нашлось в коляске. – Она помахала недостающей пинеткой. – Док, вам помочь?

– Нет, спасибо. – Док натянул пинетку Поросятку на ногу, но проблемы это не решило. Медсестра удалилась, а малец продолжал орать.

– Ладно, ничего, – рассеянно бормотал док. – Скоро выдохнется. Так где ты его взял? На тебя он вроде не похож.

– Ясное дело, не похож! Он моего капитана жены... то есть капитанский сын... тьфу, док, ну сделайте хоть что-нибудь!

– Например?

– Почему он так орет?

– Это, – глубокомысленно изрек док Маккинли, – величайшая загадка всех времен. Никто не знает, почему младенцы так орут. Разве что у них колики, или им под ногти загоняют иголки, или им пора менять подгузник.

– Ну а у него что? – выдохнул я. – Первое, второе или третье?

– Ну... я бы предположил, что это колики, – ответил док, – поскольку подгузник пока сухой, а иглол под ногтями я не вижу.

– Что же этот сосунок говорить-то не умеет?! – простонал я. – Ужас-то какой!

– Ох ты ж, совсем забыл! – Док распрямылся. – Короче, Джерри, пару секунд, и все будет в норме. Наконец-то испытаем мое изобретение в условиях, приближенных к боевым. Вот, – он открыл сейф, – смотри. Транспортёр мыслительной матрицы.

Он вытащил из сейфа пару мягких шлемов и вручил один мне. Шлем оказался кожаный, с вшитыми проводками, а над ухом – крошечный переключатель.

– Вы что, предлагаете рот ему заткнуть? – спросил я. – Док, это не дело. К тому же нам хватило бы и носового платка.

– Цыц! – велел док. – Я гуманист и филантроп! Потому-то и придумал эти транспортёрные шлемы. Для мыслеобмена.

– Сменять одну мысль на другую я и без шапки могу, – возразил я, но док вырвал шлем из моих рук и нахлобучил мне на голову, а второй натянул на себя.

– Сейчас покажу. Поверни-ка переключатель.

Я послушался. Что-то тихо загудело, и голове стало жарко.

Док тоже щелкнул тумблером. На секунду все поплыло, а потом со мной приключился легкий приступ головокружения, так как комната развернулась на сто восемьдесят градусов.

– А вы изменились, док, – сказал я, и голос у меня оказался странный: скрипучий и надтреснутый.

И правда, док Маккинли был похож не на себя, а на рослого детину с физиономией как у гориллы в нокауте... и тут я узнал эту физиономию, потому что вижу ее каждое утро, когда бреюсь.

Док выглядел точь-в-точь как я!

Он с ухмылкой щелкнул переключателем, подошел ко мне, выключил мой шлем и громыхнул:

– Не переживай! Мы просто обменялись, так сказать, телами – хоть и не на самом деле. Такова природа дистанционного управления. Этот обмен не затрагивает самых глубин психики, но переносит мыслительную матрицу – то есть базовую характеристику твоего сознания.

– Док! – взмолился я. – Спасите! Помогите!

У меня заболела голова, а еще мне стало страшно.

– Ну хорошо, – усмехнулся док, – сейчас перекинемся обратно. Ну-ка, где кнопка... Ага, вот она. А теперь...

Комната снова перевернулась, и я понял, что смотрю на дока Маккинли – стало быть, возвратился в собственное тело. Когда док выключил свой шлем, я тоже машинально щелкнул тумблером, после чего рухнул в кресло и сказал:

– Ого! Вот это колдовство!

– Ничего подобного. Я всего лишь изобрел идеальное средство диагностики. Теперь врачу достаточно обменяться сознанием с пациентом, и он сразу прочувствует все его недуги и недомогания. Дело в том, что непрофессионал не способен точно описать свои симптомы, и врач, оказавшись в шкуре больного, справится с такой задачей не в пример лучше.

– У меня голова разболелась.

– А сейчас болит? – с интересом спросил док.

– Хм... – Я задумался. – Странное дело. Уже не болит.

– Вот-вот! А у меня болит с самого утра. И ты, естественно, чувствовал головную боль, пока находился в моем теле.

– Дичь какая-то, – сказал я.

– Вовсе нет. Человеческий мозг испускает энергетические волны, и у них есть базовая матрица. Слышал когда-нибудь о дистанционном управлении?

– Ну да, слышал. И что? – Мне стало интересно.

– Физическая трансплантация головного мозга, – док Маккинли задумчиво потер высокий лоб, – невозможна с хирургической точки зрения. Но само сознание – то есть ключевая матрица – вполне поддается транспортировке, потому что имеет выраженный вибрационный алгоритм. А за обмен отвечают мои шлемы, работающие по принципу коротковолновой диатермии. Понятно?

– Угу, – ответил я, – понятно, что ни черта не понятно. Поросянок никак не уймется, и если вы не способны помочь, то что, спрашивается, мне делать?

– Еще как способен, – возразил док. – И помогаю. О таком варианте я раньше не думал, но он очень элегантный и вполне логичный. Младенец не может объяснить, что у него болит, потому что не умеет разговаривать. Но ты умеешь. Дай покажу.

Он снял свой шлем, аккуратно надел его на Поросянку и повернул переключатель. Не успел я сообразить, что происходит, как док пулей метнулся ко мне, протянул руку и... и...

– Агугуга, – сказал я.

С глазами было что-то не то. Все вокруг плыло и туманилось. Надо мной нависла огромная круглая клякса...

А еще кто-то оглушительно басил, словно свихнувшийся церковный орган. Приложив чудовищное усилие, я свел глаза в кучу и понял, что смотрю на физиономию дока Маккинли. Почувствовал, как его пальцы ощупывают мне голову. Что-то щелкнуло.

Где-то на фоне продолжали басыть. Горло и небо стали непривычные: мягкие и пупырчатые. Язык норовил уползти в глотку. Я потянулся к доку, и в поле зрения возник пухлый розовый объект, похожий на морскую звезду.

Моя рука!

Боже мой!

– Гуга агугу, док, угага гу кхе! – сказал я самым что ни на есть младенческим голосом.

– Джерри, все нормально, – успокоил меня док, – ты просто в теле младенца. Оно в твоём полном распоряжении. Говори, как самочувствие, а потом я поменяю вас обратно.

– Выпусисе, сисяз зе выпусисе! – На сей раз я говорил более осмысленно, хотя заметно присюсюкивал.

– Как ты себя чувствуешь? Ведь сам хотел узнать, что беспокоит малыша.

Я кое-как привстал, то есть переместился в сидячее положение. Ноги подвернулись, и у них был совершенно бесполезный вид.

– Чувствую себя прекрасно, – сумел выговорить я, – но очень хочу обратно в мое тело.

– Ничего не болит?

– Нет. Нет!

– Значит, он просто капризничал, – заключил док. – Эмоции передаются вместе с сознанием, но сенсорный аппарат остается в организме. У малыша приступ раздражительности. Смотри, он до сих пор не унялся.

Я посмотрел. Мое тело – тело сержанта Джерри Кэссиди – лежало на спине, подвернув руки и ноги, крепко зажмурившись и разинув рот в беспрестанном вопле. По его – вернее, моим – щекам градом катились слезы, и каждая была размером с горошину.

Мой же младенческий рот был как будто набит манной кашей, но я сумел объяснить доку, что меня все это совсем не устраивает. Негодование обострилось от того факта, что Поросянок, разлегшись на спине, сосал мой большой палец и сонно пялился в потолок. Ну что ж, хотя бы выть перестал. Пока я его рассматривал, он сомкнул веки и захрапел.

– Ну, вот он и уснул, – сказал док. – Наверное, транспортировка мыслительной матрицы оказала на него умиротворяющее действие.

– На него, но не на меня, – еле слышно вякнул я дрожащим сопрано, – и мне это не нравится. Вытащите меня отсюда!

2. Младенцу надо выпить

Док собрался переместить меня назад в мое законное тело, но тут в приемной началась какая-то возня, медсестра коротко вскрикнула, и я услышал глухой стук. Затем дверь распахнулась и в кабинет вошли трое крепких ребят с пушками в лапах: у одного был револьвер «уэбли», а у остальных – пистолеты, маленькие и плоские. Оказалось, что типчик с револьвером – тот самый увалень, которого док совсем недавно прогнал из своей лечебницы. Усы над его пастью, похожей на крысоловку, совсем растопорщились, а взгляд стал еще более сонным. Что касается остальных, это были обычные головорезы.

– Смит! Ах ты, нацист поганый! – воскликнул док и хотел было схватиться за скальпель, но Смит его опередил.

Дуло револьвера гулко стукнуло в висок, и старикан свалился на пол, откуда извергал потоки проклятий, пока Смит не припечатал его снова.

– *Gut!* – сказал один из головорезов.

Все это время я сидел на кушетке, но теперь вскочил и бросился к Смицу, намереваясь выдать ему первоклассный апперкот. К несчастью, ноги меня не послушались и я брякнулся ничком, носом в клеенку, и это было крайне неприятно.

– А это еще кто? – спросил чей-то голос.

Я перекатился на спину. Второй головорез (он, как и Поросянок, маялся косоглазием) тыкал пистолетом в мое прежнее тело, а оно знай себе похрапывало, мирно свернувшись на коврик. Смит предупреждающе поднял руку:

– Наверное, пациент. Судя по храпу, под эфиром.

– На нем тот самый шлем!

– *Йа, Йа*, – бросил Смит, – тот самый, в котором так нуждается *херренфольк*²². А вот, – он снял шлем с моей младенческой головы, – еще один. Номер Третий будет доволен. Выходит, оборудование достанется нам бесплатно.

– Разве мы собирались за него платить, герр Шмидт?

– *Найн*, – ответил герр Шмидт, – и помни, что глупость не красит человека. Не зря же я замаскировался под государственного чиновника. Ха! Но мы теряем время, Раус. Встретимся сегодня вечером – сам знаешь где.

– *Йа*, в цирке, – подтвердил косой.

– Тихо!

– А кто нас слышит? Младенец? *Унзинн!*

– Нет, не вздор. Осторожность никогда не помешает, – возразил Смит, запихивая оба шлема в маленький черный ранец, лежавший у дока на стеклянном столике с инструментами. – А теперь уходим!

И они ушли, а я в некотором ошалении остался сидеть на кушетке. Потом крикнул:

– Док!

Нет ответа.

Пол был черт-те где, но я понимал, что надо как-то спуститься. Поползал по клеенке, выквакивая всякие нехорошие слова, и вдруг обнаружил, что для таких мизерных размеров у меня на удивление крепкая хватка: ножки слабенькие, но с ручками дела обстоят не так уж плохо.

Я спустил ноги с края кушетки, повис, поболтался на руках и шмякнулся на пол, а поскольку я был упитанный младенец, то отскочил и шмякнулся еще раз. Потом собрался с силами, осмотрел кабинет, и мне померещилось, что он увеличился в размерах. Стол, стулья и все остальное маячило где-то над головой, а бесчувственный док лежал в углу. Туда-то я и пополз.

Док дышал, а это уже было неплохо. Но привести его в чувство я не сумел. Наверное, у него было сотрясение мозга.

Хм.

Мое тело по-прежнему похрапывало, и я тряс его за голову, пока не разбудил, после чего кое-как выговорил:

– Малой, постарайся меня понять. Нам нужна помощь. Слышишь?

Но у меня совсем вылетело из головы, насколько юн этот младенец. Он схватил меня сзади за подгузник и стал возить мною по полу, словно я был щенок, и при этом басовито гулил, и мне сделалось дурно, и я обзывал его обидными словами. Наконец он отпустил меня и снова принялся жрать ногу, но теперь уже не свою, а мою!

Я вспомнил про медсестру. Переполз в приемную и обнаружил, что девица распласталась на столе и сознания в ней не больше, чем во вчерашней треске из холодильника. Я глянул на телефон, и у меня появилась мысль. Достать его я смог, лишь подергав за провод. Наконец телефон свалился на пол, да так близко, что едва меня не пришиб.

Набирать номер было непросто: пальцы все время прогибались и складывались. Я догадался схватить карандаш – тот удачно упал со стола вместе с телефоном. Телефонистка спросила, с кем меня соединить.

– Ауг... гу... с полицией! С полицейским управлением!

Как я ни силился привести мягкие ткани горла и языка в говорильное положение, все равно то и дело срывался на кашеобразное бульканье.

– Дежурный сержант у аппарата. Я вас слушаю.

---

²² Раса господ (*нем.* Herrenvolk).

Я стал рассказывать ему, что хотел – с чего все началось и еще про налет на лечебницу дока, – но он меня перебил:

– Кто это говорит?

– Сержант Кэссиди, морская пехота США.

– Что ж вы, черт возьми, так непонятно лепечете? – Он передразнил меня, имитируя писклявый от природы голос: – Фервант Кеффиди, мовская пefота Фэ-Фэ-А. У вас что, кляп во рту?

– Нет! – пропищал я. – Проклятье! Высылайте наряд.

– Наяд?

Я начал было рассказывать, как нацистские громилы сперли изобретение дока, но мне хватило ума заткнуться, пока не наплел лишнего. Чувствовалось, как полицейский на другом конце линии переполняется скепсисом, но в конце концов он сказал, что пришлет человека. Что ж, и на том спасибо.

Повесив трубку, я устался на свои младенческие ноги и крепко призадумался. Убедить кого-то в существовании транспортерного шлема? Пожалуй, даже доку это было бы не под силу. Его бы миглом записали в психи и сдали в клинику для опытов. Тем более что док – ученый, а я, строго говоря, даже не морпех, ведь младенцев в морскую пехоту не берут.

Но эти шлемы – ценные штуковины. Я не понимал, для чего они понадобились Смиуту, но чуял, что в Германии им найдут какое-нибудь применение.

И тут до меня дошло: елки-моталки, шпионаж!

Немецкие мозги, да в союзнической каске – это же разведка высшей пробы! Даже по отпечаткам пальцев ничего не узнаешь! Теперь нацисты могут посадить своих шпионов на ключевые посты и... и... выиграть войну!

Вот так так!

Но, пропади оно пропадом, мне никто не поверит! Быть может, док сумеет объяснить все в подробностях и полицейские прислушаются к его словам, вот только я не знаю, когда он очнется. А Смит тем временем отнесет шлемы Номеру Третьему, кем бы тот ни был, и встреча состоится... вот именно, в цирке.

Хватало у меня и собственных забот. Вот он я, в Поросенковом теле. Что будет, если я не заполучу эти шлемы? Придется провести остаток жизни младенцем – по крайней мере, пока не вырасту. Я представил, как буду рассказывать капитану Доусону обо всем, что случилось, и меня не очень порадовала эта картина.

Тем временем поселившийся в моем теле Поросенок гулил и агукал в соседнем кабинете, и я решил, что пора уже что-то делать, и чем быстрее, тем лучше. Попробовал встать на ноги. У них была склонность подламываться, но в целом я неплохо справился. Наверно, все дело в том, что я – в отличие от Поросенка – знал, как ходить. Не скажу, что мышцы у него были слабые. Нетренированные, только и всего.

Дверь была закрыта, открыть ее я не мог, но в скором времени придвинул куда надо самый легкий стул, по-мартышечьи взобрался на него и повернул ручку. Этого оказалось достаточно. За дверью была лестница, и ступеньки добавили мне проблем: пришлось сползать с них задом наперед, чувствуя при этом, что с тыла меня никто не прикрывает. Крайне неприятное ощущение, доложу я вам. Наконец я очутился в вестибюле, окинул взглядом здоровенную входную дверь и понял, что с ней мне не совладать, так как стульев здесь не имеется.

Но тут за стеклом мелькнула тень. Дверь распахнулась, и в вестибюль ворвался коп. Глядя вверх, а не вниз (и посему не заметив моего присутствия), он стал подниматься по лестнице, а я тем временем рванул наружу, пока дверь не закрылась. Она была с пневматическим доводчиком, так что мне повезло, хотя я, протискиваясь на улицу, едва не лишился подгузника.

В общем, я выбрался на Парк-авеню, и мне там совершенно не понравилось. Все люди превратились в великанов, и некоторые поглядывали на меня, проходя мимо, и я понял, что надо двигаться отсюда.

Пару раз упал, но не расшибся, хотя остроликая дама с укусным голосом взялась меня поднимать, приговаривая что-то насчет бедняжки-потеряшки. Я, не особенно стесняясь, громко высказал мнение, после чего дама выронила меня, словно я был не младенец, а раскаленный кирпич, и взвизгнула:

– Боже правый, ну и выраженьица!

Однако последовала за мной, и я понял, что надо бы от нее отвязаться. Прежде мою особу никогда не преследовали дамочки, пусть и не первой свежести. Впереди я увидел бар и понял, что меня замучила жажда, да и по-любому мне надо было выпить – как и всякому, с кем приключилась бы подобная напасть.

Если взять пиво или чего покрепче, посидеть и все обмозговать, наверняка что-нибудь придумается.

Так что я завернул в бар, без проблем совладав с пендельтюром, а дамочка осталась снаружи и раскудаhtалась как умалишенная. Бар был из тех, где потемнее и поспокойнее, народу в нем оказалось немного, так что я, не привлекая лишнего внимания, взгромоздился на высокий табурет у стойки, и мои глаза оказались на уровне столешницы цвета махагони.

– Ржаного виски, – сказал я.

Бармен – старый, толстый и в белом переднике – завертел головой, не понимая, от кого поступил заказ.

– Ржаного! – повторил я. – И пива вдогонку.

На сей раз он меня заметил. Подошел, облокотился на стойку, выпучил глаза и наконец расплылся в ухмылке:

– Вы только посмотрите на этого бутуза! Это ты сейчас просил ржаного? Я не ослышался?

– Что, приятель, – проворчал я, – по башке давно не получал?

– Чем именно? – осведомился он. – Погремушкой? Хо-хо!

Ему, видите ли, смешно стало.

– Заткнись и наливай! – пискляво рыкнул я, после чего он отыскал бутылку и стакан; я уже облизывался, но, вместо того чтоб выдать мне порцию ржаного, толстяк выпрямился и торжествующе посмотрел на меня:

– Мне, старина, необходимо взглянуть на твое приписное свидетельство. Хо-хо-хо!

На языке у меня завертелись разные слова, и, если бы я сумел их произнести, бармен тотчас убедился бы, что перед ним далеко не самый безвинный ребенок, но мой рот, по обыкновению, наполнился манной кашей, и я сказал: «Бе-бу-ба-гы-гу» – или что-то в этом роде.

Величественный старикан с блестящей часовой цепочкой подошел к стойке, взял меня на руки и прогудел:

– Надо же! Что же это за мать, которая детей по барам таскает, да еще таких маленьких!

Он стал пытливо озираться, но никто не предъявлял своих прав на меня. На диване расположилась милая девица в голубом платье; потягивая куба либре, она сказала, что я не с ней, что я просто чудо, и спросила, можно ли меня подержать.

До меня наконец дошло: Билли!

Но где она, а где я?

Вот-вот. К тому же мне не хотелось, чтобы она увидела меня в младенческом облике. Совсем не хотелось. Но других вариантов, похоже, не было.

Беда в том, что я понятия не имел, как с ней связаться.

Старикан уже готовился передать меня милашке. Меня это не устраивало, поэтому я стал пронзительно вопить и дергать его за часовую цепочку, чтобы лучше донести до всех свою мысль. Наконец милашка сказала:

– Вижу, вы ему нравитесь, так что оставьте его себе. Наверняка мамаша объявится с минуты на минуту.

– Да-да. Тони, мне еще один скотч. Вот так. – Старик плюхнулся на диван и усадил меня к себе на колени. Я и сам не заметил, как заигрался с часовой цепочкой, а старикан пощекотал мне шейку, и захотелось обругать его страшным ругательством, но я сдержался.

– Бедненький малыш... ты же у нас бедненький, да?

В самую точку. Я был на мели – ни гроша, банкрот и так далее. Проще говоря, мучился от острой денежной недостаточности.

Наигравшись с цепочкой, я стал шарить у старика по карманам. Надежды оправдались – я наскреб кое-какую мелочь, но этот тип вознамерился ее отобрать. Завязалась потасовка, деньжата высыпались из моей ладошки и зазвенели по полу.

– Ай-ай, какой негодник! – воскликнул жадный старик и аккуратно усадил меня на диван, после чего дождался бармена и стал вместе с ним подбирать монетки.

Я сполз с дивана, своровал пятицентовик и нетвердо поплелся вглубь зала, где чуть раньше приметил телефонную будку. Толстосум бросился вдогонку, но я этого ожидал. Поэтому свернул к милашке в голубом платье и потянулся к ней ручонками.

Она усадила меня к себе на колени. С этим я смирился, но продолжал тыкать пальцем в сторону телефона.

– Что такое, малыш? Ой, какой же ты красивенький! Чмоки?

Спорить я не стал – чмоки так чмоки – и поцеловал ее, а целоваться я умею, так что милашка едва не свалилась с дивана. Кажется, она слегка оторопела. Ну да ладно. Я все показывал на телефон; прошло некоторое время, и она поняла, чего я добиваюсь. Подошел жадина и навис над нами с похабной ухмылкой, но в тот момент мы с милашкой не питали интереса к подтухшей козлятине.

– Как вижу, мисс, вы ему понравились, – сказал старик.

– Да, – уклончиво ответила моя спасительница. – По-моему, он чего-то хочет.

– Телефон, – сказал я, не рискнув вдаваться в детали.

– Ой, он разговаривает! Выходит, ты знаешь некоторые слова? – улыбнулась она мне. – Какой хороший! Но тебе нельзя давать телефонную трубку, ты еще слишком мал.

– Угу, – сказал я, – тогда чмоки.

Милашка застеснялась, поспешила встать, отнесла меня к телефону и даже придержала трубку. Извернувшись, я сумел поставить ноги на сиденье, после чего замахал руками и завопил:

– Кыш!

Ничего не понимая, милашка выскочила из будки. Я попробовал задвинуть дверь и не смог, но за дверью приплясывал старик: он горел желанием помочь, и дверь наконец задвинулась без моего участия.

– Ох, как бы он там не поранился, – запереживала милашка, но было уже поздно: вооружившись трубкой, я сунул в автомат пятицентовик и стал лихорадочно набирать номер, в то время как пальцы изгибались под самыми произвольными углами. Старик с милашкой пялились на меня во все глаза, поэтому я, дозвонившись до Билли, постарался говорить как можно тише:

– Алё, Билли, это Джерри...

– Какой еще Джерри?

– Кэссиди! – сказал я. – Мы с тобой знакомы. У нас сегодня свидание.

– Ну да, свидание. Но я знаю голос Джерри, и он не похож на твой. Поэтому извини, но сейчас я занята.

– Погоди! У меня... горло разболелось! Это я, честно! И у меня тут ситуация!

– А когда у тебя не ситуация? Стой... Тебя же не поколотили, нет?

– Нет, не поколотили, но мне страшно нужна помощь! Билли, милая, это вопрос жизни и смерти!

– Ох, Джерри! Ну конечно я помогу! Ты где?

Я продиктовал ей адрес бара.

– Приезжай, как только сможешь. Найдешь здесь меня... то есть не меня, а младенца. Забери его и вызови такси. И не удивляйся, если младенец скажет что-то необычное.

– Ну а ты-то где? И что там за младенец?

– Позже объясню. А сейчас ноги в руки и дуй, куда сказано.

Старик открыл дверь. Я повесил трубку и выдал правый хук ему в челюсть, но этот субчик решил, что я играюсь.

– Нет, вы гляньте, какой умненький! Прикидывается, что умеет звонить по телефону! Думаю, мисс, нам с вами надо выпить за его здоровье.

– Ну что ж, я не против. – Она взяла меня на руки, и я не возражал, хотя понятия не имел, как быть дальше. Поэтому сидел у нее на коленках, пока старик поил ее всякими напитками, и каждый раз, когда старикан спрашивал милашку, не договориться ли им о свидании, я поднимал крик, и вскоре он стал испытывать ко мне некоторую неприязнь. Интересно, с чего бы?

3. Шаловливые ручонки

Когда явилась Билли – нахальная модница с блестящими кудряшками до плеч, да и все остальное тоже при ней, – я уже боялся, что старик затискает меня до смерти. Поэтому, едва она вошла в бар, я стал орать как резаный, пинаться и размахивать руками.

Билли сделала удивленное лицо, но вопросов задавать не стала. Старик смотрел, как она подплывает к нашему столику, а потом спросил:

– Не ваше ли это дитя, мадам?

– Ма-а-а-ма-а-а! – взвыл я, заметив, что Билли растерялась. Ясное дело, она не могла сообразить, в чем подвох. От вытья в горле у меня совсем пересохло, но Билли наконец кивнула и взяла меня на руки, после чего стала озираться в поисках сержанта Кэссиди (то есть меня), но сержант Кэссиди (то есть я) на тот момент был в штатском – если, конечно, трикотажные ползунки считаются за штатское.

Я не рискнул подать голос, но надеялся, что Билли помнит наш телефонный разговор. Оказалось, она не забыла: вынесла меня на улицу и поймала такси.

– Куда вам, мисс?

– В Гарден! – пропищал я.

Водитель не заметил, от кого исходили эти слова, но Билли заметила. Она вылупилась на меня, до предела распахнув глаза.

– Спокойно, милая, – сказал я, – держи себя в руках. Случилось кое-что страшное.

– О-хо-хо, – прошептала она, – страшное. Это точно. Я сошла с ума. У-у-у!

Билли изменилась в лице и зажмурилась. На мгновение мне показалось, что она в обмороке, да и сам я едва не лишился чувств, потому что знать не знал, каким образом младенцы оказывают первую помощь, да еще и в такси.

– Билли! – квакнул я. – Гу-га-гу! Очнись! Это я, Джерри! Не вздумай отключиться!

– Н-но... – Она истерически захихикала, и я понял, что с ней все нормально. – О господи! Ты, несомненно, карлик. Но притворяешься, что ты Джерри.

Я до упора запрокинул голову, чтобы видеть ее лицо. Мои глаза, как и прежде, фокусировались с огромным трудом; я был зол; я оставил любые надежды; и еще меня подташнивало. Да что я рассказываю, вы сами тоже были младенцами и помните, каково это. Вот только мне было в два раза хуже.

– Билли, послушай и постарайся понять, – заговорил я. – Расскажу как есть, и это полное безумие, но ты обязана мне поверить.

Билли вздохнула и побледнела до самых ушей, но сказала:

– Давай. Я попробую.

И я выложил все как на духу, а пока говорил, пытался сообразить, как выпутаться из ситуации. Если Билли не согласится, то помощи ждать неоткуда, разве что от дока Маккинли, а он сейчас небоеспособен. С копами я уже созванивался, а потому мог себе представить, как случившееся выглядит в глазах дежурного сержанта. Если пару дней назад какой-то придурковатый младенец взялся бы играть со мной в подобные игры, я бы посмеялся и прогнал его вшаей. Но теперь я сам очутился в младенческой шкуре, то есть в незавидном положении, и это еще мягко сказано.

А если говорить как есть, положение было швах. Я всегда мог постоять за себя – да и, чего греха таить, склонен был задирачься, ведь раньше я, раздевшись до трусов, весил две сотни фунтов, причем в этих фунтах не было ни капли жира. Кроме того, я знал кое-какие приемчики: умел бороться по-японски и размахивать ногами в манере апашей. Чрезвычайно полезные навыки – но не теперь, когда я даже из легкого пистолета не смог бы стрельнуть.

Другими словами, младенцы ни на что не годятся.

Но потом я стал думать про капитана и миссис Доусон и пришел к выводу, что они очень дорожат своим Поросенком. Миссис Доусон, наверное, уже вернулась из магазина и обнаружила, что я пропал. О-хо-хо!

К тому же по некой причине я ужасно устал: мышцы как будто превратились в водянистый яичный желток, а спать мне хотелось как никогда в жизни.

Я с грехом пополам дорассказал Билли обо всем, что случилось, а потом закемарил прямо у нее на руках. Когда проснулся, мы уже были в телефонной будке. Билли трясла меня и приговаривала:

– Просыпайся, Джерри! Ну проснись же!

– Ба-ба-ба, – пробубнил я, – ва-ва... Ох. Что...

– Ты задремал, – объяснила Билли. – Младенцам надо много спать.

– Хватит уже про младенцев! Я... Стоп! Как ты меня назвала? Джерри? То есть ты мне поверила, да?

– Поверила, – хмуро кивнула Билли. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Только жажда одолела. Выпить хочется.

– Чего?

– Пива, – сказал я.

– Никакого пива. Только молоко.

– Молоко? – Я сдавленно охнул. – Билли, бога ради! Я все тот же Джерри Кэссиди, хоть и в карапузем теле.

– Молоко, – твердо повторила она. – Куплю тебе бутылочку с соской.

Но этой черты я переступить не мог, а потому уломал Билли на компромисс: она заказала молоко, но не в бутылочке, а в стакане, но справиться с этим чертовым пойлом оказалось непросто, и я сильно облился. В итоге мы пришли к выводу, что лучше мне пить через соломинку.

Молоко, конечно, не пиво, но оно пошло мне на пользу, и я перестал умирать от жажды. В общем, я посасывал белую жидкость, а Билли рассказывала обо всем, что было, пока я спал.

– Я позвонила в штаб, Джерри. Сказала, что не могу тебя найти.

– Да? Хм. Съто... Ой! Что случилось?

– Доктор Маккинли все еще без сознания, как и его медсестра. Ничего серьезного, но обоих увезла «скорая». К тому же... – Она умолкла.

– Давай договаривай, – велел я, и Билли, набрав полную грудь воздуха, выпалила:

– Мне сказали, что в смотровой действительно нашли сержанта Кэссиди: то ли пьяного, то ли сдуревшего. Он только и делал, что ползал по кабинету, грыз ногти на ногах и горько плакал. Сказали... что дело можно закрывать. Он... то есть ты... то есть Джерри, по всей видимости, тронулся умом и оглушил обоих – и врача, и медсестру.

– Тронулся умом... – слабо повторил я. – Это уж точно. Переехал из одной башки в другую. Прямоком в эту чертову тыкву! – И я стукнул пухлым кулачком по младенческой черепашке.

– Ну и дела... – протянула Билли. – Интересно, как ты выглядел в младенчестве. Наверное, был страшно милый.

– Хватит уже про младенчество! – вскричал я. – У нас полно дел!

– Даже не знаю, Джерри, что тут можно сделать. Наверное, доктор что-нибудь придумает, когда очнется.

– А как же нацисты? – спросил я. – Смит, Номер Третий и все остальные?

– Ну и как мы им помешаем?

– У них рандеву в Гардене, – объяснил я. – В цирке. Отличное место для встречи, потому что там всегда толпа. У Смита в ранце транспортные шлемы. Готов спорить, что он попытается тайком передать их Номеру Третьему.

Билли кивнула, и я продолжил:

– Отведешь меня в цирк, понятно? Походим туда-сюда, осмотримся. Как только увижу Смита и его подручных, ты крикнешь копа. Наплетешь ему какую-нибудь белиберду, какую угодно. Сделаешь так, чтобы коп задержал Смита или... Короче, нам надо забрать ранец. Если заберем, дело в шляпе.

– Может, я сумею его стащить?

– Не-а. Эти нацисты вооружены. Не хочу, чтобы ты рисковала. Делай, как говорю, и все получится. Черт! – воскликнул я. – Вот бы мне пистолет или лимонку! – Я покрутил в голове эту мысль и усмехнулся. – Ведь в этом штате младенцев пока не приговаривают к смерти?

– Джерри, ну что ты несешь!

– Кстати говоря, где мы?

– На Восьмой.

– Авеню? Рядом с Гарденом? В самый раз! Ну, пошли.

– Без билетов?

– Ой-ой. Деньги есть?

– Вчера была получка, – кивнула Билли. – К тому же тебя пропустят бесплатно.

– Это в долг, – твердо сказал я, – потому что Джерри Кэссиди не жиголо.

– Возраст неподходящий, – согласилась она. – Если начнешь отплясывать самбу на этих тестоподобных ножонках, будешь иметь весьма нелепый вид.

Я проглотил это замечание, хоть оно мне и не понравилось, и с достоинством сказал:

– Тогда вперед.

Билли расплатилась, взяла меня на руки и вынесла наружу. Судя по тому, как меня растрясло, она не умела обращаться с младенцами.

Прошагав примерно милю, Билли оказалась возле Гардена. Билет пришлось взять у обдиралы-перекупщика, но так или иначе мы оказались внутри, где совершенно растерялись, потому что Мэдисон-сквер-гарден – очень большое место.

– Ну и где твой Смит встречается с Номером Третьим?

– Понятия не имею, – беспомощно сказал я. – Давай просто побродим, и я непременно замечу негодяя. Рано или поздно. Ну, надеюсь...

И мы стали бродить. Повсюду были толпы, но в них не наблюдалось ни сонного нациста с щетинистыми усиками, ни двоих его подручных. Что касается Номера Третьего, я, естественно, не представлял, как он выглядит.

Мы зашли в паноптикум, где поглазели на пожирателей огня, шпагоглотателей, карликов, скелеты и дородных дам. Потом отправились в зверинец, где видели львов, слонов, пару гиппопотамов и какую-то жирафу с ее жирафом. У одной клетки собралась большая толпа, и мы решили узнать, в чем дело. Дело было в горилле размером с Гаргантюа или Тони Галенто: она сидела на корточках за решеткой и стеклянным защитным экраном и развлекалась с миской – то нахлобучивала ее на голову, то сдергивала, – а стоявший у двери смотритель зоопарка толкал нескончаемую речь, на которую люди слетались словно мухи. Но я так и не увидел ни Смита, ни ранца с транспортерными шлемами.

Вдобавок ко всему мне снова захотелось спать, да и настроение было ужасное. Если Смит провернет свой фокус, тогда... пиши пропало! Шпионы во всех наших рядах, включая высший командный состав! Причем такие шпионы, которых невозможно изловить!

К тому же у меня хватало и других забот. Что, если док не выживет? Что, если он потеряет память? Что, если он не сумеет сделать такие же шлемы? Весь остаток жизни мне придется величать капитана Доусона папашей! Если только он меня не прикончит за... за... Кстати, а что это было? Похищение? А ну как он разжалует меня и навеки сошлет на кухню? Мне представилось, как я – дутыш в подгузниках – днем и ночью чищу картошку. Или сижу на гауптвахте, весь закованный в цепи. Эх!

Одно я знал точно: роль сержанта Джерри Кэссиди мне не по зубам. Как прикажете управляться с пулеметом? Что до винтовки, я ее и поднять-то не смогу.

Может, Поросенка в моем теле отправят обратно на передовую. Вот-вот! Только представьте: на него прет япошка с пристегнутым штыком, а Поросенок завалился на спину и грызет ногти на ногах. О-хо-хо!

Тут Билли заметила, что меня опять сморило, и стала трясти. Раскрыть глаза я сумел, но сфокусировать взгляд оказалось непросто.

– Все в порядке, – прошептал я.

И зевнул.

– Джерри, сейчас не время спать!

– Я... это... не сплю. – Но на самом деле я спал.

Ничего не мог с собой поделаться. Младенцам надо много спать, а я к тому же совершенно вымотался.

Поэтому Билли меня ущипнула. Я взвизгнул, проснулся и увидел, как к нам со стальным блеском в глазах подруливает дама размером с линейный корабль. Когда Билли заметила ее, было уже слишком поздно.

– Что вы сделали с ребенком? – осведомилась линкорная дама.

– Ничего, – сконфуженно ответила Билли. – Просто ущипнула, чтобы не спал. А то все время засыпает.

– Ущипнула? Господи боже! Что ж вы за мать такая?

– Я не мать! – отрезала Билли, стараясь удержать меня, чтобы я не свалился на пол. Схватила за руку, за ногу и стала заворачивать меня в самого себя, словно я был не младенец, а осьминог. – Я даже не замужем.

Старушечка ахнула и осведомилась, с какой стати Билли разгуливает здесь с чужим младенцем на руках. Да таким тоном спросила, словно это зрелище оскорбило ее в лучших чувствах.

– Я планирую выйти за него, – брякнула Билли, вконец запутавшись. – И жду, когда вырастет. Ой, уйдите. Мы очень заняты.

– Гм! Все это выглядит крайне подозрительно. Девушка, а вы, случаем, не пьяны?

– Нет. И этому... этому... – она помахала мной перед носом у линкорной дамы, – сегодня тоже пить запрещаю, чтоб вы знали. А он все время просит пива.

– Что? Сегодня? А в другие дни вы поите младенца пивом?

– Обычно мне не надо его поить. – Тут Билли охнула, потому что я едва не вывернулся у нее из рук. – Он сам себе заказывает, если только не хлещет ржаной виски. Этот парень способен целое море вылакать.

– Святые угодники! Бедненький младенец, невинное дитя! Я приму меры, чтобы вас наказали!

К тому времени бедненький младенец (то есть я) отрепетировал в уме целую тираду и взвыл:

– Ах ты, старая сорока! Проваливай, хватит нервировать мою Билли, а не то еще полминуты, и она меня уронит! Если хочешь помочь, тащи сюда бутылку пива. Я пить хочу, чтоб тебя черти драли!

– Боже! – выдохнула линкорная дама, слегка позеленев под боевой раскраской, после чего сделала несколько неопределенных жестов, скрючила пальцы, развернулась и умчалась прочь на крейсерской скорости.

– Видишь, что ты наделал? – сказала Билли. – Теперь бедняжка думает, что сбрендил.

– И поделом! – тоненько прорычал я. – Давай шевелись! Надо найти Смита, пока я снова не заснул. Предлагаю поискать его вон на том шоу, где акробаты.

Там имелись незанятые места, но Билли встала у входа, а я осмотрелся, после чего испустил приглушенный писк:

– Вон он! Видишь, у той колонны? Усатый!

– Где? Да-да, вижу. Ну и что... что мне теперь делать?

Смит сидел один, без соседей. Наохлившись, он пристально следил за выкрутасами гимнастов на трапеции, а в ногах у него я заметил черный ранец.

– Думаю, лучше поискать копа, – шепнул я. – Не испытывай судьбу, Билли.

Но она, по всей видимости, не услышала. Не выпуская меня из рук, поднялась по центральному проходу и уселась рядом со Смитом. У меня засосало под ложечкой. Сонноглазый нацист покосился на нас и снова стал разглядывать акробатов. Должно быть, не признал меня. На вид все младенцы одинаковые: вислощекие и пухлые.

Буквально в трех футах от меня покоился ранец с транспортными шлемами – если Смит еще не передал их Номеру Третьему. Я рискнул предположить, что этого пока не произошло: Смит отдал бы сообщнику весь ранец, чтобы не привлекать внимания, выживая шлемы.

Я поозирался в поисках головорезов Смита, но среди публики их не оказалось. Билли не отважилась заговорить со мной, да и я не рискнул бы ей ответить, ведь рядом сидел враг. Поэтому я тоже сидел у Билли на коленях и раздумывал, какой у нее план, да и сам пытался выдумать план-другой.

Может, стащить ранец и удалиться?

А что, это мысль. Я поймал взгляд Билли, подмигнул ей и указал вниз. Через минуту она усадила меня на соседнее место, а пока Смит пялился в другую сторону, опустила меня на пол. Чтобы скрыться от посторонних глаз, я нырнул под сиденье, но там оказалось пыльно, и пыль набилась мне в глотку, и снова разыгралась жажда.

Но пива под сиденьями не наливали, поэтому я миновал Биллины ноги и пополз дальше, пока не оказался позади синих саржевых брюк. Между ботинками у Смита стоял черный ранец – частично под сиденьем, куда нацист затолкал его, наверное, в целях конспирации. Тащить ранец к себе я не решился: Смит сразу бы это почувствовал.

Вот бы потихоньку открыть его и слямзить шлемы...

Этим я и занялся, понимая, что в любую секунду Смит может посмотреть под ноги, а потом раздавить меня каблуком, но уйти без шлемов я не имел права. Это была моя перво-степенная и архиважная задача: даже если Смит сумеет ускользнуть, придется ему ускользнуть без шлемов.

С защелкой на ранце пришлось повозиться, ведь мои пальцы были сделаны из манной каши, они постоянно выгибались в противоестественных направлениях. Когда я наконец справился с замком, он щелкнул так, словно выстрелили из пистолета. Я замер, понимая, что вот-вот меня начнут топтать ногами.

Но музыканты в тот момент разыгрались особенно громко, и на самом деле щелчок был не настолько оглушительный, как мне показалось. Смит не посмотрел вниз. Как только мое сердчишко вернулось на место, я стал дюйм за дюймом открывать ранец. Не настезь. Ровно настолько, чтобы просунуть в него руку и ощупать содержимое.

Ощупав под пальцами гладкую ткань шлема, я выудил его и полез за вторым. Схватил, но тут послышался громкий топот и в поле зрения появилась еще одна пара ног в брюках. Кто-то сел рядом со Смитом. Новопришедший приставил свой ботинок к Смитовому и принялся вытаптывать какой-то шифр.

Номер Третий!

4. Грубая сила

Ну и ну! Глядя на бурые твидовые ноги и коричневые «оксфорды» с длинной царapiной на одном носке, я вспотел от страха. Если Смит обнаружит, что творится под сиденьем, Поросенку – или Кэссиди, или кем бы я в тот момент ни числился – придет конец!

Но никто не двинулся с места. Очевидно, нацисты никуда не спешили, а Билли спокойно сидела рядом с ними. Что ж, хоть какая-то передышка. Что дальше?

Проблема решилась сама собой. Я услышал знакомые завывания остролицей линкорной дамы:

– Вот она, девчонка! Вот она! Уверю вас, она похитила младенца!

Дама явилась с полицейским. Как только голос с сочным сельским акцентом приказал Билли не шуметь и пройти куда положено, я понял, что тайное вот-вот станет явным. Ого! Если Билли уйдет и оставит меня в обществе этих мерзавцев, лавочка Джерри Кэссиди закроется раз и навсегда!

Билли тоже это понимала. Я почти ничего не видел, но услышал какую-то возню, возглас линкорной дамы и голос Билли: на повышенных тонах она говорила о нацистских лазутчиках.

– Вот они, эти люди, сэр! – втолковывала она полицейскому. – Вот они, прямо перед вами. Это вражеские агенты, они похитили важное изобретение.

– Ну же, ну же, – сказал коп, – дамочка, не горячитесь.

Но Смит допустил ошибку. Полез за ранцем, ощупал и понял, что тот раскрыт.

– *Доннер унд...*²³ Господин полицейский, эта девушка – воровка! Она украла мои шлемы!

Номер Третий пнул Смита по ноге, и придурок заткнулся, но поздно: он уже сделал фатальное признание, а нью-йоркские копы схватывают все на лету.

Я услышал возглас и громкий хлопок; ноги в синих саржевых брюках раздвинулись, и оказалось, что я смотрю прямо в лицо Смицу: тот нагнулся, чтобы заглянуть под сиденье. Увидел, что я пытаюсь стянуть транспортные шлемы, и протянул руку, чтобы меня схватить. Я едва успел отползти.

– Погодите-ка, мистер, – сказал коп. – Эй вы, бросьте пистолет!

Думаю, он обращался к Номеру Третьему, поскольку в тот момент Смит вскарабкался на сиденье, намереваясь атаковать меня с тыла. Прозвучал еще один хлопок, но на сей раз это не был стук каблука. Это был пистолетный выстрел.

Коп не стал палить в такой толпе. Вместо этого он бросился вдогонку за Номером Третьим. Оба налетели на Смита, и у меня появился шанс вынырнуть в центральный проход.

---

²³ Черт возьми... (нем. Donner und Doria...)

Повсюду вскакивали с кресел ничего не понимающие люди, где-то свистел свисток, а Билли с линкорной дамой катились вниз по проходу, сцепившись в рукопашной. Тут я углядел знакомое лицо: косой головорез, подручный Смита, скрылся за дверью, ведущей в зверинец.

Я увидел его лишь мельком. Смит выпутался из кучи-малы и снова ринулся на меня, а я опять нырнул под сиденья. Малые размеры давали мне некоторое преимущество, но оно нивелировалось слабосильностью, и мои руки были заняты шлемами. А Смит уже выхватил свой «уэбли».

Я метнулся к следующему проходу, поднял глаза и вовремя заметил второго головореза: он шагал мне навстречу и ухмылялся во всю безобразную пасть. Я пополз, извиваясь, словно головастик. Младенцы – отменные ползуны, и на пересеченной местности у них сплошные преимущества. Ряды сидений чинили моим преследователям некоторые неудобства, и это было хорошо.

Теперь ни о какой конспирации не могло быть и речи. Вспыхнула всеобщая паника. Повсюду были люди, они верещали и топали, да так шумно, что я едва не оглох.

– *Готт!* – взвизгнул нацист слева от меня. – Эрик выпустил гориллу! Пристрелите эту тварь!

– *Найн!* – крикнул Смит в ответ. – Пусть будет хаос! Так мы сумеем незаметно уйти. Но сперва шлемы! Живо!

И они снова бросились ко мне, а я сменил маршрут: до этого полз вверх, а теперь двинул вниз. Так было быстрее. К счастью, в меня не стреляли. Наверное, немцы боялись повредить шлем, зацепив его пулей.

Я увернулся от стремившейся ко мне руки и мячиком покатился вниз. Остановиться не мог, но по-прежнему крепко сжимал добычу. Наконец мое нисхождение закончилось рядом с опустевшей ареной. Люди пробивались к выходам из зала, а в двадцати футах я узрел гориллу: она скалила зубы и неслась напрямиком на меня!

Я бросился в отступление так резво, что мне позавидовал бы сам Роммель. Понятно, что сиденье, под которым я скрылся, оказалось бы неважнецкой защитой, вознамерься зверюга меня сцапать, но бомбоубежища рядом не нашлось. Я не знал, что стало со Смитом и его приятелем, но слышал, как где-то надо мной полицейский до сих пор единоборствует с Номером Третьим. Что касается Билли, она куда-то пропала.

Горилла призадумалась. Казалось, ей хочется уйти, но как только она уйдет, ко мне приблизится Смит и я окажусь в ловушке.

Тут я вспомнил, как в клетке горилла нахлобучивала миску себе на башку. Ну а почему бы и нет? Вот он, мой шанс!

Я щелкнул тумблерами на обоих шлемах и бросил один из них обезьяне. Подающая рука у меня была не та, что прежде, но горилла все же заметила шлем и загорелась любопытством. Подняла его, поморгала и устремилась прочь. Я что-то крикнул ей вдогонку. Смита я не видел, но слышал, как он подкрадывается все ближе.

Горилла обернулась и посмотрела на меня. Я выкатился на арену. Глянул за спину и обнаружил, что подручный Смит бросился на помощь Номеру Третьему: полицейский еще сопротивлялся, но его лупили пистолетом.

К тому же, огибая сиденья, ко мне подбирался не только Смит, но и косоглазый увалень, выпустивший гориллу из клетки.

Мои ноги запутались до полной бесполезности, а еще я выбился из сил, потому что младенцы не рассчитаны на подобные нагрузки. Я понимал, что, если Смит ринется вперед, у меня не будет никакой возможности сдвинуться в сторонку и избежать столкновения. Поэтому я уселся на виду у гориллы и надел шлем на голову.

И сразу снял. Тупая обезьяна разинула пасть. Она совсем забыла про шлем, который держала в лапах. Вот дура!

Я продолжал надевать шлем и сдергивать его с головы. Наконец горилла настолько заинтересовалась, что шагнула в моем направлении, при этом выпустив шлем из лап. Посмотрела под ноги, подняла изобретение дока и с любопытством потыкала в него пальцем.

– Эй! – пропищал я. – Ну давай! Делай как я!

Горилла уставилась на меня. Я снова надел шлем, и в этот момент здоровенная ладонь схватила меня за руку. Я попробовал вырваться, но задача оказалась непосильной. Передо мной мелькнула сонная физиономия Смита с накрепко захлопнутой крысоловкой, а потом...

А потом я очутился уже не там, а на арене, откуда видел, как Смит поднимает младенца. Мои руки, тоже поднятые, поудобнее устраивали шлем на голове.

Шлем! Голова, кстати, тоже была не моя. Шлем едва налез на волосатую макушку. Я посмотрел вниз, и одного взгляда хватило, чтобы понять: я уже не младенец, а дикий зверь!

Вот это да!

Шлем едва не свалился у меня с головы, и я неловко поймал его, еще не до конца привыкнув к новому телу. Задумался, что делать дальше, и тут увидел на той стороне арены Билли: она вставала с распростертого тела линкорной дамы. Я крикнул ей, чтобы шла ко мне, но получился лишь басовитый гулкий рев. Однако Билли хотя бы обратила на меня внимание.

Я бросил ей шлем, а сам бросился к Смигу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.